

САНДРА
БРАУН

СЛАДКАЯ
БОЛЬ

1994

Сандра Браун

Сладкая боль

OCR Angelbooks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129570

Сладкая боль: Эксмо; Москва; 2001

ISBN 5-04-006015-7

Оригинал: SandraBrown, "Bittersweet rain"

Перевод:

Татьяна Шишова

Аннотация

Спустя годы молодой преуспевающий бизнесмен Ринк Ланкастер возвращается в свой родной дом, где вновь встречает женщину, которую страстно любил в юности. Наделав ошибок, они расстались без надежды на встречу. И вот теперь судьба снова свела их вместе, чтобы они поняли – их любовь не умерла и страсть, несмотря на пропасть, разделившую их, готова вспыхнуть с новой силой.

Содержание

1	4
2	27
3	51
4	78
5	104
6	128
7	152
8	170
9	195
10	217
11	239
12	260
13	279
14	298

Сандра Браун

Сладкая боль

1

– Вы уверены, док?

Хирург утвердительно кивнул:

– Сожалею, миссис Ланкастер, но случай запущенный.

– И... никакой надежды?

– Увы, мы можем лишь избавить мистера Ланкастера от боли. – Врач дотронулся до плеча Каролины и со значением поглядел на мужчину, стоявшего рядом с ней. – Крепитесь, это продлится недолго. От силы пару недель.

Каролина молча кивнула и поспешно отвернулась, пытаясь скрыть слезы.

Доктор мучился сознанием собственного бессилия. Когда родственники больных, услышав страшный приговор, впадали в истерику, ему удавалось сохранить хладнокровие. Но то, что эта хрупкая женщина так мужественно восприняла печальную весть, совершенно выбило молодого врача из колеи. Он вдруг ощутил себя неопытным юнцом, а ответственность, лежащая на нем, показалась ему непосильной ношей.

– Если бы мистер Ланкастер своевременно прошел обследование, то, может быть... – подавленно проговорил хирург.

Каролина покачала головой.

– Он не хотел. Я с самого начала, как только он впервые пожаловался на боли в желудке, уговаривала его обратиться к вам. Но он все отнекивался – уверял, что это простое несварение.

– Да, Роско не переупрямишь. Это всем известно, – подал голос спутник Каролины Ланкастер – адвокат Грейнджер Хопкинс. Он ласково взял Каролину за руку. – Скажите, доктор, миссис Ланкастер может с ним увидеться?

– Действие наркоза закончится через несколько часов, уже к вечеру, – ответил врач. – Я бы советовал вам поехать домой и отдохнуть.

Каролина кивнула, и адвокат Грейнджер, друг семьи Ланкастеров, повел ее к выходу. Они ждали лифт в тяжелом молчании. Известие о том, что дни Роско сочтены, оглушило Каролину, но в глубине души она уже знала приговор. Жизнь никогда ее не баловала, поэтому наивно было бы надеяться на положительные результаты биопсии и тешить себя мыслью, что у Роско ничего страшного нет, что это обыкновенная язва...

– Как вы себя чувствуете? – тихо спросил Грейнджер, когда двери лифта закрылись, оградив их от посторонних взоров.

Каролина прерывисто вздохнула:

– Как может чувствовать себя женщина, узнав, что ее муж скоро умрет?

– Да-да, конечно. Извините.

Каролина подняла на него глаза и печально улыбнулась. Грейнджер тут же растаял. Ее улыбка неизменно трогала сердца мужчин и женщин.

– Не сердитесь, Грейнджер. Я не могу вам передать, как я рада, что вы наш друг.

Они шли по вестибюлю недавно отремонтированной больницы. И больничным персоналом, и посетителями, узнав жену Ланкастера, спешили отвести глаза. В их взглядах читалось любопытство, однако лица были почтительными. Все уже знали... В маленьких местечках типа Уинстонвиля весть о том, что самый богатый его житель вот-вот умрет, разносится с молниеносной быстротой.

Грейнджер проводил Каролину до машины и распахнул перед ней дверцу. Она села за руль, но не торопилась повернуть ключ зажигания. Каролину обуревали тягостные, тревожные мысли. Теперь ей предстоит взять на себя столько печальных обязанностей. Что же надо сделать в первую очередь?

– Нужно сообщить Ринку.

Каролину словно проткнули ледяной иглой. «Ринк, Ринк», – оглушительно прозвучало в ушах. Боль была такой сильной, что она не могла пошевелиться.

– Каролина, вы меня слышите? Я сказал...

– Да, я слышала.

– Перед операцией Роско взял с меня слово, что, если ди-

агноз будет неутешительный, я свяжусь с Ринком.

Красивые темно-серые глаза Каролины посмотрели на адвоката в упор.

– Он просил вас связаться с Ринком?

– Да. И я обещал это сделать.

– Странно... Я думала, они никогда не помирятся.

– Роско умирает, Каролина. Он, наверное, догадывается, что уже не выйдет из больницы, и хочет повидаться с сыном перед смертью.

– Но они двенадцать лет не виделись и даже не разговаривали, Грейнджер! Я не уверена, что Ринк согласится приехать.

– Согласится, когда узнает все обстоятельства.

Неужели? О Господи, неужели Ринк приедет? И она увидит его вновь?.. Как-то он теперь выглядит?.. Все было так давно... С тех пор прошло двенадцать лет!.. Каролина судорожно сжала руль «Линкольна». Ладони ее увлажнились от волнения. Да что ладони! Она вся покрылась холодной испариной.

– Не волнуйтесь, – сказал Грейнджер, почувствовав ее смятение. – Разговор с Ринком я возьму на себя, это будет вполне уместно, ведь вы же не знакомы с ним.

Каролина не стала его переубеждать. Все эти двенадцать лет она от всех скрывала свое знакомство с Ринком, теперь ей незачем открывать свою тайну.

– Спасибо за все, – благодарно улыбнулась она и накрыла

ладонью руку Грейнджера.

Некрасивое, длинное лицо адвоката напоминало морду борзой. Щеки обвисли, словно шары, из которых выпустили воздух. Когда Каролина дотронулась до его руки, Грейнджер покраснел, как мальчишка. Лохматый и сутулый, он казался добродушным тюфяком и мямлей, но его карикатурная внешность была обманчивой. Грейнджер обладал острым, изворотливым умом, что, впрочем, не мешало ему оставаться честным до щепетильности.

– Я всегда рад помочь, Каролина. Вы только скажите.

Каролина покачала головой. Уже одно то, что он вызвался сам поговорить с Ринком, было для нее огромным облегчением. Она бы не справилась с этим сама.

– Мне придется сообщить правду Лауре Джейн. – Серые глаза наполнились слезами. – Господи, как тяжело!

– И все же вы сделаете это лучше, чем кто-либо другой. – Грейнджер погладил Каролину по руке и отошел от машины. – Я позвоню после обеда и, если хотите, отвезу вас в больницу.

Каролина кивнула и завела мотор. Городок уже проснулся, и жизнь била в нем ключом. Люди были поглощены будничными хлопотами, и большинство из них пока не подозревало о том, что мир Каролины Доусон Ланкастер рухнул в одночасье.

Роско Ланкастер, человек, который сначала взял ее к себе на работу, а потом женился на ней, скоро умрет. Недолго

она жила спокойно и была уверена в завтрашнем дне. Теперь будущее вновь станет зыбким... Ведь для нее смерть Роско – это не только потеря близкого человека, но и утрата положения в обществе.

Каролина проехала мимо хлопковой фабрики, принадлежавшей Ланкастеру. В нынешнем году урожай хлопка будет большим, надо как следует подготовиться к его переработке. Да, видимо, придется не откладывая рассказать мастерам на фабрике о том, как обстоят дела Роско. И это ей предстоит сделать самой, поскольку с тех пор, как здоровье Роско пошатнулось, она взяла бразды правления в свои руки. Мастера, естественно, по секрету поделятся новостью с рабочими, и скоро уже весь город будет знать, что дни Роско Ланкастера сочтены.

Женитьба Роско Ланкастера на Каролине Доусон, которая была на тридцать лет его моложе, в свое время вызвала массу сплетен. «Ишь как эта оборванка Доусон хорошо устроилась, – судачили люди. – Живет теперь в поместье Укромный уголок, ездит на блестящем новехоньком „Линкольне“, одевается словно куколка. Подумать только! Все ведь помнят, как она носила залатанные джинсы и подрабатывала после уроков в магазине „Вулворт“. А теперь выскочила за самого богатого человека в округе и важничает, нос задирает!»

Каролина старалась поменьше бывать среди этих людей. Ей докучали любопытные взгляды, в которых явственно читался вопрос: интересно, каким зельем сероглазая ведьма

опоила Роско, который столько лет был вдовцом, а теперь вдруг взял – и женился?

Скоро горожане явятся к ней выражать соболезнования... Каролина на мгновение закрыла глаза и вздрогнула. И лишь при виде усадьбы Ланкастеров немного взбодрилась. Она до последнего вздоха будет, наверное, любить этот дом. Он пленил ее с первого взгляда, когда она была еще маленькой девочкой и, гуляя по лесу, заметила его за деревьями.

Дом был окружен величественными дубами, которые раскинули могучие замшелые ветви, словно заключая его в богатырские объятия. Сам же особняк напоминал кокетливую южанку в пышном кринолине. Стены особняка изумляли своей белизной. Фасад украшали коринфские колонны. Они поддерживали балкон на втором этаже. Вернее, даже не балкон, а просторную галерею, опоясывавшую весь дом. На веранде стояла белая плетеная мебель. Ее вносили в дом только в холодные зимние месяцы, когда шли затяжные дожди. Балкон огораживала узорчатая чугунная решетка, выкрашенная белой краской и напоминавшая кружева на женской юбке. Зеленые ставни прикрывали высокие окна, которые зеркально поблескивали на солнце.

Пчелы самозабвенно жужжали, роясь над благоухавшими цветами, такими яркими и пестрыми, что рябило в глазах. Нигде больше не было столь зеленой травы. Она казалась пушистым ковром, расстеленным вокруг особняка.

Блаженная тишина окутывала дом, словно волшебный ту-

ман, опустившийся на сказочный замок. Сколько Каролина себя помнила, этот особняк был для нее пределом мечтаний. Теперь она в нем жила. Но сегодня Каролине стало ясно, что ее пребывание здесь подходит к концу.

Она остановила машину на засыпанной гравием дорожке, делавшей петлю перед входом в дом. Но, заглушив мотор, еще немного посидела, наводя порядок в мыслях и собираясь с силами. Да, сил ей сегодня понадобится много... День будет нелегким.

После яркого солнечного света в холле было темно. Своей планировкой Укромный уголок, построенный до войны Севера с Югом, ничем не отличался от множества других домов богатых плантаторов. Просторный холл разделял особняк на две половины. По одну его сторону располагались парадная столовая и библиотека, где Роско устроил свой офис, а по другую – две гостиные, для торжественных приемов и обычная. Они были отделены от холла и друг от друга большими раздвижными дверями. Каролина не помнила, чтобы эти двери когда-нибудь закрывались. Красиво изгибавшаяся резная лестница вела на второй этаж, где находились четыре спальни.

В доме царил прохлада, в летнюю духоту это было блаженство. Каролина сняла пиджак, повесила его на плечики и принялась расстегивать шелковую блузку.

– Ну что? Какие новости?

Миссис Хейни, служившая в Укромном уголке экономкой

еще с той поры, когда Мар-лена Уинстон вышла замуж за Роско Ланкастера, замерла на пороге столовой. Миссис Хейни прибежала с кухни, вытирая посудным полотенцем свои большие, ловкие, натруженные руки.

Каролина обняла ее.

– Значит, плохо? – прошептала экономка и ласково погладила Каролину по прямой спине.

– Хуже некуда. У него рак. Он не вернется домой.

У Хейни вырвалось сдавленное рыдание. Женщины обнялись, утешая друг друга. Правда, Хейни жалела в основном не Роско, которого недолюбливала все годы, что служила у него в доме. Ей гораздо больше было жаль тех, кого он оставлял. В том числе и его молодую вдову.

Поначалу Хейни отнеслась к новой хозяйке Укромного уголка настороженно и неприязненно. Но, убедившись, что Каролина не собирается менять порядки, установленные Мар-леной, постепенно прониклась к ней симпатией. В конце концов, девушка же не виновата в своем происхождении! Дети за родителей не отвечают. С Лаурой Джейн Каролина обращалась обходительно, и уже одного этого было достаточно, чтобы завоевать расположение Хейни.

– Хейни! Каролина! Что это с вами?

Женщины обернулись. На нижней ступеньке лестницы стояла Лаура Джейн. Дочери Роско было двадцать два года, но она выглядела подростком. Шелковистые каштановые волосы, разделенные на прямой пробор, подчеркивали блед-

ность лица, казалось, сделанного из полупрозрачного фарфора. Черты его были слишком утонченными, почти неземными. Длинные пушистые ресницы окаймляли большие бархатисто-карие глаза, взиравшие на мир с печалью. Но увы, очаровательная Лаура Джейн была недоразвита и умственно, и физически. Прелестный бутон, которому не суждено стать прекрасным цветком... Время было над ней не властно.

– Папе сделали операцию, да? Он скоро вернется домой?

– Доброе утро, Лаура Джейн, – сказала Каролина падчерице, которая была всего на пять лет моложе ее самой, если измерять разницу в возрасте только годами. – Давай прогуляемся, милая, – предложила она, беря девушку под руку. – Сегодня такой славный денек.

– Давай. А почему Хейни плачет?

Хейни утирала глаза полотенцем.

– Ей грустно.

– Почему?

Каролина вывела девушку на веранду.

– Из-за Роско. Он тяжело болен, Лаура Джейн.

– Я знаю. У него все время болит желудок.

– Да, и доктор сказал, что Роско не выздоровеет.

Они вышли на лужайку. Два раза в неделю, независимо от погоды, рабочие подстригали газоны, поддерживая их в идеальном состоянии. Лаура Джейн сорвала маргаритку, выросшую возле тропинки.

– У папы рак, да?

Порой ее пронизательность изумляла домашних.

– Да, – кивнула Каролина.

Она не собиралась скрывать от Лауры Джейн правду. Это было бы жестоко.

– По телевизору много говорят о раке. – Девушка остановилась и с тревогой заглянула Каролине в глаза. Мачеха и падчерица были одного роста. – Папа может умереть.

Каролина вздохнула.

– Он умрет, Лаура Джейн. Доктор сказал, что ему осталось жить совсем немного.

Из темно-карих глаз не выкатилось ни слезинки. Лаура Джейн задумчиво понюхала маргаритку, осмысливая услышанное. Потом опять посмотрела на Каролину.

– Он попадет в рай, как ты думаешь?

– Надеюсь... Да-да, конечно, дорогая.

– Тогда, значит, папа соединится с мамой. Она ведь давно ждет его на небе. Мама обрадуется. А у меня останешься ты. И Хейни со Стивом, – Лаура Джейн оглянулась на конюшню. – Да, и еще же есть Ринк! Он каждую неделю присылает мне по письму. Пишет, что любит меня и всегда будет обо мне заботиться. Как ты думаешь, Ринк сдержит свое обещание, Каролина?

– Обязательно, – Каролина сжала губы, с трудом подавляя рыдания.

Разве Ринк способен сдержать слово? Даже данное родной сестре...

– А почему тогда он не живет с нами?

Вполне логичный вопрос.

– Ну, может, твой брат скоро вернется домой, – уклончиво ответила Каролина.

Она не хотела обнадеживать девушку, не убедившись наверняка в том, что Ринк приедет.

Лаура Джейн вновь пришла в безмятежное расположение духа.

– Стив меня ждет. Вчера ночью кобыла ожеребилась. Пошли посмотрим на малыша!

Девушка схватила Каролину за руку и потащила к конюшне. Каролина позавидовала ее жизнерадостности. Ей бы очень хотелось воспринимать неизбежную кончину Роско с такой же непоколебимой верой в его будущее существование в других пределах, какой природа наделила его дочь.

В конюшне было жарко. Приятно пахло лошадьми, кожей и сеном.

– Стив! – весело позвала Лаура Джейн.

– Я здесь, – откликнулся низкий мужской голос.

Стив Бишоп служил у Ланкастеров конюхом. Роско особенно не интересовался уходом за лошадьми, но чистокровные рысаки были его страстью. Бишоп выглянул из бокового стойла. Невысокий, кряжистый, он обладал недюжинной силой. Грубоватое лицо его производило бы отпугивающее впечатление, если бы не добродушное выражение, смягчавшее резкость черт. На длинных волосах Стива всегда красо-

валась либо повязка, сделанная из косынки, либо – как сейчас – ковбойская шляпа. Он был в старых, мятых джинсах, запыленных сапогах и грязной рубаше.

Когда Лаура Джейн бросилась к Стиву, его лицо озарилось улыбкой. Но глаза оставались печальны, даже когда Стив улыбался. Казалось, они жили своей отдельной жизнью и были гораздо старше тридцатисемилетнего конюха.

– Стив, мы пришли посмотреть на жеребенка, – едва слышно прошептала Лаура Джейн.

– Пожалуйста. Он там, – Стив кивнул на стойло за своей спиной.

Лаура Джейн побежала туда, а Стив вопросительно поглядел на Каролину.

– Рак, – тихо произнесла она, отвечая на его немой вопрос. – Его дни сочтены.

Стив вполголоса чертыхнулся и покосился на девушку, которая присела возле жеребенка и принялась ему ласково что-то нашептывать.

– Вы сказали ей?

– Да, и она восприняла это известие лучше, чем все мы.

Стив грустно усмехнулся:

– Ничего удивительного.

– Ой, Стив, какой же он красавчик! – раздался из стойла звонкий голос Лауры Джейн.

Стив смущенно погладил Каролину по плечу и неловко опустился на колени рядом с дочерью Ланкастера. На вет-

намской войне Стив лишился ноги – она была ампутирована до колена, – и он носил протез. Но заметно это становилось, лишь когда ему приходилось нагибаться.

– Да, детеныш прекрасный. И мамаша им очень гордится. – Он потрепал кобылу по крупу, не отрывая взгляда от Лауры Джейн.

Рука его сама потянулась к волосам девушки, чтобы снять прилипшую соломинку, пальцы легонько коснулись нежной щеки... Лаура Джейн подняла на него глаза, и они обменялись улыбками.

Каролина ошеломленно уставилась на них. Неужели они влюблены друг в друга? Она растерялась и хотела потихоньку ретироваться, но Стив окликнул ее:

– Миссис Ланкастер! Если я могу чем-нибудь помочь...

Он не договорил.

– Спасибо, Стив, но пока ничего не надо. Просто работайте, как работали, – и все.

– Договорились, мэм.

Стив знал, что своим местом у Ланкастера он обязан ей. Когда Стив Бишоп, прикрываясь ожесточением, будто щитом, явился к Роско искать работу, Каролина еще служила у Ланкастера секретаршей. Стив тогда носил длинный конский хвост, грудь его была увешана значками с антивоенными и антиамериканскими лозунгами, держался он вызывающе и чуть не взял Роско за грудки, требуя, чтобы тот дал ему шанс проявить себя в деле. Стив уже довольно долго пытал-

ся устроиться на работу, но повсюду получал отказ.

Каролину не смутило вызывающее поведение Стива. Она сразу поняла, что человек он, в сущности, хороший. Просто жизнь его слишком сильно была, и парень отчаялся. Поняв это, Каролина мгновенно ощутила свое внутреннее родство с ним. Ей ли было не знать, как обидно, когда к тебе приклеивают ярлык и судят лишь по внешности и по происхождению! Поэтому, когда Стив сказал, что до вьетнамской войны он ухаживал за лошадьми на ранчо, Каролина уговорила Роско нанять его.

И Роско ни разу об этом не пожалел. Стив быстро изменился к лучшему: остриг длинные волосы и позабыл про свои бунтарские замашки. Он усердно трудился, а лошадей чувствовал как никто другой. Окружающие только диву давались. Оказывается, в него нужно было лишь поверить – и все сразу встало на свои места!

По дороге к дому Каролина размышляла над увиденным. Да, Стив и Лаура любят друг друга! Она улыбнулась и покачала головой. В холле звонил телефон. Каролина машинально сняла трубку, не дожидаясь, пока это сделает Хейни.

– Алло!

– Каролина? Это Грейнджер.

– Да?

– Я говорил с Ринком. Он будет здесь сегодня вечером.

– Хейни, пожалуйста, приберись в комнате Ринка. Он се-

годня приедет.

Экономка не удержалась от слез.

– Слава Богу! Слава Богу! Значит, не зря я молилась, чтобы мальчик вернулся домой. Представляю, как возрадуется на небесах его матушка!.. А в комнате прибраться не надо, там и так полный порядок, надо только будет поменять постельное белье. Я каждую неделю чистоту наводила – на всякий случай. Вдруг, думаю, молодой хозяин решит приехать? Господи, как же мне не терпится поглядеть на моего красавчика!

Ну а Каролина, наоборот, старалась не думать о встрече с блудным сыном Роско. И, чтобы отвлечься, с головой ушла в мелкие хлопоты.

Она гнала прочь и мысли о неизбежной кончине мужа, откладывая их на потом. Во второй половине дня Каролина вернулась в больницу, но даже у постели Роско предпочитала не думать о том, что ждет беднягу в скором будущем. Действие наркоза еще не закончилось, но Каролине показалось, что, когда она перед уходом взяла мужа за руку, он легонько сжал ее пальцы.

За обедом Каролина сообщила Лауре Джейн о скором приезде Ринка. Девушка вскочила со стула, обхватила Хейни за талию и закружилась с ней по комнате.

– Видишь, Хейни! Он обещал вернуться – и возвращается! Ура! Ринк возвращается домой! Пойду расскажу Стиву!

И Лаура Джейн побежала на конюшню – у Стива там была

своя комната.

– Ну чего она пристала к парню? Он, наверное, спит и видит, как бы от нее отвязаться, – проворчала экономка.

Каролина усмехнулась:

– Не думаю.

Хейни вопросительно подняла брови, но Каролина не стала развивать свою мысль, а, взяв стакан мятного чая со льдом, вышла на веранду, уселась в плетеное кресло-качалку, откинула голову на цветастую подушку и закрыла глаза.

Больше всего она любила Укромный уголок в этот предвечерний час, когда в доме уже зажигали свет. Тени удлиннялись, темнели и растворялись одна в другой так, что все острые углы исчезали, и очертания предметов становились расплывчатыми. Небеса приобретали редкостный фиолетовый оттенок и, казалось, затвердевали. Силуэты деревьев были словно выгравированы на темном фоне. Громко квакали лягушки, пронзительно и неумолчно звенели цикады. Пойма реки поражала своим плодородием. Каждый цветок источал удивительный, неповторимый, пьянящий аромат.

Насладившись минутами отдыха, Каролина открыла глаза и... увидела Ринка.

Он неподвижно стоял под раскидистым дубом. К горлу ее подкатил комок, в глазах помутилось. Это сон или явь?.. Борясь с дурнотой, Каролина сжала в неверной руке холодный стакан. Ведь еще мгновение – и он выпал бы из ее онемевших пальцев.

Ринк отошел от дерева и бесшумно, будто пантера, приблизился к дому. В сгущавшемся сумраке Каролина видела лишь смутный мужской силуэт, однако не сомневалась, что это Ринк. Годы не изменили его. Он был все таким же стройным, как и в их первую встречу. Лицо Ринка пока оставалось в тени, но, заметив белую полоску зубов, Каролина догадалась, что его губы медленно растянулись в дерзкой улыбке.

– Ба! Кого я вижу! Каролина Доусон! – Тон был под стать улыбке.

Ринк поставил ногу на каменную ступеньку и оперся руками о колено. Отблески света, просачивавшегося из холла, упали ему на лицо, и сердце Каролины сжалось от боли и... от любви.

– Только теперь мадам носит фамилию Ланкастер, не так ли?

– Да, теперь я Ланкастер. Здравствуй, Ринк!

О, это лицо... преследовавшее ее в стольких снах, являвшееся в мечтах! Кто бы мог подумать, что Ринк до сих пор – писанный красавец!.. Вернее, не так... Если в двадцать лет он был просто хорош собой, то теперь стал неотразим. Да... Дьявольская красота! Иссиня-черные кудри непокорны – под стать его нраву. Взгляд таинственный, завораживающий... как и тогда, при первой встрече. Люди, лишённые воображения, назовут его глаза светло-карими, но на самом деле они золотые.словно чистейший мед, изысканнейший ликер, пара лучистых топазов.

В последний раз, когда она видела эти глаза, в них сверкала страсть. «До завтра... До завтра, малышка! Встретимся здесь, на нашем месте. О Господи, Каролина! Поцелуй меня еще разок!» И опять: «Ладно, до завтра...» Только вот завтра он не вернулся. Исчез – и больше не появился!

– Забавно, – пробормотал Ринк, всем своим видом давая понять, что ничего забавного тут нет. – У нас с тобой теперь одна фамилия.

Каролина не ответила. Ей, конечно, хотелось крикнуть, что они могли бы уже давно носить одну фамилию, если бы он не предал ее, не оказался подлым лгуном. Однако есть вещи, о которых лучше не говорить вслух.

– Я не слышала, как ты подъехал, – вместо этого сказала она.

– А я прилетел на самолете и добрался сюда с летного поля пешком.

Посадочная полоса находилась примерно в миле от дома.

– Ах, вот как... Но почему?

– Наверное, потому, что не был уверен в теплом приеме.

– Но это же твой дом, Ринк.

Он грубо выругался.

– Ну разумеется!

Каролина облизала пересохшие губы. Она не решалась встать с кресла, боясь, что у нее подкосятся ноги.

– Ты даже не поинтересовался здоровьем отца.

– Грейнджер мне все рассказал.

– Значит, тебе известно, что он умирает?

– Да. И почему-то пожелал со мной увидеться. Чудеса – да и только! – язвительно усмехнулся Ринк.

Каролина вскипела и, уже не думая, выдержат ли ее ноги, вскочила с кресла.

– Как тебе не стыдно, Ринк! Твой отец – старый больной человек. Он совсем не такой, каким ты его помнишь.

– Да он до последнего вздоха останется самим собой.

– Давай не будем спорить.

– А я и не спорю.

– А я не позволю тебе его расстраивать! И огорчать Лауру Джейн с Хейни – тоже. Они так мечтали тебя увидеть!

– Ты мне не позволишь? Ну надо же! Да ты никак возомнила себя тут хозяйкой?

– Прошу тебя, Ринк, не надо! Нам и так будет трудно в ближайшие недели...

– Знаю, знаю! – вздохнул Ринк.

Каролина, опасавшаяся уронить стакан с чаем, поставила его на перила крыльца.

– Я тоже жду не дождусь встречи с ними, – пробормотал Ринк, покосившись на конюшню. – Лаура Джейн недавно выходила из дома, но я не решился выступить из темноты – вдруг, думаю, испугается? Когда мы расставались, она была совсем крошкой. Даже не верится, что у меня теперь такая взрослая сестра.

Каролина вспомнила, как Лаура Джейн и Стив склони-

лись над жеребенком, и натруженные пальцы Стива прикасались к ее щеке. Интересно, как Ринк отнесется к тому, что у его сестры роман с конюхом? Каролина предпочла об этом не думать.

– Да, она уже действительно взрослая, Ринк.

Каролина почувствовала на себе его испытующий, оценивающий взгляд, который подействовал на нее, словно подогретый бренди. Ее бросило в жар.

– А ты... – тихо спросил Ринк, – ты тоже повзрослела, Каролина? Ты стала женщиной, да?

Поразительно! Она совсем не изменилась! Только красота ее еще больше расцвела.

Ринк расстался с Каролиной, когда она была пятнадцатилетней девочкой, и, возможно, ожидал увидеть теперь толстую распустеху с потускневшими волосами и расплывшейся фигурой. Но Каролина была по-прежнему стройной, будто тростинка. Грудь, правда, заметно округлилась, но ничуть не обвисла. Ринку безумно хотелось ее потрогать... Черт побери! Сколько раз папаша лапал эту грудь?

Ринк медленно поднялся по ступенькам крыльца. Он напоминал сейчас хищника, который мучает жертву ради собственного удовольствия, а не для того, чтобы утолить голод. Золотистые глаза, поблескивавшие в темноте, приковали к себе взгляд Каролины. На чувственных губах играла понимающая улыбка. Как будто Ринк догадывался, что она вспоминает вкус его поцелуев. Вспоминает то, о чем давно пора

позабить...

Каролина резко отвернулась.

– Я сейчас позову Хейни. Она...

Пальцы Ринка стиснули ее запястье. Каролина дернулась и замерла. Ей показалось, что на нее надели наручники.

Он повернул ее лицом к себе и вкрадчиво прошептал:

– погоди... Неужели мы не можем поздороваться более сердечно? Мы же с тобой не виделись целых двенадцать лет!

Ринк обхватил Каролину свободной рукой за шею и притянул к себе.

– Не забывай, мы ведь теперь родня!

В глазах его заплясали озорные огоньки, и в следующий миг он впился поцелуем в ее губы. Однако в этом не было ни капли нежности. Ринк был готов растерзать Каролину за все те ночи, когда он лежал без сна и думал о ней, невинной девушке... и о том, как она отдается его отцу.

Каролина уперлась кулаками в грудь Ринка. У нее звенело в ушах, ноги стали ватными. Она боролась с ним, но еще больше – с собой, ибо ей неудержимо хотелось прижаться к нему и вновь, как встарь, замереть от восторга в его объятиях...

Но Каролина понимала, что объятия Ринка теперь для нее оскорбительны, и потому вырывалась. Вырывалась изо всех сил...

Когда ей наконец удалось высвободиться, Ринк сунул руки в карман джинсов и торжествующе усмехнулся, заметив,

что губы Каролины заалели и припухли.

– Приветик, мамуля, – промурлыкал он, наслаждаясь ее гневом.

2

Каролина ахнула. Грудь ее заходила ходуном.

– Да как ты смеешь! – клопоча от ярости, воскликнула она. – Как ты смеешь так себя вести?

– А как ты посмела стать женой старого негодяя, который имеет несчастье называться моим отцом?

– Он не негодяй! И прекрасно ко мне относится.

Ринк сердито фыркнул.

– Ну еще бы! Это ведь он подарил тебе жемчужные сережки и кольца с бриллиантами, да? Ты вышла в люди, маленькая замарашка. И живешь теперь в Укромном уголке. Помнится, когда-то ты призналась мне, что готова все на свете отдать, лишь бы поселиться в таком дворце, – Ринк склонился к ее лицу и издевательски добавил, зло оскалив зубы:

– Хочешь, я угадаю, что ты отдала моему отцу, чем расплатилась с ним за эту женитьбу?

Не помня себя, Каролина вlepила Ринку пощечину. Удар был сильным, ладонь так и горела. Одно утешение – Ринку тоже, наверное, больно.

Он отшатнулся.

Ирония, сквозившая в его усмешке, взбесила Каролину, пожалуй, даже больше, чем откровенно издевательские слова.

– Это мое дело, что я ему отдала! Ты-то за двенадцать лет

вообще ради него пальцем о палец не ударил! Тебя не интересовало, что он расстраивается, страдает от одиночества, тоскует по тебе...

Ринк вновь отрывисто хохотнул:

– Тоскует? Браво, Каролина! У тебя богатое воображение. – Он скрестил руки на груди и насмешливо покачал головой. – Но, увы, вынужден тебя разочаровать. Мой отец тосковать не способен. Тем более если речь идет обо мне.

– Ошибаешься. Он хотел тебя видеть.

– Да он с радостью от меня избавился! И я от него тоже, – резко возразил Ринк. – Ладно, давай обойдемся без сантиментов. Уверяю тебя, Роско они глубоко чужды. Это все иллюзии.

– Не знаю, из-за чего вы тогда поссорились, но теперь он смертельно болен, Ринк. Прошу, не усложняй нам жизнь. Она и без того нелегкая.

– Кому из вас пришло в голову меня вызвать: тебе или Грейнджеру?

– Так захотел Роско.

– И ты туда же, вслед за Грейнджером? Я вам не верю.

– Но это правда.

– Значит, отец что-то затевает.

– Господи, да Роско просто хочет увидеть сына перед смертью! – возмутилась Каролина. – Неужели этого недостаточно?

– Для Роско – нет. Он хитер, люди для него – марионет-

ки. И если ему вдруг понадобилось, чтобы я увидел его при смерти, можешь не сомневаться, у него есть какая-то задняя мысль.

– Ты не должен так отзываться о нем. В конце концов, Роско – мой муж!

– Это твои трудности.

– Каролина! Ты с кем тут... О Господи! Ринк! – Хейни выглянула из дома и, увидев Ринка, бросилась к нему и так стиснула его в своих могучих объятиях, что, окажись на его месте кто-нибудь более хилый, он наверняка бы задохнулся.

Но Ринк лишь крикнул и крепко обнял ее в ответ. Каролина чуть не заплакала, глядя, как с его лица спадает презрительная маска и оно озаряется счастливой улыбкой. В золотистых глазах засветилась неподдельная радость.

– Хейни! Как я скучал по тебе!

– Если скучал, мог бы писать почаще, – проворчала Хейни, делая вид, что сердится.

– Каюсь, каюсь, – вздохнул Ринк, однако глаза его шаловливо поблескивали. Как в детстве, когда он таскал из буфета сладости, а она застигала его на месте преступления. Но ему всегда удавалось выйти сухим из воды.

Вот и сейчас Хейни расплылась в добродушной улыбке.

– А ты, значит, уже встретился с Каролиной?

– Ага. И мы даже успели с ней познакомиться поближе, – откликнулся Ринк, многозначительно поглядев на Каролину.

Но экономка этого не заметила.

– Какой-то ты худющий, – заявила она, придирчиво осматривая Ринка. – Наверное, плохо питаешься? Как не стыдно! Столько денег зарабатываешь, в газетах то и дело твои фотографии мелькают, а сам не можешь нормально поесть! Ладно, пошли в дом. Я как раз ужин приготовила.

– И ореховый торт. По запаху чую, – лукаво подмигнул Ринк, подталкивая Хейни к дверям.

– Торт я испекла просто так! Под настроение.

– Да ладно тебе, Хейни! Не притворяйся!

– А я и не притворяюсь. И жаркое из курицы я не специально для тебя приготовила.

Поселившись в Укромном уголке, Каролина поначалу чувствовала себя там чужой. Но со временем ей удалось познакомиться с Лаурой Джейн и тем самым вызвать расположение Хейни. Однако теперь, прислушиваясь к скрипу старинного паркета под ногами Ринка и к отзвукам его голоса, доносившимся из гулкового зала с высокими потолками, Каролина вновь ощутила себя в этом доме непрошенной гостьей. Укромный уголок принадлежал Ринку, а не ей.

Когда она вошла в кухню, Хейни и Ринк уже сидели за круглым дубовым столом. Хейни щедрой рукой положила в тарелку Ринка двойную порцию.

Он с любопытством оглядел комнату и явно остался доволен.

– Надо же! Ничего не изменилось.

– Ну не совсем, – возразила Хейни. – Пару лет назад стены перекрасили, но я попросила мистера Ланкастера не менять цвет. Мне хотелось, чтобы к твоему возвращению все осталось по-старому.

Ринк поперхнулся и смущенно уставился в тарелку.

– Хейни... я ведь вернулся только на время. Пока отец не поправится...

Хейни, хлопотавшая у плиты, замерла и поглядела на Ринка, словно на шкодливого мальчишку.

– Хватит скитаться по свету, Ринк. У тебя есть дом, и жи-
ви тут.

Он прожег взглядом Каролину, но тут же опустил глаза и сердито буркнул:

– У меня здесь все равно никого нет.

– А как же Лаура Джейн? – тихо напомнила Каролина, усилием воли заставляя себя перешагнуть порог и войти в комнату.

Если она будет торчать в дверях, Ринк еще, чего доброго, решит, что ему удалось на-гнать на нее страху! В ее собственном доме! Да-да, в ее собственном доме, ведь Роско еще не умер, а пока он жив, она имеет право чувствовать себя здесь хозяйкой.

Стараясь держаться уверенно, Каролина подошла к холодильнику и достала графин с охлажденным чаем, хотя на самом деле не испытывала жажды.

– Вот именно! Про Лауру Джейн ты, видно, совсем поза-

был, – подхватила Хейни, протирая и без того блестящий стакан. – А она, добрая душа, каждый день бегает к почтовому ящику – все ждет от тебя письмаца. Ты бы о ней подумал прежде, чем уехать! Мало ли что вы с отцом повздорили! Девочка-то тут при чем?

– Да мне самому, ты думаешь, было легко с ней расстаться? Как она? Изменилась?

– Естественно. Хорошенькая стала – прямо картинка!

– Ты же знаешь. Я не об этом.

Хейни чуть не уронила стакан.

– Да, я понимаю, что тебя интересует, – напряженно произнесла она. – Но и в этом смысле можешь не волноваться, у Лауры Джейн все в порядке. Я почувствовала по твоим письмам, что ты не понимаешь свою сестру, Ринк. Да, книжная премудрость для нее трудна, но зато во многом другом она разбирается почище записных умников. Не нужно ее чересчур опекать, Ринк. Заранее тебя об этом предупреждаю. Лаура Джейн выросла, и с ней нельзя обращаться, как с больным ребенком. Это красивая девушка. И тем, кто ее раньше не знал, даже в голову не придет, что она не совсем такая, как все.

– И тем не менее факт остается фактом. Она отличается от остальных, – упрямо насупился Ринк.

– Не настолько, – мягко возразила Каролина. – Лаура Джейн прекрасно осознает, что творится вокруг. Просто психика у нее слишком тонкая, хрупкая. Меня лично гораз-

до больше беспокоит ее ранимость, а вовсе не умственное развитие. Если Лаура Джейн разочаруется в том, кого любит, боюсь, ей не оправиться от такого удара.

Не отрывая взгляда от Каролины, Ринк утер рот льняной салфеткой, бросил ее на стол и резко встал.

– Благодарю за проповедь, святая Каролина! Постараюсь учесть ваши наставления.

– Я вовсе не то имела в виду...

– Не надо! Кого вы хотите обмануть? – рявкнул Ринк и, потянувшись к кофейнику, налил чашку до краев.

– Ринк Ланкастер, ты не должен разговаривать с Каролиной в таком тоне! – Хейни была ужасно шокирована тем, что они едва успели познакомиться, а уже на ножах. Из глаз будто искры сыплются, стоит им друг на друга взглянуть...

«Наверное, Ринку не по душе, что отец женился на молодой, – решила Хейни. – Но какое ему дело до отцовской женитьбы? Он ведь с отцом двенадцать лет даже зняться не хотел! Нет, тут что-то другое... Видать, он за усадьбу волнуется...»

Однако вслух она этого говорить, естественно, не стала, а возмущенно спросила:

– Где твои хорошие манеры, Ринк? Чему мы с твоей матерью тебя учили? Не забывай, Каролина – жена твоего отца, и ты должен ее уважать.

Ринк, испепелявший Каролину взглядом, невесело усмехнулся.

– Ну да! Я все как-то забываю, что она моя мачеха.

– А вот и Лаура Джейн, – перебила его Хейни и встревоженно попросила:

– Пожалуйста, не расстраивай девочку, Ринк. Бедняжка сегодня уже пережила один удар – нам пришлось сказать ей правду про здоровье отца. Но слава Богу, малышка восприняла печальную новость спокойно.

За стеклянной дверью послышался нежный голосок Лауры Джейн, а в следующую секунду девушка уже показалась на пороге. Увидев брата, она застыла как вкопанная. Точечная фигурка Лауры Джейн напоминала мраморную греческую статую. На лице сначала отразилось недоумение, но затем глаза радостно вспыхнули, щеки порозовели, на губах заиграла счастливая улыбка.

– Ринк!

Лаура Джейн повисла у брата на шее. Он крепко обнял ее и зажмурился, с трудом сдерживая слезы. Сестра стояла, уткнувшись лицом в его грудь, а Ринк легонько покачивал ее, словно баюкая. Так прошло несколько минут. Потом Лаура Джейн отстранилась и осторожно провела изящными пальчиками по его волосам, щеке и плечу, как бы желая удостовериться, что это не сон.

– Какой ты высокий! – прошептала она. – И сильный...

Засмеявшись, девушка потрогала бицепсы Ринка.

– А ты стала красавицей, – любуясь сестрой, откликнулся Ринк, и они со звонким хохотом снова бросились друг другу

в объятия.

Неожиданно Лаура Джейн посерьезнела.

– Папа скоро умрет, Ринк. Каролина тебе сказала?

– Сказала, – Ринк погладил Лауру Джейн по голове.

– Но у меня останешься ты... и Хейни с Каролиной, и Стив... О Господи! Я же забыла вас познакомить! – Лаура Джейн повернулась к конюху, который вошел вслед за ней и стоял, переминаясь с ноги на ногу, возле двери. – Стив Бишоп, – Лаура взяла его за руку и подвела к Ринку, – пожалуйста, познакомься с моим братом.

Стив осторожно высвободил руку и протянул ее Ринку.

– Рад знакомству с вами, мистер Ланкастер.

– Зовите меня просто Ринком, – сказал тот, и они обменялись крепким рукопожатием. – Вы давно здесь работаете?

– Чуть больше года.

Ринк посмотрел на сестру, что-то припоминая.

– Да-да, Каролина мне писала о вас.

– Ой, Ринк! Знаешь, что вчера случилось? Наша кобыла ожеребилась! – принялась воодушевленно рассказывать Лаура Джейн. – И угадай, кто принимал жеребенка? Стив!

– Э-э... мне, пожалуй, пора взглянуть, как они там... – смущенно пробормотал конюх.

– Может, сначала выпьешь чайку с тортом? – предложила экономка.

Стив покосился на Ринка и отвел глаза.

– Нет, спасибо. Надо проведать жеребенка.

– Стив, можно я утром тоже приду на него посмотреть? – простодушно спросила Лаура Джейн, снова беря его за руку.

– Конечно, – ласково улыбнулся конюх. – Малыш будет скучать без тебя.

– Спокойной ночи, Стив! – крикнула девушка, когда конюх, прихрамывая, направился к черному ходу.

– Спокойной ночи, Лаура Джейн! – Стив прикоснулся к полям соломенной шляпы и исчез в темноте.

Ринк задумчиво глядел ему вслед, держась за ручку стеклянной двери. Хейни засуетилась, раскладывая по блюдам большие куски орехового торта и щедро украшая их ванильным кремом.

– Я не буду, Хейни, – предупредила Каролина. – Спасибо, но я лучше пойду к себе. У меня сегодня был тяжелый день.

– Тебе нездоровится, да? Может, лекарство какое дать? – забеспокоилась экономка.

– Нет-нет, мне нужно только выспаться – и все будет нормально, – заверила ее Каролина и, поцеловав на прощание Лауру Джейн, сказала:

– Спокойной ночи! Завтра мы поедем в больницу, и ты повидаешься с папой.

– Спокойной ночи! Правда, хорошо, что мой брат вернулся, Каролина?

– Конечно, – Каролина спокойно выдержала насмешливый взгляд Ринка. – Хейни приготовила для твоего брата комнату. Доброй ночи, Ринк!

И, не дожидаясь ответа, она опрометью кинулась к лестнице. Ей было тяжело находиться с ним в одной комнате. Да и потом, Лаура Джейн и Хейни, после смерти Мар лены заменившая осиротевшим детям мать, наверняка хотели поговорить с Ринком без посторонних.

Персидский ковер, устилавший пол в холле второго этажа, заглушал звуки ее шагов. В спальне царил полумрак. Горели только два ночника, но Каролина поспешила их выключить. Ей не терпелось погрузиться в темноту и забыться.

Из большого окна был виден зеленый склон, спускавшийся к реке. Луна недавно зародилась, но даже в свете бледного полумесяца вода отливала серебром, В природе царил покой, а в душе Каролины бушевала буря. За один день она трижды испытала потрясение. В первый раз – когда узнала, что ее муж со дня на день умрет. Затем догадалась про Стива и Лауру Джейн... И вот увидела Ринка...

Каролина со вздохом отошла от окна и принялась раздеваться. Налив в ванну горячей воды, она погрузилась в ароматную пену, закрыла глаза и... наконец дала волю слезам. Господи, как же ей было жалко Роско! Он так плохо себя чувствовал, но упорно отказывался сходить к доктору. Впрочем, неудивительно. Деятельные мужчины ненавидят болеть. Да, пожалуй, скорый конец – это благо. Было бы слишком жестоко, если бы энергичный, самолюбивый Роско оказался на долгие месяцы прикованным к больничной койке и мучился сознанием собственного бессилия...

Каролина лежала в ванне, пока слезы на ее щеках не высохли, а вода не остыла.

Пора было ложиться спать. Дом уже затих. Она сняла с кровати покрывало, устало опустилась на матрас, и вдруг... в дверь тихо постучали. Каролина подскочила как ужаленная.

Выглянув в щелочку, она напряженно всмотрелась в темноту.

– Ты зачем пришел?

– Чтобы поговорить с тобой.

Ринк по-хозяйски распахнул дверь. Каролине пришлось сделать шаг назад и впустить его в спальню. Устроить скандал она не решилась из страха переполошить весь дом. Ринк замер посреди комнаты и медленно повернулся, осматриваясь. Затем подошел к окну и прикоснулся к занавеске, словно проверяя на ощупь, та ли это ткань, что запомнилась ему с детства. Взгляд его упал на пузырьки и флакончики, расставленные на старинном туалетном столике, потом скользнул наверх – туда, где висело зеркало. Кого он надеялся там увидеть? Маленького мальчика, каким был когда-то?

– Эта комната принадлежала моей матери, – вдруг негромко сказал Ринк.

Каролина нервно стиснула руки.

– Знаю. Мне здесь тоже нравится. Это моя любимая комната.

– Ага, она как будто бы специально для тебя создана, – ухмыльнулся Ринк, глядя на отражение Каролины в зерка-

ле. – Впрочем, и моя мать смотрелась здесь прелестно. Эта спальня дышит женственностью.

Каролине стало не по себе под пристальным взглядом, который откровенно раздевал ее. И хотя Каролина была в ночной рубашке до пят и в домашнем халате, ей показалось, будто она стоит перед Ринком обнаженная. А главное, он думал о том же самом! Она в этом нисколько не сомневалась.

Глаза Ринка дерзко шарили по ее телу, останавливаясь на груди, на талии, на бедрах. И, словно откликнувшись на молчаливый зов, она затрепетала от желания. Затрепетала, проклиная свою чувственность, но не в силах совладать с собой. Темно-золотистые глаза Ринка творили с ней что-то невероятное.

Он поднес к губам рюмку, в которую был налит бурбон, и неторопливо отпил маленький глоток, смакуя вкус дорогого виски. По телу его разлилось приятное тепло.

– Отец любит изысканные напитки, – одобрительно сказал Ринк, – и хорошеньких женщин. Ты очень мило смотришься в этой комнате, Каролина. Особенно в полумраке.

Он растянулся на кушетке, стоявшей в углу спальни. Кушетка была для него явно коротковата. Подложив руку под голову, Ринк поставил рюмку на живот и следил за Каролиной, как ястреб следит за своей добычей. Она боялась пошевелиться и стояла, словно прикованная к полу.

– Мои родители никогда не спали вместе в этой спальне, – небрежно проронил Ринк.

Однако ему не удалось ввести ее в заблуждение. Ринк не имел привычки говорить что-то просто так, лишь бы поддержать разговор, и Каролина это прекрасно знала.

– Когда Лаура Джейн родилась, он запретил маме появляться в его спальне. Я хорошо помню, как это было. Мама горько плакала и долго не могла успокоиться. Но отец был неумолим. Они больше не спали вместе. – Ринк отхлебнул виски и хрипло рассмеялся. – Он не простил ей, что она родила такую дочь.

– Но Роско любит Лауру Джейн! – воскликнула Каролина. – И желает ей только добра.

Ринк невесело рассмеялся:

– О да, нам ли не знать, как он желает другим добра!

Усилием воли Каролина заставила себя сдвинуться с места. Подойдя к кровати, она присела на краешек и напряженно спросила, теребя в руках поясок халата:

– Ты об этом хотел со мной поговорить, да?

– О чем именно? – уточнил Ринк, иронически подняв бровь. – О мужьях и женах, которые не спят вместе, или о Лауре Джейн?

Он открыто провоцировал ее. Господи, и куда подевалась его мягкость? Он был так нежен во время их тайных свиданий, так охотно делился с ней самым сокровенным... Новый Ринк Ланкастер был ей совсем чужим... и в то же время до боли знакомым!

Рубашка Ринка расстегнулась. Каролина заворуженно

следила за тем, как его грудь поднимается и опадает при каждом вздохе. Когда она встретила Ринка впервые, по этой мускулистой груди, поросшей темными волосами, струилась речная вода... Он был таким же подтянутым и стройным... ни намек на живот... джинсы плотно облегли его бедра, а впереди, под «молнией», выступал бугорок...

Каролина покраснела и потупилась.

– Зачем ты затеваешь такие разговоры? Пожалуйста, не втягивай меня в ваши склоки с отцом.

Ринк счел, что это ужасно смешно, и весело расхохотался. Потом, успокоившись, лениво допил виски, не спеша поднялся с кушетки и направился к Каролине. Тусклый ночник слабо освещал комнату, и на смуглое лицо Ринка падали густые тени. В его облике было что-то сатанинское, опасное и... необычайно притягательное. Он подошел к ней почти вплотную. Каролина еле сдержалась – ей хотелось в ужасе отпрянуть. Но боялась она не Ринка, а себя. Своей реакции на его прикосновения.

– Завтра утром мне будет нужна машина. Вот я и пришел поинтересоваться, можно ли позаимствовать твою.

– Конечно, можно, – облегченно вздохнула Каролина. – Я сейчас дам тебе ключи.

Она встала с кровати, стараясь держаться подальше от Ринка, но проход был узким, и на мгновение их бедра соприкоснулись. Тугие мышцы Ринка напряглись, словно сведенные судорогой. Каролина резко отшатнулась и, подбежав

к столику, на котором лежала сумка, порылась в ней дрожащими пальцами, вынула ключи и положила Ринку на ладонь.

– А куда ты поедешь?

– Хочу перед встречей с отцом переговорить с доктором. Вы с Лаурой Джейн ждите меня здесь. Часов в десять я за вами заеду и отвезу вас в больницу.

– Хорошо, что мы поедем не очень рано. А то мне нужно было с утра немного поработать.

– Насколько я понимаю, ты теперь управляешь фабрикой?

– Я веду бухгалтерию.

– Да-да, Грейнджер мне говорил. Уверял, что отец без тебя как без рук. И что так повелось еще с тех пор, когда ты была у него секретаршей.

Ринк навис над Каролиной, обдавая ее горячим дыханием. От него пахло дорогим бур-боном.

– Грейнджер мне льстит, — Каролина шагнула в сторону, но Ринк сделал то же самое, не давая ей уклониться.

– Ну почему льстит? Ты ведь необходима моему папочке. В самых что ни на есть разных аспектах.

Ее глаза сверкнули, как молнии.

– Почему ты пристаешь ко мне со своими грязными намеками. Ринк?

– Потому что мне нравится тебя бесить, вот почему! Ты же у нас ангел во плоти. Такая юная, чистая, непорочная... — Последнее слово он произнес с убийственной издевкой.

Она замахнулась, чтобы ударить его, но Ринк схватил ее

за руку и притянул к себе. Грудь его была словно отлита из железа. Каролина наступила ему на ногу, но это не возымело действия – босыми пальцами ботинок не прошибешь. Лицо Ринка маячило примерно в дюйме от ее лица.

– Один раз тебе это сошло с рук, – процедил он сквозь зубы, – но не вздумай ударить меня еще раз. Ты об этом горько пожалеешь.

– Вот как? И что ты мне сделаешь? Дашь сдачи?

Ринк по-волчьи оскалился.

– О нет. Я отыграюсь на другом. Но учти, тебе не понравится. – И чтобы у Каролины не осталось сомнений в его намерениях, Ринк еще плотнее прижал ее к себе. – Или наоборот? Может, ты, наоборот, придешь в экстаз, Каролина? А? – Пряжка его ремня больно впиалась в живот Каролины. – Для всех остальных ты миссис Роско Ланкастер, но для меня – по-прежнему Каролина Доусон, девчонка, которая гуляла летом перед работой в лесу и... медленно сводила меня с ума.

Каролина вскинула на Ринка потемневшие от гнева глаза. Они напоминали сейчас две грозовые тучи. Еще мгновение – и загремит гром, засверкают молнии, хлынет дождь...

Роскошные волосы Каролины спадали на спину буйным каскадом.

– Значит, ты все-таки помнишь, Ринк... А я-то думала, у тебя память отшибло.

Глаза Ринка на мгновение распахнулись, но тут же сузи-

лись и словно прочертили огненные полосы по ее губам, шее и груди, видневшейся в вырезе ее халата. В этих глазах сквозило смятение.

– Да, – хрипло пробормотал он. – Да, черт побери! Я помню...

Он так неожиданно отпустил ее, что она покачнулась и чуть не упала. Слава Богу, успела ухватиться за туалетный столик!

Когда Каролина пришла в себя, Ринк уже был у порога комнаты и через секунду с грохотом захлопнул за собой дверь.

Проклятие! Лучше бы он не помнил.

Прибежав в спальню, Ринк сорвал с себя рубашку, схватил бутылку, позаимствованную из отцовского бара, плеснул в рюмку виски и рухнул в кожаное кресло, стоявшее возле окна. Однако бурбон почему-то потерял свою прелесть. Скривившись от отвращения, Ринк отставил рюмку в сторону и сбросил с ног ботинки.

Они мягко упали на ковер, а он откинулся на подголовник кресла и унесся мыслями в прошлое, в тот летний день, когда он основательно накачался джином и его развезло на жаре. Тогда он отправился на реку, разделся догола и плюхнулся в воду – туда, где били холодные ключи. А когда вылез, вытерся, надел джинсы – увидел ее...

– Боже мой! – воскликнул Ринк, торопливо застегивая

джинсы. – И долго ты тут стоишь?

Девушка смотрела на него с таким выражением, что он чуть не покотился со смеху. Бедняжка от потрясения лишилась дара речи.

Ринк уже начал терять терпение, когда она наконец пролепетала:

– Я... нет, я только что пришла.

– Что ж, очень хорошо, я ведь купался в чем мать родила. Так что приходи ты чуть пораньше, мы бы с тобой попали в неловкую ситуацию.

Ринк улыбался уверенно, с чувством собственного превосходства. Девушку в полосатых чулках и дешевой одежке все еще била мелкая дрожь, но она тоже улыбнулась. Правда, робко и боязливо.

– Надеюсь, я вам не помешала?

В данных обстоятельствах ее вежливость выглядела нелепо.

– Не помешала. Я уже искупался. Сегодня очень жарко.

– Да, жара просто невыносимая. Потому я и пошла вдоль берега. Здесь прохладнее, чем на дороге.

Девушка заинтриговала его с самого начала. Она была не только изумительно красива, от нее веяло чем-то нездешним. Чистенькая, аккуратно выглаженная, но старомодная юбчонка... От белой блузки пахло хозяйственным мылом и крахмалом, а вовсе не «Свежей росой» – духами, которыми пользовались тогда все знакомые девушки Ринка.

Из-под тонкой блузки просвечивал белый лифчик, похожий на панцирь. В том кругу, к которому принадлежал Ринк, девушки носили совсем другие, открытые бюстгалтеры. Ринк не сомневался в том, что они делают это с единственной целью – свести с ума своих поклонников.

Ему вдруг стало стыдно за столь циничные мысли. Он привык беззастенчиво оценивать физические данные женщин, с которыми сводила его жизнь, но сейчас перед ним была не женщина, а почти девочка, подросток. Сколько ей лет? Пятнадцать? Да, пожалуй... От силы шестнадцать. Со всем ребенком, да к тому же до смерти напуганный...

Но красота необыкновенная... Кожа чистая, глаза с поволокой, фигурка стройная, точеная и удивительно женственная. Блестящие темные волосы отливали рыжиной (Ринку пришло на ум сравнение с полированным красным деревом), и стоило ветерку пошевелить листья деревьев, как солнечный свет падал на темные пряди и в них вспыхивали огненные искры.

– Куда ты идешь?

– В город. Я работаю в «Вулворте».

Ни одна из знакомых Ринка не работала летом. Большинство девушек проводили время в бассейнах – своих собственных или городских – или гуляли по центру города, а потом встречались с приятелями и устраивали вечеринки.

– Давай все-таки познакомимся. Я Ринк Ланкастер.

Девочка посмотрела на него с каким-то странным выраже-

нием. Наверно, его вид смущал и одновременно завораживал ее. Она боролась с любопытством, но никак не могла оторвать взгляда от его голой груди, живота и полурасстегнутой ширинки. В любом другом случае Ринк решил бы, что это сулит ему легкую победу. Раз женщина так на него смотрит – значит, она доступна и не прочь позабавиться. Но в глазах этой девушки светилась такая откровенная наивность, что Ринк покраснел. Ему стало стыдно за свое неглиже. А тут еще он, к своему ужасу, ощутил, что ее взгляды его возбуждают!

Стараясь не потерять самообладания, он шагнул вперед и протянул девушке руку. Она немного поколебалась и робко ответила на рукопожатие.

– Каролина Доусон, – дрожащим голосом проговорила девчушка и подняла на Ринка глаза.

Они смотрели друг на друга...

Минуты шли. В лесной тишине жужжали шмели, по небу летел самолет, речная вода плескалась о замшелые валуны, лежавшие на берегу. Бог знает, сколько прошло времени прежде, чем Ринк и Каролина разомкнули руки.

– Доусон? – переспросил Ринк и сам изумился тому, что его голос, как в переходном возрасте, сорвался на фальцет. – Дочь Пита Доусона?

Каролина потупилась, плечи ее поникли. Пита Доусона знал весь город. Он целыми днями играл в домино и попрошайничал. А набрав на бутылку, покупал дешевого виски и

успокаивался до утра.

– Да, – тихо проговорила Каролина. Она явно стыдилась отца, но, не желая в этом признаваться, вскинула голову и с достоинством, от которого у Ринка защемило сердце, произнесла:

– Мне надо идти, а то опоздаю на работу.

– Приятно было с тобой познакомиться, – сказал Ринк.

– Мне тоже.

– Будь осторожна, когда идешь через лес.

Девочка рассмеялась.

– Не понимаю. Что тут смешного? – нахмурился Ринк.

– Ты говоришь про осторожность, а сам купался там, где водится всякая зараза. Разве ты не мог искупаться в бассейне?

Ринк пожал плечами.

– Мне было жарко.

Вот и сейчас его бросило в жар. Когда девушка смеялась, запрокинув голову, Ринка неудержимо манило поцеловать ее в белую, нежную, соблазнительную шейку. Волосы плавными волнами спадали на хрупкие плечи. Ринк вдруг подумал, что хозяйственное мыло и крахмал пахнут просто божественно. Гортанный смех Каролины ласкал его слух. Казалось, она гладила его тонкими пальчиками, и это была такая сладкая мука...

Ринк взмок от волнения. От него сейчас можно было прикуривать.

– Во сколько ты кончаешь работу? – спросил он, ничуть не меньше Каролины удивляясь тому, что его это интересует.

– В девять, – Каролина опасливо попятилась.

– И возвращаешься домой в темноте?

– Да. Но тогда я иду по дороге. А по лесу хожу только когда светло.

Ринк ошарашенно молчал. Он никогда не встречал таких удивительных девушек.

– Ладно, я пошла... а то на работу опоздаю, – пробормотала Каролина, отступая еще на несколько шагов, но Ринк почувствовал, что ей не хочется уходить.

– Да-да, конечно, иди, не задерживайся. До свидания, Каролина! Скоро увидимся.

– До свидания, Ринк.

Скупые фразы – а сколько чувств за ними стояло! Ринк надеялся встретить ее вновь. Она же в это не верила.

Он вернулся к автомобилю. Верх был опущен, и Ринк запрыгнул на сиденье, даже не потрудившись открыть дверцу. Домчавшись до Укромного уголка в рекордный срок, он взбежал по лестнице, пропуская ступеньки, ворвался в свою комнату и...

И теперь, как тогда, его неотступно преследовал образ Каролины. Перед мысленным взором Ринка возникла картина двенадцатилетней давности... Тогда он тоже вошел в комнату, наспех разделся, бросил одежду на пол и рухнул в крес-

ло. И поза его была той же самой, и та же женщина занимала его мысли. Она до сих пор для него загадка, ускользающая мечта, наваждение.

И теперь, как и двенадцать лет назад, Ринк вынужден был со вздохом признать, что надежды на исцеление нет. Он страстно желает Каролину и ничего не может с этим поделать.

3

Каролина проснулась рано. Это было некстати, ведь ей так хотелось поспать подольше, оттянуть горький миг пробуждения, когда придется вспомнить и про близящийся конец Роско, и про возвращение Ринка!

Внизу тихо скрипнула дверь. Кто-то вышел из дома. Откинув одеяло, Каролина встала с кровати и вышла на балкон. Солнце еще не поднялось над верхушками деревьев, но небо на востоке уже розовело. От влажной росы поднимался туман – верный признак того, что день опять будет жарким и душным.

Ринк, спускавшийся с крыльца, вдруг остановился на нижней ступеньке. Каролина знала, что он обожает здешние места. Они были ему необходимы как воздух, и все эти годы у Каролины сжималось сердце, когда она думала о том, что Ринк изгнан из отчего дома.

Через минуту он уже медленно шел к своей машине. Ринк достал из кармана спортивной куртки ключи, открыл дверцу «Линкольна» и в эту секунду заметил Каролину.

Она не шелохнулась, не издала ни звука. Лишь глаза ее говорили ему: «Здравствуй!»

Взгляды их встретились. Золотисто-розовые лучи солнца осветили горизонт. В утренней дымке все окружающее казалось нереальным, все предметы словно отступили и в ми-

ре остались только они вдвоем, и не нужно было больше ни перед кем притворяться, скрывать друг от друга свои чувства...

Так прошло несколько минут. Потом Ринк резко распахнул дверцу «Линкольна» и уехал, а Каролина, взволнованная и печальная, отошла от окна и начала одеваться.

«Почему, почему все так случилось?» – сокрушенно думала она.

Ринк Ланкастер – ее единственная любовь. Правда, их роман длился совсем недолго, но все-таки... По крайней мере для нее это было что-то особое, удивительное. Она размечталась о невозможном. Ласки Ринка настолько опьянили ее в то лето, что Каролина поверила его словам. А ведь он говорил просто так... Просто так... Для него это было очередное мимолетное увлечение.

А потом Каролина, по странной прихоти судьбы, вышла замуж за отца Ринка. Когда Роско сделал ей предложение, она подумала, что о лучшем нечего и мечтать. Это замужество сулило ей положение и богатство. Люди, всю жизнь смотревшие на нее свысока, будут теперь считаться с ней.

Ринк уехал. Все считали, что навсегда. Господи, почему ей не пришло в голову, что однажды он может вернуться? В каком она тогда окажется положении?! А может... может, ей страшно кое в чем признаться даже себе? Может, она вышла замуж за Роско не ради того, чтобы скрасить его последние годы, не ради собственного положения, а лишь из мести?

Чтобы заставить Ринка ревновать ее к собственному отцу и сожалеть о своем предательском бегстве? Неужели ей хотелось отыграться на нем за всю ту боль, которую он ей причинил? Да, следует признать, она втайне надеялась, что, узнав о женитьбе отца, Ринк вспомнит то жаркое лето и придет в ярость...

Каролина печально улыбнулась своему отражению в зеркале.

– Нет, дорогая, ему просто стало смешно. Смешно и противно.

Когда Каролина спустилась вниз, чтобы выпить кофе, Хейни уже хлопотала на кухне.

– Доброе утро!

– О, ты сегодня ранняя пташка!

– Да, сегодня на фабрике выплата зарплаты. Я хочу поскорее рассчитаться с рабочими, и тогда весь день будет свободен, – Каролина отхлебнула кофе. – Ты, я вижу, тоже встала сегодня пораньше.

– Надо же было приготовить для Ринка хороший завтрак!

– Но он уже уехал, Хейни.

Экономка в недоумении обернулась.

– Уже?

– Да. Примерно час назад.

Хейни сокрушенно покачала головой.

– Он так плохо питается! Безобразие! Я хотела пригото-

вить на завтрак его любимые блюда, а он взял и уехал. Ну куда это годится?

Каролина ласково погладила Хейни по плечу.

– Накорми этим завтраком Лауру Джейн. А она пусть пригласит Стива. Уверяю тебя, они будут очень довольны.

– Ладно, – вздохнула Хейни. – Но без Ринка мне это будет не в радость. Мне все не в радость с тех пор, как он женился и уехал из города.

«И я с Хейни совершенно согласна», – думала Каролина, направляясь в кабинет Роско.

Ей до сих пор было больно вспоминать тот день, когда Ринк не пришел на свидание. В отчаянии она прибежала на работу и там узнала то, о чем уже судачил весь город: Ринк Ланкастер женится на Мерили Джордж, юной дочери одного из самых богатых уин-стонвильцев. Все мечты Каролины в одну минуту разбились вдребезги...

Она проглядывала бухгалтерские книги, заставляя себя вникать в цифры. Потом позвонила на фабрику – справиться, как идут дела. Все вроде бы было нормально.

– Пожалуйста, работайте как обычно, Барнес, – сказала Каролина. – Пока Роско жив, хозяин на фабрике он, а я лишь рассказываю ему обо всем, что у вас происходит.

– Я так и думал, мэм, – ответил мастер и повесил трубку.

Каролина была уверена, что далеко не всем на фабрике нравится получать приказания от женщины. Тем более от дочери Пита Доусона. Однако никто из этих людей не выска-

зывал своих претензий вслух. Пока-то они молчат, но будут ли молчать, когда Роско не станет?

– У тебя неприятности?

На пороге кабинета стоял Ринк.

Каролина поспешила придать своему лицу небрежное выражение.

– Пустяки. Обычная рутина. Сам знаешь, что такое фабрика.

– Откуда мне знать?

Ринк перекинул куртку через плечо, держа ее одним пальцем за вешалку. Верхние пуговицы его рубашки были растегнуты.

– Я уехал из города, не успев приобщиться к хлопковому бизнесу. – Он уселся на краешек стола и наклонился к Каролине. – Почему бы вам не посвятить меня в тонкости этого дела, уважаемая хозяйка?

Каролина, вскипев, резко вскочила. Стул упал на пол. Они уставились друг на друга, будто боксеры на ринге, ожидающие свистка, чтобы начать схватку.

– Ринк! Хейни послала меня за тобой. Завтрак готов, иди есть, – оживленно проговорила Лаура Джейн, вбегая в кабинет. – Доброе утро, Каролина! Хейни и тебя позвала. Сказала, чтобы вы оба шли немедленно.

Ссоры удалось на время избежать, но Ринк, похоже, не собирался оставлять Каролину в покое. Он вынудил ее отправиться в столовую с ним за ручку. То, что за другую руку

Ринк держал Лауру Джейн, не могло служить Каролине утешением. Ринк обращался с ней по-хозяйски, его прикосновение жгло ей ладонь.

Хейни закатила прямо-таки королевский пир, но, несмотря на все ее старания, завтрак не удался. Ринк был явно недоволен, обнаружив рядом с Лаурой Джейн Стива. Тот нервно поглядывал по сторонам и, судя по всему, был готов к тому, что его в любую минуту выдворят из-за стола.

Ринк и Каролина старались разговаривать как можно непринужденнее, но скрыть взаимную неприязнь им явно не удалось. Хейни не понимала, в чем дело, и злилась из-за того, что ее попытка устроить Ринку торжественный прием провалилась.

Одна лишь Лаура Джейн сияла, радуясь тому, что рядом с ней люди, которых она любит.

Но и она недолго пребывала в безмятежном расположении духа.

– Почему вы такие сердитые? – внезапно спросила Лаура Джейн.

От изумления все потеряли дар речи. Интуиция у Лауры Джейн была сверхъестественной, и девушка моментально почувствовала атмосферу враждебности, царившую за столом.

Первой нарушила молчание Каролина.

– О нет, мы не сердитые, мы просто беспокоимся за Роско, – ласково сказала она, погладив девушку по руке.

– Да, но зато теперь с нами Ринк. И Стив, – Лаура Джейн с любовью посмотрела на конюха. – Давайте радоваться, что мы наконец собрались вместе.

За столом возникло неловкое молчание. Ринк первый попытался исправить положение, он одобрительно улыбнулся Стиву и повернулся к Каролине с вопросом. Каролина оживленно начала рассказывать Ринку об общих знакомых: рассказала, кто на ком женился, кто с кем развелся, кому удалось в жизни преуспеть, а кому – пока нет.

Когда с завтраком было покончено, Стив встал из-за стола, поблагодарил Хейни и направился к выходу.

– погоди, Стив! – окликнула его Лаура Джейн. – Я с тобой.

– Нет, сестренка, мы едем в больницу, – резко оборвал ее Ринк.

– Но я хочу поведать жеребенка. Мы со Стивом еще вчера договорились, что я приду утром на конюшню.

Стив смущенно переминался с ноги на ногу, не смея поднять глаза.

– Лаура Джейн, твой отец очень расстроится, если ты не приедешь, – проговорил он. – А жеребенок никуда не денется. Посмотришь на него в другой раз.

– Ну ладно, Стив, – согласилась девушка. – Тогда я забегу, когда мы вернемся.

Стив кивнул и поспешил ретироваться.

– Я скоро вернусь, – сказала Каролина. – Лаура Джейн, ты

не хочешь привести себя в порядок перед отъездом?

– Да, конечно.

Вскоре Каролина и Лаура Джейн спустились вниз. Ринк в холле разговаривал с Хейни. В руках у нее были свежесрезанные розы.

– Хейни тоже хочет навестить отца, но она поедет на своей машине, – объяснил Ринк. – Лаура Джейн, садись в машину Хейни, будешь держать цветы, чтобы они не рассыпались.

– Давай я сяду с Хейни, – торопливо вызвалась Каролина, но Ринк остановил ее взглядом.

– Мне надо с тобой кое-что обсудить, садись-ка в мою машину, – Ринк буквально затолкнул ее в «Линкольн».

– Ты видел доктора? – задала первый вопрос Каролина.

– Да, и он сказал мне то же самое, что и вам с Грейнджером.

– А он... сказал, когда это может слу...

– В любой момент.

Они молча выехали на шоссе. Лишь подъезжая к городу, Ринк спросил:

– Кто такой Стив?

– Ты имеешь в виду Стива Бишопа? – насторожилась Каролина.

– Да.

– Наш конюх.

Ринк раздраженно поморщился:

– Это я понял, а нельзя ли поконкретнее?

– Он воевал во Вьетнаме.

– И там он был ранен и теперь хромает, да?

– Да, Стив потерял во Вьетнаме ногу, – Каролина обернулась к Ринку – ей была интересна его реакция.

Он воспринял это сообщение внешне хладнокровно, но руки его напряженно сжали руль. Весь облик Ринка Ланкастера свидетельствовал о его железной воле, непреодолимом упрямстве и дьявольской гордыне.

Каролина понимала, что Ринк был готов возненавидеть Стива. Однако пробудить в себе ненависть к калеке да к тому же к ветерану вьетнамской войны было для Ринка непростой задачей.

– Когда Стив пришел наниматься на работу, он был страшно ожесточен, – продолжала рассказывать Каролина. – Ему уже отказали в нескольких местах, и у него выработалась своего рода защитная реакция. Но вообще-то он неплохой парень, честный, трудолюбивый.

– Я ничего не имею против него, но мне не нравится, что Лаура Джейн так льнет к нему.

– Почему это тебя так злит?

– И ты еще спрашиваешь? – возмутился Ринк. – Потому что это ненормальные отношения, которые до добра не доведут. Незачем ей вертеться возле молодого холостого мужчины.

– Но что в этом неестественного? Она ведь не замужем.

– Вот-вот. И не имеет никакого понятия о сексе. Думаю,

ей неизвестно даже, чем мужчины отличаются от женщин.

– Скажешь тоже! – фыркнула Каролина.

– А если известно, то тем более не стоит проводить столько времени в его обществе. Потому что он-то, я уверен, эту разницу знает прекрасно.

– А мне кажется, Стив ей подходит. Он добрый и терпеливый, он сам прошел через страдания, причем не только физические. Ему понятно, что значит быть изгоем и чувствовать себя отвергнутым. Он лучше, чем кто бы то ни было, может понять Лауру Джейн.

– А если он, видя, что она от него без ума, воспользуется ее слабостью? Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

– Стив на такое не способен.

Ринк усмехнулся:

– Еще как способен. Он мужчина, она красивая девушка, возможностей у них предостаточно.

– Ты, я гляжу, досконально разбираешься в таких вещах, да? – в запальчивости почти вскрикнула Каролина.

Ринк резко затормозил, разворачиваясь на больничной стоянке, и посмотрел на Каролину в упор. Он еле сдерживал свою ярость.

– Уж тебе-то, Ринк, хорошо известно, как обманывают невинных девушек и как дают обещания, которые не собираются выполнять.

– Ты про что? Про то лето?

– Да! У меня до сих пор не укладывается в голове, как ты

мог признаваться мне в любви и спать с Мерили. Бедный, ты, наверное, чуть не заработал нервное истощение. Или я нужна была тебе для разогрева? Чтобы приятнее было заниматься любовью с невестой?

Перед тем как выскочить из машины, Ринк успел существенно просветить Каролину по части нецензурных выражений. Когда он в сердцах хлопнул дверцей, до Каролины дошло, что все это происходит на глазах у Хейни и Лауры Джейн, которые уже поджидали их у входа в больницу. Каролину трясло, но она постаралась взять себя в руки. К лифту она подошла, как всегда, приветливая и спокойная.

Медсестра, дежурившая на этаже, прежде чем впустить посетителей в палату, где лежал Роско, попросила не задерживаться надолго.

– Он плохо спал – ночью у него были сильные боли.

– Может быть, я войду сначала одна и скажу ему, что вы тоже приехали проведать его? – предложила Каролина.

Никто не возражал. Ринк волновался. Хейни была явно напугана предстоящим визитом. Лаура Джейн смотрела на все широко раскрытыми глазами, казалось, еще минута – и она бросится наутек.

Каролина толкнула тяжелую дверь и вошла в самую просторную и дорогую палату во всей больнице. На подоконнике и на столике рядом с телевизором стояли вазы с цветами. Каролина не питала иллюзий – она хорошо знала, что Роско не пользовался любовью среди горожан, но люди уважали, а

точнее, боялись его, о чем свидетельствовали многочислен-
ные визитные карточки, присовокупленные к букетам.

Вид у Роско был совсем не грозный. На его осунувшемся
землистом лице уже лежал отпечаток близкой смерти. Глаза
запали, губы посинели, но взгляд их был живой и заинтере-
сованный.

– Доброе утро, милый! – Каролина поцеловала мужа в
лоб. – Медсестра сказала, ты плохо спал ночью. Но хоть
немножко отдохнуть тебе удалось?

– Не говори глупостей, – оборвал он Каролину. – Отдох-
нуть я еще успею – впереди у меня целая вечность. – Ро-
ско усмехнулся, губы его скривились в страдальческой гри-
масе. – Хотя некоторые надеются, что покоя мне после смер-
ти не видать – ведь грешники попадают в ад. Ну хватит об
этом, поговорим о делах. Ты выплатила рабочим зарплату?

– Да. – Резкость мужа больно задела Каролину. Она по-
нимала, что не должна обижаться на мужа – человек смер-
тельно болен, какие уж тут обиды! – Я с ними расплатилась
сегодня утром.

– Хорошо. Надо, чтобы все шло по заведенному поряд-
ку, никаких сбоев. Нечего меня хоронить раньше време-
ни, – корчась от боли, Роско схватился за живот и выругался
яростно и грязно.

Когда боль немного отпустила Роско, Каролина решилась
сказать:

– Я пришла не одна.

– Неужели кто-то еще хочет меня видеть?

– Лаура Джейн и Хейни.

– Хейни? Что здесь понадобилось этой лицемерке? Она же меня всегда ненавидела. Считала, что я женился на Марлене из-за денег и ее поместья. И когда Ринк уехал из дома, она во всем обвинила меня. Вообще, если ее послушать, то во всех неприятностях нашей семьи виноват я!

Каролина знала, что заступаться сейчас за Хейни бесполезно, и все же не удержалась и спросила:

– Тогда почему ты ее не выгнал?

– Представь себе, мне нравилось с ней собачиться. Этакая домашняя тренировка. Значит, теперь она пришла сплясать в последний раз на моих костях! Ну и дела!

Роско и раньше частенько бывал в дурном расположении духа. Обычно Каролина старалась не обращать внимания на его выпады, и он постепенно успокаивался. Но сегодня Каролина вдруг почувствовала жгучую обиду, она едва сдерживала слезы. Господи, как же можно омрачать ссорами эти, может быть, последние дни? Или он специально хочет сделать ей больно?

– Пожалуйста, Роско, не сердись. Хейни действительно хотела видеть тебя, она принесла тебе самые лучшие розы. Она очень переживает за тебя.

Роско раздраженно махнул рукой, что можно было принять за великодушное согласие.

– А Лауре Джейн тут делать явно нечего! – снова загово-

рил Роско. – Она умрет со страху, когда увидит меня. Кстати, Лаура Джейн уже знает, что я скорее всего не вернусь домой?

Каролина опустила глаза, не в силах выдержать пронзительный взгляд мужа.

– Знает. Я ей вчера сказала, – тихо проговорила она.

– И что она ответила?

– Она уверена, что ты не будешь страдать, непременно попадешь в рай и встретишься там с Марленой.

Роско коротко хохотнул, но тут же скрючился от боли.

– Да, такое только в ее пустую голову могло прийти.

Каролину покоробили его слова, но перечить мужу она не решилась. Мало кто отваживался спорить с Роско.

– Сказать им, чтобы вошли?

– Да-да, – еле слышно проговорил Роско. – Лучше поскорее отделаться.

– Еще один человек приехал навестить тебя, Роско.

Тон Каролины насторожил мужа. Он испытующе поглядел на нее, и она почувствовала, как краска заливает ее лицо.

– Кто приехал? Ринк? Каролина кивнула.

– Да, Грейнджер позвонил ему, и Ринк прилетел в тот же день.

– Ну что ж, я даже рад. Хочу поговорить с ним на прощанье.

Каролина облегченно вздохнула. Слава Богу! Этим упрямам давно пора помириться! Она бросилась к двери. Роско смотрел ей в спину холодным, неприязненным взгля-

дом.

Первой в палате появилась Лаура Джейн. Порывисто обняв отца, она воскликнула:

– Я так скучаю по тебе, папочка! А у нас дома маленький ребенок. Если б ты видел, какой он красивый!

– Что ж, я рад, Лаура Джейн, – пробурчал Роско, легонько отстраняя дочь.

«Да, Роско ничто не заставит измениться», – с грустью подумала Каролина: Роско никогда не отвечал на нежные порывы Лауры Джейн, Каролина могла в этом убедиться.

– А ты, я гляжу, все розы с моих кустов оборвала, – обратился Роско к экономке.

Но Хейни не спасовала. Она привыкла пререкаться с хозяином и не испытывала перед ним ни малейшего страха.

– На то они и цветы, новые еще вырастут, – спокойно ответила она. – Я еще не все привезла. Половина дома осталась – надо же было обеденный стол украсить.

Роско одобрительно крякнул. Он ценил в людях храбрость, а Хейни тридцать лет подряд вела с ним «холодную войну», и Роско считал ее достойным противником.

– Ладно, к черту цветы! Лучше бы поесть мне принесла.

– Не положено. Больничное начальство не разрешает.

– Плевать я хотел на начальство! – прорычал Роско. – Слышите? Плевать!

Он неприязненно оглядел женщин и перевел взгляд на сына. Несколько минут они молча смотрели друг на друга. По-

том Роско трескуче рассмеялся:

– Все еще злишься на меня, Ринк?

– Нет, все это давно в прошлом.

– Потому ты и приехал, да? Помириться с папашей, пока он не сыграл в ящик? Или тебя больше интересует завещание?

– Мне нет дела до твоего проклятого завещания.

– Я, пожалуй, пойду и заберу с собой Лауру Джейн, – осторожно вмешалась Хейни, чувствуя, что назревает скандал. – Поцелуй папу, детка, и пойдем.

Лаура Джейн наклонилась к отцу, но Роско не был склонен к нежному прощанию. Его злой изучающий взгляд был устремлен на Ринка, и Каролина вдруг отчетливо поняла, что два поколения Ланкастеров разделяют не только годы...

– А ты стал интересным мужчиной, Ринк, – оценивающе проговорил Роско. – Теперь ты уже не ягненок, а волк, который никого не пощадит, кому угодно глотку перегрызет. На газетных снимках этого не было видно, там ты такой обаятельный, всегда улыбаешься, но я подозревал, что в тебе прорежутся родовые свойства. И не ошибся.

– У меня был перед глазами достойный пример.

Роско выдавил из себя смешок, короткий и омерзительный, как плевок.

– Ты прав, сынок! Прав, разрази тебя гром! Только так можно пробиться в жизни. Иди по головам и никому спуску не давай, тогда преуспеешь. – Вдруг он нетерпеливо взмах-

нул рукой. – Да садитесь же вы!

– Спасибо, я лучше останусь на своих ногах, – отказался Ринк. Каролина же с удовольствием опустилась на стул – этот разговор отнял у нее все силы.

Господи, как же она не видела раньше очевидного: ее муж – жестокий, циничный человек?! Неудивительно, что Ринку опостытели его поучения, и он сбежал из дому. Для Каролины никогда не было тайной, что отец и сын недолюбливают друг друга, но она даже не подозревала, насколько глубока эта неприязнь.

– В газетах писали, что твоя авиакомпания процветает.

– Да, мы с моим компаньоном возлагали на «Эр-Дикси» большие надежды. И они оправдались.

– Вы ведете умную политику: привлекаете пассажиров низкими ценами и живете за счет оборота. В результате другие компании разоряются, а вы только богатеете.

Даже если Ринк и был удивлен тем, что отец был хорошо осведомлен о его делах, виду он не подал.

– Да, я вполне доволен жизнью.

В палату вошла медсестра со шприцем.

– Пора сделать обезболивающий укол, мистер Ланкастер.

– Тычьте иголки в свою задницу, а мою оставьте в покое, – рявкнул старик.

– Роско! – остановила его Каролина, шокированная грубостью.

– Мистер Ланкастер, я выполняю предписания врача, –

твердо заявила медсестра.

– Начхать мне на этого идиота! Это пока еще моя жизнь, и я волен распоряжаться тем, что от нее осталось, так, как мне вздумается. Не желаю никаких уколов! Пусть болит! Ясно? Убирайтесь к чертовой матери!

Сестра поджала губы, но спорить не решилась.

– Роско, но ведь она... – начала было Каролина, когда медсестра закрыла за собой дверь.

– Перестань корчить из себя святую, Каролина! Это действует мне на нервы!

Что с ним творится? Никогда раньше он не позволял себе разговаривать с ней в таком тоне. Каролина отшатнулась, словно от удара.

– Если у тебя нет ко мне других чувств, кроме сострадания и жалости, можешь сюда больше не приходить! – Каждое слово Роско дышало яростью.

Каролина, с глазами, полными слез, схватила сумку и устремила к двери.

– Ах ты, мерзавец! – Ринк весь кипел гневом. – Я не позволю тебе так с ней обращаться! Плевать мне на твое состояние!

Роско зло скривился:

– Не суйся не в свое дело, сынок! Она моя жена, и я сам решаю, как мне с ней обращаться.

Ринк с ненавистью посмотрел на отца и молча вышел из палаты, хлопнув дверью.

Каролина неподвижно стояла в конце коридора, привалившись к стене. Ринк подошел к ней сзади и хотел было тронуть ее за плечо, но вдруг замер в нерешительности. Каролина, не замечая его, уставилась невидящим взором в окно. Ринк осторожно коснулся ее рукой.

Каролина испуганно обернулась.

– Ну как ты? Успокоилась? – тихо спросил Ринк.

О Господи! Зачем он так с ней говорит? Ведь те же самые слова он говорил ей двенадцать лет назад! И его голос тогда был таким же ласковым и волнующим. Все эти годы его голос звучал в ней, напоминал о прошлом, будил безумные надежды.

Каролина смотрела на Ринка полными слез глазами. Ринк подумал, что она плачет оттого, что Роско унизил ее на его глазах. Но он ошибся. Каролина плакала об их прошлом, которое так и не стало их общим настоящим. И снова у нее перед глазами встал первый вечер, который они провели вместе...

Кто-то посветил ей фарами в спину. Каролина ускорила шаг. Она не любила возвращаться домой одна. Надо было, конечно, подождать отца, но Бог знает когда он отправится домой. Да и вряд ли в таком состоянии отец мог быть надежной защитой от хулиганов.

Как же ей было стыдно признаваться Ринку Ланкастеру, что она дочь пьяницы! Теперь от него не скроешь, что они

живут в лачуге, что ее мама вынуждена подрабатывать прачкой, а сама она ходит в чужих обносках, которые перепадают ей от маминых заказчиков.

Она, конечно, хорошо знала Ринка в лицо. Ланкастеров в Уинстонвиле знали все. Каролина не раз любовалась Ринком издали, когда он мчался в красном спортивном автомобиле с откинутым верхом и ветер трепал его черные волосы. Рядом обычно сидела какая-нибудь девушка, и Ринк обнимал ее за плечи. Из радиоприемника неслась громкая музыка. Ринк качал головой в такт мелодии и весело приветствовал знакомых, которых у него было великое множество. Кого-то другого оштрафовали бы за превышение скорости, а Ринка – нет, ведь среди его знакомых был и помощник шерифа. Ринк был всеобщим любимцем. Еще бы! Звезда футбола, капитан баскетбольной команды, чемпион автогонок, наследник роскошного поместья и самой большой хлопковой фабрики в округе!

Весь день Каролина думала о Ринке Ланкастере. А теперь торопилась домой, чтобы поскорее юркнуть в постель и без помех насладиться воспоминаниями о том, что он ей сказал. Он-то, конечно, и думать о ней забыл, а она...

– Привет, Каролина! – раздалось из машины, затормозившей за ее спиной.

Каролина оглянулась и, не веря своим глазам, уставилась на улыбающегося Ринка, который распахнул перед ней дверцу.

– Садись, подвезу.

Каролина испуганно посмотрела по сторонам, словно боялась, что кто-нибудь увидит ее наедине с Ринком.

– Не знаю... Может, не стоит?

Он рассмеялся:

– Почему?

«Потому что человек, зовущийся Ринком Ланкастером, не подвозит на своей машине оборванок вроде Каролины Досон», – хотела сказать Каролина, но от волнения не смогла вымолвить ни слова.

– Да садись же! – с обворожительной улыбкой повторил Ринк, и Каролина не устояла.

Роскошное кожаное сиденье было таким мягким! На передней панели весело помигивали разноцветные огоньки.

– Ты любишь шоколадный коктейль?

Каролина лишь молча кивнула в ответ. Она пила шоколадный коктейль один раз в жизни.

– Угощайся. Я заехал по пути в молочный магазин «Марта», – Ринк кивком указал на бумажный стаканчик. Он был прикрыт крышкой, из которой торчала соломинка.

– Спасибо, – робко проговорила Каролина.

Вкус холодного коктейля показался ей божественным. Она зажмурилась от удовольствия, чем явно порадовала Ринка.

В приемнике звучала тихая музыка, верх машины был поднят. Ринк явно не хотел, чтобы их видели вместе, но Ка-

ролину это нисколько не задело. Достаточно того, что он предложил ее подвезти и угостил шоколадным коктейлем. Дочка пьянчуги Доусона и не мечтала о такой удаче.

– Как твоя работа?

– Хорошо. Сегодня я продавала наборы посуды.

– Красивые?

– Нет. Я бы сама никогда не купила такие тарелки.

Ринк рассмеялся.

– Значит, в твои планы не входит торговать посудой всю жизнь?

– Конечно, нет!

– А чего бы тебе хотелось?

«Учиться в колледже», – мысленно произнесла Каролина, прекрасно осознавая несбыточность этой мечты.

– Не знаю, – пожалала она плечами. – Вообще-то мне нравится математика. В школе я считалась одной из лучших учениц, моя фотография целых два года провисела на доске почета.

Надо же было его хоть чем-нибудь поразить! Пусть этот вечер ему запомнится! А уж она его не забудет по гроб жизни. Ее, Каролину Доусон, подвез до дому Ринк Ланкастер! Невероятно! У него же столько девушек! Они и старше ее, и куда интересней. Эти девушки хорошо одеваются, ходят в фешенебельные клубы, их матери ездят на роскошных лимузинах и занимаются благотворительностью. Ни одна из таких красавиц никогда не унижится до разговора с Каролиной

Доусон.

– Ты разбираешься в математике? Жаль, что я раньше тебя не знал. Ты бы мне помогла. В колледже у меня с математикой были нелады.

– Тебе нравится учиться?

– В принципе да, но я рад, что все уже позади.

– Ты что, уже кончил школу?

– Ага, полтора месяца назад.

Не спрашивая, как проехать к ее дому, Ринк свернул на проселочную дорогу.

– Тебе необязательно подвозить меня к дверям, – поспешно сказала Каролина.

– Но здесь темно.

– Ничего, я не боюсь. Пожалуйста, останови машину. Я немного пройду пешком.

Ринк без возражений нажал на тормоз.

В такой счастливый день Каролине не хотелось ссориться с матерью, которая непременно потребовала бы объяснений, если бы увидела машину Ланкастера. Но главное, Каролина боялась, что Ринк увидит, в какой нищете она живет.

Ринк заглушил мотор, и их со всех сторон обступила тишина. Он выключил фары и опустил верх автомобиля. Лунный свет освещал их лица. Легкий ветерок ласково перебирал волосы.

Ринк положил руку на спинку сиденья и повернулся к ней, упершись коленом в ее ногу. От него потрясающе пахло до-

рогим одеколоном. Каролина вдруг отчетливо поняла, что рядом с ней не мальчик, а взрослый мужчина. А она еще ни разу не оставалась с мужчиной наедине, ведь за ней никто никогда не ухаживал.

Каролина в растерянности пила коктейль. Ринк молча следил за ней взглядом. Внезапно соломинка хлюпнула, и стаканчик опустел. Каролина в смущении подняла на Ринка глаза.

Он улыбался.

– Ну как? Хороший коктейль?

– Да, очень. Большое спасибо. – Она протянула ему пустой стаканчик. Он засунул его под сиденье и приблизил свое лицо к лицу Каролины.

Как и утром, они рассматривали друг друга с жадным любопытством. Ринк ласкал взглядом ее щеки, шею и грудь, а Каролина млела, чувствуя, как по ее телу разливается приятное тепло. Оно стало почти невесомым, и лишь в низу живота она чувствовала непривычную тяжесть.

Ринк провел указательным пальцем по ее нижней губе. У Каролины перехватило дыхание.

– Ты очень хорошенькая, – наконец хрипло проговорил Ринк.

– Спасибо.

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

– Пятнадцать!

Он вполголоса чертыхнулся и отвел взгляд. Но, похоже, глаза его не слушались, потому что через секунду Ринк вновь посмотрел на Каролину.

– После нашей встречи в лесу я целый день думал о тебе.

Теперь его рука прикасалась к ее щеке, а палец, словно заколдованный, никак не мог оторваться от нижней губы.

– Я тоже о тебе думала.

Ринк расплылся в довольной улыбке.

– И что ты думала?

Каролина зарделась. Хорошо, что было темно и он этого не заметил. Стесняясь посмотреть Ринку в глаза, она уставилась на расстегнутый ворот его рубашки.

– Ну... разное. – Она передернула плечами, стараясь казаться равнодушной.

– Разное? – снова улыбнулся Ринк, но теперь эта улыбка была мимолетной. – А ты думала о... – Он запнулся в поисках подходящего выражения.

Каролине пришло на ум слово «тискать». Мальчики всегда тискали девочек, прибегавших к ним на свидания. А девчонки потом обменивались впечатлениями, собираясь в группки, но Каролину не допускали до участия в таких разговорах.

Однако Ринк выразился иначе.

– Ты думала о... нас с тобой? О том, как мы...

– Что? – еле слышно переспросила Каролина.

– Как мы целуемся...

Каролина молчала, казалось, в гулкой тишине слышно лишь биение ее сердца.

– Ты когда-нибудь целовалась?

Она поспешно кивнула. Но Ринка ей не удалось обмануть.

– Господи, ты совсем еще ребенок! – воскликнул он изумленно. – Послушай, ты не испугаешься, если я тебя поцелую?

– Я не боюсь тебя, Ринк.

– А... моих поцелуев? – ласково спросил он, глядя Каролину по голове.

– Нет... Я... я буду рада, если ты меня поцелуешь.

– Каролина! – жарко прошептал он, придвигаясь поближе.

Она ощутила на своей щеке его дыхание и закрыла глаза. Губы Ринка осторожно коснулись ее губ. Каролина не отпрянула от Ринка, она словно ждала продолжения, и Ринк поцеловал ее более страстно. Поцелуи Ринка пробудили в девушке какие-то смутные желания. Каролина и сама не понимала, чего она хочет. Во всяком случае, не того, чтобы ее «тискали». Это слово совершенно не вязалось с удивительными чувствами, которые она сейчас испытывала.

Ринк взял лицо Каролины в ладони и жадно припал к ее губам. Она покорно разомкнула их, и Ринк, тихонько застояв, провел по ним языком. Каролина похолодела от ужаса, но сопротивление ее быстро сошло на нет, и она с восторгом отдалась новым, неведомым ощущениям.

Каролина была в полном смятении. Что происходит? Ей до сих пор было неизвестно, что такое любовный пыл. Все-

пившись в рубашку Ринка, она понимала только одно: ей хочется прижаться к нему всем телом. Не в ее силах было сопротивляться этому желанию. Каролине было и страшно, и радостно оттого, что близость Ринка вызывает у нее такую бурю чувств.

Ринк ласково поцеловал ее трепещущие губы и с сожалением отстранился, разомкнув объятия. Какое-то время она сидела, смежив ресницы, а когда наконец подняла отяжелевшие веки, в глазах ее сквозила истома. Истома, переполнявшая все ее тело.

– Ну как ты? Успокоилась?..

Теперь, стоя в холодном больничном коридоре, она ответила ему точно так же, как двенадцать лет назад после первого поцелуя.

– Да, Ринк... Все в порядке...

«Может быть, и он вспомнил тот давний, напоенный звуками и запахами лета вечер?!» – подумала Каролина, когда Ринк посмотрел на нее долгим взглядом, а потом резко отвернулся и сухо бросил через плечо:

– Тогда пошли.

4

– Он такой хорошенький! Ты тоже. – Руки Лауры Джейн, гладившие жеребенка, замерли, а темные глаза обратились к Стиву, который произнес два этих коротких слова с невыразимой нежностью.

– Ты правда так думаешь?

Стив мысленно выругался, услышав этот наивный вопрос. Сколько раз он себе твердил, что надо быть осторожней! Лаура Джейн такая доверчивая и простодушная! Ее легко обидеть, поэтому он должен быть очень осторожен в высказываниях.

Стив поднялся на ноги.

– Конечно, ты очень симпатичная девушка, – как можно спокойнее произнес он и, прихрамывая, вышел из стойла.

Он все чаще ощущал необходимость воздвигнуть между собой и Лаурой Джейн прочную преграду. Ведь она даже не подозревала, какие желания пробуждают в нем запах ее волос и матовая белизна кожи. А если б узнала, пришла бы в ужас.

Стив снял с крюка седло. Ринк сказал ему, что собирает-ся утром покататься верхом, и Стив не хотел ударить лицом в грязь. Пусть и седло, и сбруя – все будет в идеальном порядке!

Стив понимал, почему молодой хозяин относится к нему

с такой антипатией. Ринк ведь не слепой и, естественно, заметил, какие взгляды бросает конюх на его сестру.

Стив не обижался на Ринка за его неприязнь. Ничего удивительного, что он так волнуется за сестру. К ней и вправду надо относиться бережно. Будь у него самого такая сестра, он тоже берег бы ее как зеницу ока.

Но, с другой стороны, что поделывать, если Лаура Джейн ему так мила?! Он не искал этой любви, она пришла к нему сама. И теперь ему без Лауры Джейн нет жизни.

Девушка подошла к нему и, стоя рядом, внимательно наблюдала, как он моет седло. Локоть Стива почти касался ее груди.

Конюх яростно орудовал тряпкой, стараясь не думать о близости девушки.

Лаура Джейн, разочарованная тем, что Стив больше не говорит ей комплиментов, спросила:

– У тебя нога болит, да?

– Нет. С чего ты взяла? – удивился Стив.

– Потому что ты хмуришься. Когда тебе больно, у тебя всегда бывает мрачный вид.

– Нет, я просто делаю свою работу, вот и все.

Лаура Джейн придвинулась еще ближе.

– Давай я тебе помогу, Стив.

Он отступил на шаг. Кровь гулко стучала в висках. Господи, эта девушка – сущий ангел, а он... он смеет оскорблять ее своими непристойными фантазиями!

– Не надо. Я сам справлюсь.

– Ты тоже думаешь, у меня не получится? Я знаю, все считают, что я ни на что не гожусь.

Стив вскинул голову.

– Ну что ты! Как это не годишься?

В темных глазах девушки была затаенная боль.

– Все думают, что я глупая и ничего не умею делать.

– Не говори глупостей, Лаура Джейн! – воскликнул Стив, кладя ей руку на плечо. – Я, например, ничего подобного не думаю.

– Тогда почему ты отказываешься от моей помощи?

– Потому что это грязная работа, а я не хочу, чтобы ты испачкалась.

– Только поэтому? – переспросила Лаура Джейн. – Честное слово?

– Честное слово.

Стиву давно пора было отойти от нее, но он не мог оторваться, не мог убрать свою тяжелую руку с ее хрупкого плечика. Обращенное к нему лицо Лауры Джейн было ангельски прелестным, однако в глазах полыхал беспокойный огонь. Любой другой человек мог бы принять его за огонь страсти, но Стив слишком хорошо знал Лауру Джейн и не допускал даже мысли об этом.

– Да, я, конечно, не очень умная. Но кое-что я все-таки понимаю.

– Ну конечно!

Господи, какие у нее розовые, нежные губы! Так и хочется попробовать их на вкус. Он бы все на свете отдал, лишь бы прижать эту девушку к своему израненному, изуродованному телу! Ее прикосновения – бальзам на раны. И телесные, и душевные.

– Я многое подмечаю. Например, я уверена, что Ринк несчастлив. Он пытается нас обмануть, смеется, делает вид, будто ему весело, но глаза у него грустные. Тебе не кажется, что Ринк и Каролина терпеть не могут друг друга?

– Кажется.

– Интересно, почему? – Лаура Джейн наморщила лоб. – А может, у них, наоборот, любовь, и они так ведут себя, чтобы никто ни о чем не догадался?

Стив улыбнулся, изумляясь ее проницательности. Ведь он за завтраком пришел к такому же выводу. Недаром говорят, от ненависти до любви один шаг. Посидев за одним столом с Ринком и Каролиной, Стив пришел к выводу, что в их случае чаша весов явно склоняется в сторону любви.

Он погладил Лауру Джейн по щеке.

– Может быть, ты и права.

Она доверчиво подалась к нему.

– По-твоему, я умная? И симпатичная?

– Ты красавица.

– Ты тоже красивый. – Фарфоровые легкие пальцы скользнули по его лицу.

Стив вздрогнул и отшатнулся, безвольно опустив руки

вдоль тела.

– Не надо так делать, Лаура Джейн. – Он и сам удивился резкости своего тона.

Лаура Джейн сжалась, словно ее ударили.

– О Господи, девочка! Извини! Извини меня, – Стив хотел погладить ее по плечу, но не посмел. Она закрыла лицо руками и вдруг заплакала. – Пожалуйста, не плачь.

– Я просто ужасная.

– Ты? Да что ты!

Стиву давно не было так тошно. Куда ни кинь – всюду клин. Приласкать ее нельзя, а оттолкнуть – еще хуже. Ринк убьет его, если узнает, что он прикоснулся к Лауре Джейн. Но если не сказать ей доброго слова, Лаура Джейн решит, что она никому не нужна, никто ее не любит...

– Ты чудесная девушка, – с жаром прошептал Стив. – Другой такой нет на всем свете!

– О нет. – Она обратила к нему залитое слезами лицо. – Я нехорошая. Сколько я себя помню, я всегда любила Ринка. Думала: вот он вернется домой, и все наладится. Он мне казался самым сильным, самым красивым мужчиной в мире. Но вот он вернулся – и я вижу, что ошибалась, – Лаура Джейн нервно теребила ворот своего платья. – Самый лучший мужчина – это ты.

Хрупкие плечики опять задрожали, а по щекам заструились новые потоки слез.

– Стив, знаешь, я люблю тебя больше, чем Ринка.

И не успел Стив опомниться, как Лаура Джейн бросилась ему на шею, чмокнула в губы и выбежала из конюшни.

Стив был оглушен, в ушах у него звенело, во рту пересохло. Он умирал от ужаса и восторга. Господи, что ему со всем этим делать?

А что тут поделаешь? Ничего. Абсолютно ничего.

Он выключил свет и отправился к себе. В холостяцкой квартирке, расположенной в дальнем конце конюшни, было прибрано, но все равно неуютно и одиноко. Стив лег на узкую постель и закрыл глаза. Его охватило беспросветное отчаяние. Как в тот день, когда он очнулся в армейском госпитале и узнал, что ему отрезали ноги.

– Ой, извини, Ринк. Я не знала, что ты здесь.

– Нечего тебе извиняться, – откликнулся он из темноты. – Это же твой дом.

Каролина закрыла за собой стеклянную дверь и села в плетеное кресло. В воздухе была разлита вечерняя прохлада. Она устало смежила веки.

– Нет, это твой дом, Ринк. А я здесь временно. Пока...

– Пока жив мой отец.

– Да.

На этот раз Ринк не стал возражать. Споры с Каролиной огорчали его.

– Ты не ездила больше в больницу? – спросил Ринк.

– Нет. Я туда звонила. Роско все-таки сделали укол, и он

заснул. Врач сказал, что нет смысла приезжать. Вот я и подумала, что от меня здесь будет больше толку.

– Не хотел бы я оказаться в больнице в тот момент, когда отец проснется и обнаружит, что он проспал целый день, – задумчиво протянул Ринк.

– Я подумала об этом, – вздохнула Каролина.

– Он часто тебе грубит?

– Нет. Никогда. Хотя на других людей при мне кричал не раз. Я, правда, довольно легко его утихомиривала. А сегодня впервые досталось и мне.

– Что ж, считай, что тебе еще повезло, – горько усмехнулась Ринк. – Мою мать он оскорблял постоянно. Придирался к ней из-за пустяков. Черт! – Ринк со злостью стукнул кулаком по спинке кресла. – Меня порой так и подмывало заткнуть его поганую глотку. Я с детства ненавидел отца за то, что он сделал маму несчастной. Она ведь ему все отдала. Все!

Ринк бросил на Каролину косой взгляд, и ей показалось, что ему неловко. Наверное, от того, что он так перед ней раскрылся.

– Хочешь выпить? – неожиданно спросил он.

– Нет, спасибо.

– Ах да, я забыл. Ты ведь не пьешь, да?

– Естественно. Я же выросла в доме Пита Доусона, – грустно улыбнулась Каролина. – Это навсегда отбило у меня охоту к выпивке.

– Тогда я тоже не буду. – Ринк поставил бокал с коктейлем

на пол.

– Нет-нет, пей! Тебе-то зачем отказываться? Ты-то в полном порядке, вон ведь какой красавец!

Последнюю фразу Каролина лягнула, не подумав. И тут же пожалела. Слишком уж много в ней было личного. Ринк внимательно всмотрелся в ее лицо. Каролина не выдержала и отвела взгляд.

– Хейни сказала мне, твой отец умер. Как это случилось? – наконец нарушил молчание Ринк.

– Да. Однажды утром его нашли мертвым на обочине шоссе. Медицинское заключение – смерть от разрыва сердца. Неудивительно. Он так долго отравлял свой организм...

– А твоя мать жива?

– Нет, мама умерла совсем недавно.

Каролина устремила в темноту невидящий взор. Ее матери было всего лишь пятьдесят, но она уже превратилась в старуху. Хроническая усталость и отчаяние сломали ее.

Ринк опустил на ступеньки крыльца рядом с Каролиной.

– А как ты жила после моего отъезда, Каролина?

Ей безумно хотелось погладить Ринка по его густым темным волосам. Сейчас он стал еще мужественнее и красивее, чем был прежде.

– Закончила школу, получила стипендию для учебы в колледже.

– Стипендию? Ты? – Ринк резко повернул голову и почти

коснулся руки Каролины. – Но как тебе это удалось?

– Не знаю.

Он недоуменно поднял брови.

– Не знаешь?

Каролина покачала головой. Мысли кружились, как осенние листья. Рядом был Ринк, он сидел, обхватив руками колени. Стоило ему протянуть руку, и он дотронулся бы до ее ноги – Ринк сидел на две ступеньки ниже.

Молчание затянулось – Ринк терпеливо ждал ее ответа. Каролина справилась с волнением и начала сбивчиво рассказывать:

– Как-то утром меня пригласили в кабинет директора. Это случилось прямо перед выпускными экзаменами. Директор сказал, что человек, пожелавший остаться неизвестным, хочет оплатить мое дальнейшее обучение и назначает мне стипендию. Денег хватило с лихвой. В колледже у меня даже оставалось ежемесячно пятьдесят долларов на мелкие расходы. И, представь себе, Ринк, я до сих пор не имею ни малейшего представления, кто меня облагодетельствовал.

– И вправду чудеса! – изумился Ринк.

Но Ринк знал, хотя и немного, о дальнейшей судьбе Каролины. В свое время Хей-ни известила его в письме, что «замарашка Доусон» учится в колледже.

«Ты, наверное, не помнишь ее, – писала ему экономка. – Она на несколько лет моложе тебя – дочка пьяницы Доусона. Короче, она уехала в город, а мы тут все гадаем, как ей

удалось раздобыть столько денег?»

А потом пришло письмо от Лауры Джейн.

«Папа сегодня сказал мне, что Каролина Доусон вышла замуж за своего однокурсника. Он сказал, что она жила в нашем городе и ты ее тоже знаешь», – писала сестра.

– Получив диплом, я вернулась в наш город, – продолжала Каролина.

– Твой брак, значит, к этому времени уже распался, да? Недолго же ты была замужем!

– Мой брак? – ошеломленно переспросила Каролина.

– Ну да. Ты же вышла замуж за однокурсника, насколько мне известно.

Каролина смотрела на Ринка, ничего не понимая.

– О чем ты говоришь, Ринк? Да у меня даже парня не было. Какой там муж? Чтобы не потерять стипендию, я должна была хорошо учиться. Я занималась с утра до ночи. С чего ты взял, что я была замужем?

Ринк потрясенно молчал. Неужели Лаура Джейн все выдумала? Не может быть! Сестра понятия не имела о Каролине, пока та не начала работать у Роско.

Роско...

В душе Ринка шевельнулось подозрение. Неужели? Нет... зачем ему это понадобилось?.. Это же подло! Впрочем, от Роско всего можно ожидать...

– Мне кто-то говорил о твоей свадьбе, не помню, кто именно. Или же что-то перепутал?

– Кто бы ни был этот человек, он ошибся. Я не выходила замуж, пока...

– Пока мой отец не сделал тебе предложение.

Наступило долгое, тягостное молчание. Потом Каролина задала вопрос, который мучил ее все эти годы:

– А что произошло между тобой и Мерили?

– Третья мировая война, – усмехнулся Ринк.

Каролина ничего не ответила, лишь крепче сжала пальцы рук.

– Наша семейная жизнь с самого начала была обречена. Мерили ребенок был нужен не больше, чем мне. Ей просто хотелось родить его в законном браке, поэтому как только Алиса появилась на свет, мы подали на развод.

– И ты никогда не видел свою дочь?

– Нет.

Лицо Ринка было непроницаемо, но по его тону Каролина догадалась, что разговор окончен. Ей вдруг стало больно, что он так холодно говорит о своей дочери. Как можно быть таким бесчувственным? А ведь было время, когда она мечтала иметь от него ребенка! По крайней мере в этом случае у нее осталось бы напоминание об их любви...

– После развода – а эта история растянулась на несколько лет – я основал авиакомпанию.

– Ты молодец, Ринк. Я горжусь тобой, – Каролина произнесла это так прочувственно, что он недоуменно и внимательно поднял на нее глаза.

– Признаюсь, мне пришлось основательно потрудиться, чтобы наладить дело, – продолжал Ринк. – Но я не жалею. Работа поглощала все мое время и отвлекала от грустных мыслей.

– О чем? О доме?

Взгляд темных глаз пронзил ее насквозь.

– Да, – Ринк порывисто встал и прислонился плечом к колонне. – О доме, о Лауре Джейн, об отце, о фабрике. Уинстонвиль – моя родина. Я ведь не собирался отсюда уезжать.

– Но в Атланте ты начал новую жизнь. И вполне успешно.

– Да, – согласился Ринк. – Я действительно начал новую жизнь.

Он начал все заново. Новый дом так и остался для него чужим. Вечеринки раздражали Ринка – они были скучны и вульгарны. Женщины... женщины были все одинаковы, жеманные и фальшивые. Он видел их насквозь. Впрочем, они его тоже.

Жизнь в Атланте не удалась. И не потому, что ему не нравилось его дело. Еще как нравилось! Он гордился своей авиакомпанией. Он отдавал ей все свои силы и умение.

Но Ринк не отличался непомерным честолюбием. Его неудержимо тянуло в родной город, в эту прекрасную, плодородную низину, в отчий дом. В чужом краю ему все опостылело, и он в тысячный раз проклял Роско за то, что тот вынудил его уехать. Никогда он не простит этого отцу!

– Почему ты вышла замуж за Роско? – неожиданно спро-

сил Ринк.

Каролина покачала головой.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой мою личную жизнь.

– А меня она и не интересует. Я спрашиваю только, почему ты согласилась стать его женой? Он ведь годится тебе в дедушки, Каролина! – Ринк подошел к креслу, в котором сидела Каролина, схватился за подлокотники, – он словно поймал Каролину в западню. – Почему ты вообще вернулась в этот город? Зачем тебе это понадобилось?

Каролина подняла голову и посмотрела ему в глаза.

– Тогда еще была жива моя мать. Я вернулась, получила работу в банке, и через несколько месяцев мы уже смогли снять более или менее приличное жилье. А потом в банке я познакомилась с твоим отцом. Он был со мной очень любезен, предложил мне работу на фабрике, и я согласилась. У него я получала вдвое больше, чем в банке. Вскоре мама умерла, и я смогла похоронить ее достойно.

Ринк слушал Каролину, впившись горячим взглядом в ее лицо. Темные пряди волос упали на лоб. Рубашка расстегнулась. Он дышал тяжело и шумно.

«И тогда он тоже был так взволнован», – подумала Каролина, упираясь взглядом в мускулистую грудь.

Господи, какой же он потрясающий мужчина! С ним опасно находиться рядом. Каролине хотелось зажмуриться, чтобы прогнать это наваждение. Но глаза не желали ей повиноваться.

– Потом случилось так, что я стала часто бывать здесь, в поместье. Я часто приезжала сюда и по делам, и тогда, когда твой отец просто приглашал меня.

– Не сомневаюсь, ты была на седьмом небе от счастья, когда тебя приглашали в Укромный уголок!

– Да, да! – выкрикнула вдруг Каролина. – Ты же знаешь, как мне нравился этот дом. Простушке, какой я была, когда ходила по лесной тропинке на работу, твой дом казался сказочным замком. И я не собираюсь этого отрицать, Ринк.

– Ладно, продолжай свою увлекательную историю. Уж не хочешь ли ты сказать, что мой отец стал для тебя таким сказочным принцем?

– Нет, конечно. Все было иначе. После смерти мамы я стала задерживаться здесь подольше. Твой отец доверял мне серьезные дела. Я подружилась с Лаурой Джейн. Роско поощрял нашу дружбу, ведь у Лауры Джейн не было подруг среди ее сверстниц.

Каролина облизала пересохшие губы. Ринк не отрывал взгляда от ее лица.

– Мы сблизились как-то незаметно. Я проводила в Укромном уголке почти все время, и когда Роско сделал мне предложение, я без колебаний согласилась. Для меня тогда это был единственный способ осуществить мои мечты.

– Например, сменить свою фамилию на гораздо более уважаемую.

– Да.

– И получить возможность красиво одеваться.

– Да.

– И занять кучу денег.

– Да.

– И роскошный дом.

– Которым я восхищалась с детства.

– Понятно. И ради этого ты продалась моему отцу! – зло подытожил Ринк.

– В каком-то смысле ты прав.

Ринк смотрел на нее с нескрываемым презрением. Сжавшись под его взглядом, Каролина попыталась оправдаться:

– Пойми, мне хотелось остаться в вашей семье, в этом доме, быть ближе к Лауре Джейн. Да и отцу твоему нужна была помощь.

– А, значит, ты вышла за него из сострадания? Ты была так благородна, что решила посвятить свою жизнь отцу и бедняжке Лауре Джейн?!

– Нет, – честно призналась Каролина, опустив глаза. – Я мечтала жить в Укромном уголке. Я хотела, чтобы меня все уважали. И я этого не скрываю! Но разве ты можешь понять меня! Ты ведь не рос в лачуге, не боялся насмешек, не ходил в обносках, завидуя своим друзьям-модникам, не работал после школы и по субботам, когда твои одноклассники разъезжали по городу в собственных автомобилях, сидели в кафе или на стадионе. У тебя-то не было отца-забулдыги, над которым потешался весь город. А раз так, то и нечего меня

осуждать, Ринк Ланкастер!

Каролина стремительно поднялась на ноги, но Ринк не разомкнул рук, чтобы выпустить ее. Он крепко схватил Каролину за локти и прижал к себе. Оба тяжело дышали, словно после долгого бега.

Каролина боялась поднять глаза на Ринка. Боялась, потому что не владела собой. Она задержала взгляд на сильной шее Ринка – там, где часто-часто пульсировала маленькая жилка. Теплая волна нежности, захлестнувшая Каролину, лишила ее сил. Она едва держалась на ногах, весь мир вокруг словно стал безмолвным. Она лишь почти явственно слышала ток крови Ринка, обозначенный в этой трогательной точке на его шее.

– Пожалуйста, отпусти меня, Ринк. Пожалуйста! – прошептала Каролина.

Но Ринк остался глух к ее мольбам и уткнулся губами в ее щеку. Каролина беспомощно запрокинула голову. Губы Ринка оставили влажный след на атласной коже.

– Почему... почему я так хочу тебя? Ты ведь жена моего отца. Я знаю, почему ты на это пошла, знаю и... все равно ничего не могу с собой поделать.

На этот раз его обжигающий поцелуй едва не лишил Каролину последних сил.

Но она не отстранилась, а лишь слабо протестовала:

– Не надо, Ринк. Пожалуйста, не надо.

– Я с ума схожу по тебе. – Поцелуи Ринка становились все

более страстными. Он трепетно сжал губами нежную кожу на ее шее. – Хочу тебя. Почему? Черт возьми, почему?

Каролина застонала:

– О Господи, смилуйся надо мной!

Больше всего на свете ей хотелось сейчас отдаться ему. Ведь они нужны друг другу. Нужны как воздух. Пусть эта близость будет им наградой за годы мучительной разлуки. Мучительной, как оказалось, для них обоих. Пусть хотя бы на несколько кратких мгновений они позабудут обо всем остальном...

Но, увы, это было невозможно. Каролина очнулась от наваждения и, вырываясь из объятий Ринка, уперлась кулаками в его грудь.

Руки Ринка резко разжались. Он попятился, тяжело дыша. Каролина метнулась к двери.

– Постой!

Она покорно замерла.

– Прости меня, Каролина, – с усилием произнес Ринк. – Мне всегда бывает трудно смириться с тем, что я считаю не правильным. Но я не имел права осуждать тебя. Это все не мое дело.

Слезы застилали Каролине глаза. Она прекрасно понимала, чего ему стоило принести извинения. Ринк ведь всегда был отчаянным гордецом!

Каролина улыбнулась. Но улыбка получилась горькой, а глаза Каролины наполнились непрошеными слезами.

– Так уж и не твое, Ринк? – прошептала она и взбежала по ступенькам.

Упав на постель, Каролина разрыдалась. Она чувствовала себя совершенно разбитой, сил не было даже для того, чтобы раздеться... Она лежала и вспоминала. Вспоминала то давнее лето. Она не знала тогда, увидятся ли они еще когда-нибудь. Но наутро Ринк снова встретил ее в лесу.

– Привет!

– Что ты тут делаешь?

– Ловлю рыбу. – Он кивнул на удочку, воткнутую в илистый берег.

Похоже, рыболов из него был никудышный.

– А ты сегодня пришла пораньше.

Каролина покраснела, отводя взгляд. Выходя из дому на полчаса раньше обычного, она уговаривала себя не думать о Ринке и не надеяться на встречу. Но все равно надела лучшую юбку и блузку, тщательнее, чем всегда, причесала специально вымытые волосы и проверила, нет ли под ногтями грязи.

Расставшись с Ринком вечером, Каролина прилетела домой будто на крыльях. Ринк ее поцеловал! И нежно с ней попрощался... О Боже!.. Но все равно она не была уверена, суждено ли им увидеться вновь.

Но и следующим утром Ринк поджидал ее в лесу. Такой красивый, сильный, уверенный, в джинсовых шортах и в ру-

башке с короткими рукавами... Киноактер – да и только! Каролина никогда не видела вблизи молодых мужчин с оголенными руками и ногами, боялась задержать на них взгляд. Каролине казалось, что в этом есть нечто греховное. Греховное словно нарождалось и в ней самой: сердце билось сильнее обычного, в глубинах ее естества разгорался жар, который лишал ее сил и разума.

– Хейни, наша экономка, дала мне с собой сандвичи. Ты любишь копченую индейку?

– Не знаю. Я никогда не ела ее.

– Значит, сейчас попробуешь, – улыбнулся Ринк.

Он расстелил на траве плед, открыл сумку и протянул Каролине сандвич, завернутый в целлофан. Каролина быстро расправилась с упаковкой и с удовольствием откусила огромный кусок.

– А ты будешь работать на фабрике? – едва смогла выговорить она. – Индейка, кстати, очень вкусная.

– Я рад, что тебе понравилось, – Ринк привалился спиной к стволу дерева. – Наверное, буду... – Он немного подумал и прибавил:

– Если только мы с отцом сможем найти общий язык.

Каролина хотела спросить, что он имеет в виду, но вовремя сдержалась. А то еще подумает, что она сует свой нос в чужие дела.

Но Ринк заметил ее колебание и сам сказал:

– Понимаешь, отец не особенно заинтересован в увели-

чении прибыли. Его вполне устраивает то, что есть. А ведь можно многое усовершенствовать, тогда и доход будет больше и техника безопасности повысится. Но пока что мне не удалось убедить отца. Ему подавай только сиюминутную выгоду, долговременная перспектива его не интересует.

– Но, может быть, ты в конце концов уговоришь его?

– Может быть, – с сомнением откликнулся Ринк и, достав из пакета банку пепси, подмигнул Каролине. – Вообще-то я предпочел бы выпить холодного пива, но я побоялся, что, если меня застукают за распитием спиртного с малолеткой, мне несдобровать.

На самом деле если бы их застукали вдвоем, им бы не поздоровилось прежде всего по другой причине. И оба это знали.

Когда бутерброды были съедены, Каролина помогла Ринку сложить мусор в пакет. Потом она пересела на его место, прислонившись спиной к стволу, а он растянулся рядом.

– О чем ты думаешь? – спросил Ринк.

– О твоей маме.

– О моей маме? – с нескрываемым удивлением переспросил Ринк.

– Да. Мне жалко, что она умерла. Она была такой милой женщиной.

– Да, но когда ты успела с ней познакомиться?

– Мы не были знакомы, но она иногда заходила в «Вулворт». Она была всегда так... чисто одета!

Ринк рассмеялся:

– Что верно – то верно. Мама обожала чистоту и опрятность.

– Меня поражала ее красота. И одевалась твоя мама прекрасно, – с восхищением продолжала Каролина. – Ринк... А от чего она умерла?

Не зная, куда девать глаза, юноша уставился на подол Каролининой юбки и рассеянно провел указательным пальцем по мелким стежкам, явно сделанным вручную.

– От разбитого сердца, – еле слышно проговорил он.

Острая жалость к Ринку вдруг пронзила Каролину. Ей захотелось прижать его голову к своей груди, приласкать и утешить.

– Но как можно быть несчастным, живя в таком роскошном доме?

– А тебе нравится Укромный уголок? – вопросом ответил ей Ринк. Глаза Каролины заблестели.

– О, это самый прекрасный дом в мире!

Ринк рассмеялся. Каролина смутилась и покраснела.

– Ну... во всяком случае, я лично ничего красивее не видела.

– А ты разве была у нас дома? – изумился Ринк.

– Нет, что ты! Но я часто прохожу мимо. И всегда останавливаюсь, чтобы полюбоваться. Я бы все на свете отдала, лишь бы иметь такой дом! – воскликнула Каролина и пристыженно добавила:

– Ты, наверное, думаешь, что я с приветом?

Ринк покачал головой.

– Нет, я ведь и сам его обожаю. И тоже не устаю им любоваться. Когда-нибудь я приглашу тебя в гости.

Однако они оба понимали, что этого не случится, и боялись посмотреть друг другу в глаза.

Наконец Каролина сказала:

– У тебя очень милая сестренка. Она приходила к нам в магазин вместе с твоей мамой.

– Ее зовут Лаура Джейн.

– А в школе я ее почему-то не вижу. Она что, ходит в частную школу?

Ринк сорвал травинку и сунул ее в рот. Каролина втайне восторгалась его ровными, белыми зубами.

– Она учится в школе для умственно отсталых. Лаура Джейн... ну, понимаешь... она, конечно, не совсем дурочка, но... отстает в развитии. Ей трудно учиться.

Каролина покраснела:

– Ой... извини... я не знала...

– Ничего, – Ринк взял ее за руку. – Ничего страшного. Лаура Джейн все равно очень хорошая, и я ее очень люблю.

– Как ей повезло, что у нее такой брат!

Он подпер голову рукой. Его черные густые ресницы блестели на солнце.

– Ты полагаешь?

– Да!

Они зачарованно рассматривали друг друга. В такие моменты слова были излишни. Взгляд Ринка скользил по руке Каролины. Он взял ее и принялся внимательно изучать тонкие линии, испещрявшие ладонь. Потом рука Ринка заскользила выше, трепетные пальцы остановились на нежной впадинке у локтя. Каролине стало щекотно. Сердце затрепыхалось, словно птичка, а грудь набухла и напряглась.

– Я еще немножко посижу и пойду, – прерывающимся голосом проговорила она.

– Жалко, что тебе надо идти. Мне бы хотелось провести с тобой целый день. Никуда не спешить, поговорить обо всем на свете.

У Каролины зазвенело в ушах.

– Но... у тебя же столько друзей... Разве тебе не с кем поговорить?

– Да они токуют как тетерева, никого не слышат. Ты единственная, кто умеет слушать, Каролина.

Не отрывая от девушки своих золотистых глаз, Ринк медленно сел и, обхватив рукой ее шею, притянул к себе. Каролина не сопротивлялась. Их губы медленно сближались.

Поначалу поцелуй был таким же нежным, как и вчерашний, первый. Но податливость нежных девичьих губ быстро распалила в Ринке страсть. Его ласки становились все более смелыми и настойчивыми.

Каролину захлестывали волны новых ощущений. Вскоре она уже лежала на коленях у Ринка, а он припадал к ее рту,

словно истомленный жаждой путник.

Внезапно Ринк поднял голову и, с трудом переводя дух, взмолился:

– Каролина! Прошу тебя, не уступай мне! Скажи: «Нет». Не позволяй мне заходить далеко.

При этом он расстегнул ее блузку и запустил руку под лифчик. Теплая, шелковистая кожа была такой нежной и зовущей!

Ринк застонал:

– Ты ведь еще совсем ребенок. Ребенок! Господи, помоги мне! Милая, ты не понимаешь, что мы можем натворить, но я-то знаю! Мы играем с огнем. Пожалуйста, останови меня!

И он опять страстно поцеловал ее.

Каролина не знала, что делать. Набухшая грудь ныла, и девушке хотелось прикрыть ее руками. Его руками... Она обняла Ринка за шею и привстала.

Он отстранился:

– Нет, так больше не может продолжаться, Каролина. Если это не прекратить, мы потеряем голову. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Каролина машинально кивнула, мечтая лишь о том, чтобы он снова обнял ее и поцеловал.

Однако Ринк поднялся на ноги и протянул ей руку. Каролина беспомощно прижалась к нему. Он погладил ее по спине, шепча на ухо ласковые слова, а потом с грустью произнес:

– Тебе пора. Я никогда себя не прощу, если по моей вине

тебя выгонят с работы.

– О Господи! – спохватилась Каролина. – Сколько сейчас времени? Я уже опоздала, да?

– Пока нет, но надо поторопиться.

– Тогда я побежала. – Она поспешно заправила блузку и пригладила волосы.

Ринк схватил ее за руку.

– Ты извини, но сегодня вечером я не смогу тебя подвезти.

– А я на это и не рассчитывала, Ринк, – честно призналась

Каролина.

– Я бы с удовольствием, но у меня вечер занят... я давно договорился, и...

– Ничего, я не обижаюсь. Честное слово! – Каролина бросилась к тропинке. – Спасибо за сэндвичи!

Ринк устремился за ней.

– Каролина!

Она обернулась.

– Что?

– Увидимся завтра. Здесь же. Хорошо?

Девушка просияла.

– Да! – В лесной тишине еще долго звенел ее счастливый смех. – Да... да... да...

Несколько недель подряд Ринк каждое утро поджидал ее на поляне. А когда мог, подвозил вечером домой...

Каролина повернулась на бок и тоскливо посмотрела на

луну, выглядывавшую между деревьями. Как же тогда было чудесно! Она жила точно во сне, наслаждаясь поцелуями Ринка и смутно желая чего-то большего. Он рассказывал ей о своих планах на будущее, она раскрывала ему свои секреты. Их обоих изумляла та естественность откровенности, которая вдруг возникла между ними. Ни Каролина, ни Ринк никому так доверчиво и открыто не поверяли свои тайны и сомнения, свою боль и свои мечты.

Их любовь была лучезарной. И не потому, что светило солнце и все вокруг дышало радостью. Самый счастливый их день был, наоборот, пасмурным. С раннего утра зарядил дождь, который не прекращался до вечера.

Но на душе у нее тогда было светло...

Каролина всхлипнула, по ее щекам снова заструились слезы. Она молила Бога о прощении, но понимала, что надежды на это нет. Ибо оплакивала она вовсе не Роско, лежавшего при смерти, а Ринка – свою несчастную любовь.

Каролина и не думала, что проспит так долго. Она торопливо накинула халат и спустилась в кухню. Хейни, напевая, мыла посуду. Она с недоверием относилась к посудомоечной машине и никогда ею не пользовалась.

– Доброе утро, Хейни! Рада, что у вас хорошее настроение.

– Еще бы! Угодила молодому хозяину – ему понравился мой завтрак. Все съел до последней крошечки.

Экономка говорила о Ринке как о маленьком мальчике.

– И где он теперь?

– Вон там, – Хейни кивнула на задний двор, и Каролина подошла к открытой двери, на ходу прихлебывая кофе из кружки. Она сразу увидела Ринка: он о чем-то разговаривал со Стивом, державшим под уздцы лучшего скакуна из конюшни Ланкастеров. Через секунду он вдел ногу в стремя и ловко вскочил в седло. Своенравный конь забил копытом, но Ринк натянул поводья, и скакун сразу успокоился. Ринк кивнул Стиву и направил коня к дороге.

Каролина смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Черные блестящие волосы Ринка вспыхивали бликами на солнце. Конь легко перемахнул через изгородь и скрылся за деревьями.

Обернувшись, Каролина поймала на себе заинтересован-

ный взгляд Хейни и смущенно кашлянула.

– Мне надо позвонить. Я буду в библиотеке.

Она быстро покинула кухню, сердясь на себя за то, что у нее не получается скрывать свои чувства при посторонних.

Медсестра, ответившая на ее звонок, не сообщила ей ничего нового.

– Мистер Ланкастер еще спит. Ночь прошла довольно спокойно. Один раз он, правда, проснулся, пришлось сделать обезболивающий укол.

Каролина повесила трубку и набрала номер Грейнджера.

Каролина хотела расспросить адвоката про завещание Роско, но она не знала, как подступиться к такой деликатной теме. После некоторых колебаний она все же решилась спросить, что ждет прямых наследников Роско после его смерти.

– Не считите, Грейнджер, что я пытаюсь что-то выведать у вас, – с волнением произнесла Каролина. – Но поймите, мне надо как-то подготовиться, чтобы не сделать опрометчивых шагов.

– Каролина, я прекрасно все понимаю, – успокоил ее адвокат. – В любом случае вы имеете полное право интересоваться завещанием. Вы ведь его жена.

– О, я беспокоюсь не о себе. Меня гораздо больше волнует судьба Лауры Джейн. Надеюсь, Роско не бросит дочь на произвол судьбы? Да и Ринка несправедливо было бы обделять.

Адвокат молчал. Он находился в явно затруднительной ситуации: необходимость соблюдать профессиональную эти-

ку удерживала его от откровенности.

– Я не особенно посвящен в планы Роско, Каролина, – осторожно начал он. – Честное слово. Мне лишь известно, что несколько лет назад Роско составил новое завещание. Но я уверен, что он о вас позаботится. Не думаю, что там будут какие-либо сюрпризы.

Каролина не была в этом столь уверена, однако побоялась выразить вслух свои опасения. Немного поговорив о ниче-го не значащих мелочах, она попрощалась с Грейнджером и повесила трубку.

Но телефон тут же зазвонил снова.

На табло высветился номер. Звонили с фабрики.

– Это Барнес. Хочу поставить вас в известность. Помните, я вам говорил, что у нас станок барахлит? А сегодня он вообще грохотал на весь цех так, что мы решили его выключить. От греха подальше.

Каролина нервно потеряла виски. Только этого еще не хватало! Вот-вот начнется сбор хлопка, простой станка совершенно недопустим. Они могут потерять уйму времени и денег!

– Я сейчас приеду на фабрику, – пообещала Каролина и, торопливо допив уже остывший кофе, поднялась к себе в спальню. Спустя полчаса, приняв душ, она надела поплиновую юбку и свободный пуловер. Надев туфли без каблуков, Каролина собрала волосы в «конский хвост» и затянула его ярким шарфом. Она всегда приезжала на фабрику в простой

удобной одежде. Каролина хотела, чтобы рабочие не относились к ней как к богатой хозяйке, супруге босса.

Сказав Хейни, что уезжает на фабрику, Каролина направилась к двери. В этот момент во двор въехал Ринк. Увидев Каролину, он спрыгнул на землю и, передав лошадь Стиву, поспешил навстречу ей.

– Ты куда так торопишься? В больницу?

Видимо, озабоченное выражение лица Каролины ввело Ринка в заблуждение: он решил, что отцу стало хуже. Каролина отметила про себя его беспокойство и подумала, что Ринку отец все-таки небезразличен. Вероятно, по-своему он переживает, хотя и старается скрыть свою тревогу.

– Нет-нет, – поспешила успокоить Ринка Каролина. – Я звонила в больницу, но мне сказали, что Роско еще не просыпался. Я должна поехать на фабрику.

– Что-то случилось?

– Станок забарахлил и очень не вовремя.

Ринк понимающе кивнул:

– Ты полагаешь, поломка серьезная?

– Наверное. По крайней мере, мастер предпочел выключить станок, – сказала Каролина и, увидев озабоченное лицо Ринка, неожиданно для самой себя предложила:

– Может, поедешь со мной?

Он внимательно посмотрел на нее. Каролина в смятении опустила глаза.

– Вдруг ты сможешь разобраться, что же там случилось? –

словно оправдываясь, пробормотала она. – Ты единственный, кому я могу доверять в таком деле.

Ринк так долго молчал, что Каролина уже пожалела о своем предложении.

И вдруг Ринк протянул руку:

– Решено, едем вместе. Давай ключи, я поведу машину. – По натуре азартный, Ринк на дороге лихачил. На поворотах машина ревела, оставляя за собой облако пыли. – Этот станок раньше когда-нибудь выходил из строя? – поинтересовался Ринк.

– Да, такое случалось уже несколько раз.

– Давно?

– В последний раз совсем недавно, – Каролина понимала, что ее сухие ответы не способствуют оживленной беседе, но она ничего не могла придумать. Близость Ринка кружила ей голову. От него пахло свежестью утра, лошадью, одеколоном. Волнующие, тревожные запахи... Она представила себе, как он скакал по росистой траве, и вдруг отчетливо вспомнила их давнюю верховую прогулку...

Когда Ринк появился перед ней верхом на лошади, Каролина в ужасе попятилась. Лошадь показалась ей устрашающе громадной. Ринк посмеялся тогда над ее робостью и уговорил прокатиться вместе с ним. Он усадил Каролину перед собой. Она втайне порадовалась, что надела широкую юбку, которая не стесняла движений.

Даже теперь Каролина явственно помнила все свои то-

гдашние ощущения: и как лошадиная шерсть покалывала ее голые ноги, и как Ринк прижимал ее к себе, и как его мускулистые руки, натягивавшие поводья, терлись о ее плечи. Ринк разгорячился, кожа его стала влажной. Он касался подбородком ее волос, и Каролина чувствовала на своей щеке его жаркое дыхание.

И вот сейчас тот же запах, что и двенадцать лет назад. Этот запах жил в ней; оказалось, что она так и не смогла ничего забыть.

В память особенно врезалось то, как сплелись над их головами ветки деревьев, образовав густой шатер. Она всегда будет помнить, как гулко билось ее сердце под его рукой. И как она ничего тогда не боялась, кроме одного: вдруг Ринку не понравится ее жесткий белый лифчик? У Каролины ведь не было денег на кружевные бюстгальтеры, которые носили девочки в ее школе. А ей так хотелось, чтобы Ринк ощущал под рукой мягкую, нежную, соблазнительную округлость...

Она покосилась на его руки, лежавшие на руле. До чего красивы! Загорелые, сильные, поросшие мягкими вьющимися волосками.

– Давай я помогу тебе слезть, – предложил Ринк и потянулся к ней.

Она перекинула ногу, села боком и оперлась о плечи юноши. Он подхватил ее под мышки и осторожно снял с лошади. Но, поставив на землю, еще долго не разжимал объятий и без устали повторял ее имя:

– Каролина...

– КАРОЛИНА!

Она подскочила как ужаленная, сообразив, что голос Ринка доносится не из далекого прошлого, а звучит здесь и сейчас.

– Что?

Ей не удалось скрыть волнения. Глаза ее затуманились, а зрачки расширились при воспоминании о жарком поцелуе, которым они тогда обменялись. Грудь Каролины бурно вздымалась. Как и в тот день, когда он ласкал ее. И соски тоже напряглись и заострились...

Ринк посмотрел на нее с каким-то странным выражением.

– Я говорю, может быть, у тебя тут есть свое место для стоянки?

– Д-да. Да-да, конечно. Около входа. Там обозначено.

Он поставил машину на указанное место и заглушил мотор.

– Ну как? Ты готова?

Судя по всему, Ринк не был в этом уверен.

Но Каролине не терпелось выскочить из машины, убежать от воспоминаний.

На фабрике, как всегда, было шумно. Каролина повела Ринка в кабинет его отца.

За двенадцать лет здесь мало что изменилось. Со всех сторон Ринка окружали знакомые лица.

– Барнес? – воскликнул Ринк. – Ты все еще работаешь?

– А куда ж я денусь? – усмехнулся мастер. – Буду торчать тут, пока ногами вперед не вынесут. – Он похлопал Ринка по плечу. – Рад тебя видеть, мой мальчик.

Остальные приветствовали его с не меньшим энтузиазмом. Ринк называл рабочих по именам. Он даже помнил, как зовут их близких. Другой человек давно бы позабыл такие подробности, но эти люди были частью его жизни. Ринк сроднился с ними, еще когда сам был мальчишкой, и не забыл их, когда стал взрослым.

– Что со станком? – спросил он у Барнеса.

– Старость не радость, – вздохнул тот. – Сколько можно чинить старье, Ринк? Ей-богу, не знаю, долго ли еще протянет это оборудование. Особенно если, как обещают, будет хороший урожай. Ведь тогда придется гонять станки целыми сутками.

Ринк взял пригоршню хлопковых волокон, в которых застряла труха – остатки листьев и семян. Барнес и Каролина взволнованно переглянулись.

– Это что за качество, спрашивается? – удивился Ринк.

– Среднее.

– Как это среднее? Фабрика Ланкастера всегда давала высококачественную продукцию. Что у вас тут происходит, черт побери?

– Пойдем в кабинет, Ринк, – попросила Каролина и быстро пошла по коридору, надеясь, что Ринк не станет устраивать сцену в присутствии рабочих.

Когда Ринк вошел в кабинет, она уже сидела в кожаном кресле за письменным столом. Ринк с такой силой хлопнул дверью, что из нее чуть не вылетели стекла.

– Наш завод считался лучшим в штате! – обрушился он на Каролину.

– Он и до сих пор лучший.

– Ничего подобного! С таким качеством мы далеко не уедем. Я бы на месте производителей уже давно возил бы свой хлопок на другие фабрики. Почему мы не можем улучшить качество продукции?

– Я тебе говорила... у нас трудности с оборудованием. Оно...

– Допотопное, – закончил за нее Ринк. – Господи, неужели отец за все это время не сделал попытки модернизировать производство?!

– Он не считал это нужным, – тихо ответила Каролина.

– Не считал нужным? – Ринк едва сдерживал ярость. – Да ты оглянись вокруг! Это же не фабрика, а динозавр! Мы... мы издеваемся и над самими собой, и над поставщиками. Удивительно, как это они еще не переметнулись от нас к другим... – Он вдруг осекся и, прищурившись, посмотрел на Каролину:

– Или переметнулись?

– В прошлом году мы потеряли нескольких.

Ринк подцепил носком ботинка стул, пододвинул к себе и тяжело опустился на него. Тонем, не терпящим возражений,

сказал:

– Выкладывай начистоту, что тут у вас творится.

– Кое-кто из тех, кто много лет подряд привозил нам хлопок, теперь возит его на другие фабрики, платит за обработку втридорога, а потом напрямую связывается с оптовиками. – Каролина чувствовала себя весьма неуютно под пристальным взглядом Ринка.

– Выходит, им это выгоднее, чем иметь дело с нами?

Она кивнула, и тогда Ринк высказал вслух то, что было на уме у обоих:

– В конечном счете они все равно выручат за свой хлопок больше денег, потому что получают качественную продукцию. Какую наша фабрика произвести не в состоянии.

– Да, пожалуй, ты прав.

Ринк поднялся со стула и подошел к окну. Со стороны могло показаться, что он любуется пейзажем, но Каролина понимала, что ему сейчас не до красот природы.

– Ты все это знала? Отвечай! – резко прикрикнул на нее Ринк, когда она не сразу подала голос.

– Знала.

– И ничего не сделала?

– А что я могла сделать, Ринк? Сначала я здесь была никем. Твой отец не собирался вводить меня в курс дела, я, как говорится, до всего дошла своим умом. И до сих пор меня не допускают до серьезных решений.

– Но ты ведь жена Ланкастера! Разве это не дает тебе пра-

во голоса? – вырвалось у Ринка, но он тут же понял свою оплошность. – Хотя... беру свои слова назад. Женам Роско Ланкастера не позволено его критиковать. Они должны во всем его слушаться и... ублажать.

Каролина вздернула подбородок и сжала кулаки.

– Я тебе уже говорила, что не собираюсь обсуждать с тобой мою жизнь с Роско.

– А мне и неинтересно, что ты делаешь в его постели.

Они оба знали, что это не правда. Ринк поспешил снова отвернуться к окну, чтобы скрыть свою растерянность. Каролина твердо решила положить конец этим разговорам.

– Если ты приехал сюда оскорблять меня, то можешь отправляться назад.

Ринк чертыхнулся и нервно провел пятерней по волосам.

– Раз уж я здесь, постараюсь разобраться. Я имею в виду станок, – многозначительно добавил Ринк.

– Значит, ты сможешь починить его? – спрятав гордость в карман, спросила Каролина.

– Думаю, да. Мне понадобятся кое-какие инструменты. Я моторы самолетов разбираю, а это была задачка потруднее. Но учти, я заранее никогда ничего не обещаю. Да и потом, это все равно для вас не решение проблемы.

– Я понимаю, – Каролина кивнула, и на губах ее заиграла робкая, извиняющаяся улыбка. – Но я буду тебе благодарна за любую помощь.

На сей раз Ринк выругался гораздо забористей, но мыс-

ленно. И злился он не на Каролину, а на себя, потому что больше всего на свете ему сейчас хотелось обнять, защитить ее, слиться с ней воедино. Какой он идиот! Зачем терзать себя мыслями о том, как она лежит в объятиях его отца? Господи! Это сведет его с ума.

И все же он не может ненавидеть Каролину, как бы ни пытался вызвать в себе именно это чувство. Она будит в нем безудержное желание. Нет... Нужно уезжать! Немедленно. Иначе случится то, чего он никогда себе не простит. Но вот беда – он и уехать-то не может! По многим причинам. Из-за Лауры Джейн. Из-за отца. Но главное, из-за нее самой. После двенадцатилетней разлуки он не в состоянии так быстро ее покинуть, оставить в трудную для нее минуту. Однажды это уже случилось, но разве это изменило хоть что-то в их чувствах?!

– Ладно, пока! Ты знаешь, где меня искать, – бросил Ринк, направляясь к двери.

Он пошел к рабочим за инструментами, а Каролина целый час сидела в кабинете, разбирая бумаги. Когда она, освободившись, разыскала Ринка, он внимательно изучал механизм огромного станка.

– Ринк, я еду в больницу. Если ты до моего возвращения все тут закончишь, попроси кого-нибудь из рабочих, чтобы тебя отвезли домой.

Ринк устало улыбнулся:

– Похоже, это долгая песня. Скорее всего я тебя здесь до-

ждушь.

Каролина подняла было руку... Ринку почудилось, что еще мгновение – и она до него дотронется... Но рука застыла в воздухе. Торопливо попрощавшись с Ринком, Каролина устремилась к дверям.

После шума, царившего на фабрике, в больнице казалось особенно тихо и прохладно. Роско лежал на высоких подушках, уставившись в экран телевизора. Звук был выключен, но глаза его были устремлены на экран. К его телу было подсоединено множество трубок, по которым в организм поступали питательные вещества. Мониторы пищали и поблескивали, фиксируя его пульс, давление и другие жизненно важные показания. Вид Роско не внушал оптимизма, но Каролина собралась с духом и вошла в палату, весело улыбаясь.

Она заставила себя не думать о вчерашней обиде. Роско страдает от боли, естественно, что он не может совладать с собой. Она не должна на него сердиться.

– Здравствуй, дорогой! – Каролина поцеловала мертвенно-бледную щеку мужа. – Как ты сегодня?

– Нежному созданию типа тебя об этом лучше ничего не говорить, – буркнул Роско и, смерив ее взглядом, спросил:

– Ты была на фабрике?

– Да. Собиралась приехать к тебе пораньше, а застряла на целое утро. Там станок забарахлил.

– Что с ним?

– Не знаю. Какой-то сбой в механизме. Ринк сейчас пыта-

ется разобраться... Какие у тебя прелестные цветы! Это из воскресной школы, да?

– Черт возьми! Что значит «пытается разобраться»?!

Каролина проглядывала визитные карточки, которые принесли в ее отсутствие с цветами, и думала о том, что надо будет поблагодарить всех этих людей за их внимание. Вопрос Роско, его голос, сорвавшийся на крик, испугали ее. Запавшие глаза старшего Ланкастера метали молнии. Каролина ни разу не видела мужа в таком гневе. Или это болезнь так искажает его черты?

– Отвечай! Слышишь? – зарычал Роско.

И откуда только у него взялись силы так кричать?

– Что делает Ринк на моей фабрике?

– Я... я попросила его осмотреть сломанный станок, – пролепетала перепуганная Каролина. – Он ведь инженер и сможет определить...

– Ты взяла на себя смелость впустить этого негодяя на фабрику? – Роско с трудом приподнялся в кровати. – Двенадцать лет назад, уезжая из города, он отказался от прав на нее! И я не хочу, чтобы он даже близко подходил к моей собственности! Ты меня поняла, женщина?

На лбу Роско выступил пот. Глазки зло блестели, из горла вырывалось хриплое дыхание. Каролина похолодела от страха. Ей показалось, что жизнь может покинуть Роско в любую минуту. И все это из-за ее собственной глупости.

– Роско, прошу тебя, успокойся. Что я такого сделала? По-

просила Ринка осмотреть станок. Вот и все. Он не собирается лезть в твои дела, он не покушается на твою собственность.

– Знаю я его! Тут же начнет придирааться, диктовать тебе, как тратить мои деньги. – Роско ткнул в жену узловатым пальцем и грозно предупредил:

– Смотри у меня! Не вздумай вкладывать деньги в фабрику без моего разрешения!

Каролина постаралась ответить как можно спокойнее:

– Я и шагу не ступаю без твоего разрешения, Роско.

– А Ринку на фабрике делать нечего. Заруби это себе на носу!

– Да, но кто виноват, что так получилось? – опрометчиво выпалила Каролина и в ту же секунду пожалела о своей невольной резкости.

Несколько секунд Каролина испуганно ждала реакции мужа. Сейчас она по-настоящему боялась этого слабого, измученного болезнью человека. Казалось, именно болезнь обострила все не лучшие черты и сделала его особенно опасным. Так обычно добродушное животное свирепеет, если его ранить, и бывает готово затоптать, погубить того, кто попытается ему помочь.

Роско разразился зловещим смехом и без сил повалился на подушки.

– Он что, плакался тебе в жилетку? Дескать, я его выгнал за то, что он спутался с дочкой Джорджа?

Каролина сжалась, словно убийственный холод насквозь пронзил ее, пальцы заledenели. Но кондиционер, работавший в палате, был тут ни при чем.

– Нет, мы с ним таких подробностей не обсуждали, – с усилием произнесла она.

– Ну что ж... В таком случае я, пожалуй, расскажу тебе, как было дело. А то у тебя, кажется, сложилось неверное представление. Я не хотел бы, чтобы ты и дальше пребывала в заблуждении. Так вот, я Ринка не прогонял. Он, конечно, знал, что я на него зол, но вовсе не потому, что девчонка забеременела, – Роско усмехнулся. – Этого следовало ожидать. Парень на то и парень, чтобы стараться в таких делах урвать побольше. Правда же?

Каролина отвернулась. Слова Роско вонзались в нее, словно острые стрелы.

– Думаю, да.

Он хрипло рассмеялся:

– О, поверь мне. Мужчина с три короба наобещает, лишь бы залезть девчонке под юбку. Особенно если и она не против.

Каролина закрыла глаза, удерживая слезы. Ей было так плохо! Так горько!

– Но, конечно, парням не нравится, когда их берут в оборот. А бедняге Ринку не повезло. Как только Фрэнк Джордж рассказал мне, что Ринк сделал Мерили ребенка, я пообещал их поженить. Согласись, так поступают все порядочные

люди.

– Конечно, – вынуждена была признать Каролина.

– Ну вот... а этот подонок заявил, что не желает. Представляешь, каково мне было вытерпеть такой позор? Конечно, меня удручило не то, что Ринка поймали со спущенными штанами – это еще куда ни шло! – а то, что он не пожелал расплачиваться за свою неосмотрительность. Мерзавец посмел мне пригрозить, что, если я заставлю его жениться на дочке Джорд-жа, он уйдет из дома и никогда больше не вернется, – Роско вздохнул, словно ему до сих пор было тяжело об этом вспоминать, и продолжал:

– Как ты считаешь, я поступил правильно, Каролина? По моему, как отец я должен был настоять на этой женитьбе... Ну а то, что Ринк потом носу домой не казал... так уж ему самому захотелось, я тут ни при чем. Он сам выбрал свою судьбу и теперь всю жизнь будет расплачиваться за то, что однажды натворил. Если уж я и умру, то точно не от жалости к нему.

Роско умолк. Каролина слушала его, отвернувшись к окну. Она боялась повернуться. Боялась, что он увидит ее отчаяние и все поймет. Наконец ей удалось взять себя в руки, и она посмотрела на Роско. Роско лежал с закрытыми глазами. Каролина решила, что он заснул, и хотела подняться со стула, но вдруг Роско больно схватил ее за руку. Каролина ахнула и замерла. Господи, откуда у него столько сил? Пальцы Роско обхватили ее запястье будто стальные клещи.

– Надеюсь, ты ведешь себя как добродетельная жена, Каролина?

Его обжигающий взгляд ужаснул Каролину не меньше, чем неожиданный вопрос.

– Конечно, Роско. А что это ты вдруг спрашиваешь?

– Потому что ты горько пожалеешь, если окажется, что ты вела себя не так, как полагается безутешной супруге, на глазах у которой умирает любимый муж.

Он еще сильнее стиснул ее запястье. Казалось, кость вот-вот хрустнет.

– Не надо говорить о смерти, Роско.

– Почему же? Это неизбежный факт. Но запомни...

Роско снова попытался привстать. На его посиневших губах выступила пена.

– Запомни, – прошипел он, – пока я не умер, ты моя жена! Советую не забывать об этом и вести себя соответственно.

– Хорошо! Хорошо! – испуганно лепетала Каролина, пытаясь высвободить руку. – Я ничего плохого и не делаю. Клянись!

– Я никогда не отличался религиозностью, но в одно верю твердо. За грешные помыслы кара бывает не менее суровой, чем за дела. Так вас учили в воскресной школе, да?

– Да! – отчаянно произнесла Каролина.

Она сама не понимала, почему Роско внушает ей сейчас такой безотчетный ужас.

– Ты нарушала заповеди?

– Нет.

– И не прелюбодействовала даже в мыслях?

– Нет!

– Ты моя жена!

– Да... да...

– Помни об этом... Иначе тебе будет плохо.

Едва Роско вымолвил это, как силы покинули его, и он упал на подушки, ловя ртом воздух. Сухие пальцы разжались, и Каролина, отдернув руку, поднялась со стула. Ей хотелось только одного – убежать как можно дальше от страшного места, но в последний момент она справилась с искушением и бросилась на поиски медсестры.

– Мой муж... – запыхавшись, произнесла Каролина, – он... мне кажется, ему нужно сделать укол. У него... он так возбужден!

– Не волнуйтесь, мы о нем позаботимся, миссис Ланкастер, – ласково успокоила ее медсестра. – А вы поезжайте-ка домой, а то у вас, простите за прямоту, тоже вид неважный.

– Да-да, вы правы, – пробормотала Каролина, тщетно пытаясь собраться с мыслями.

Сердце ее бешено колотилось, руки дрожали. Господи! Почему она так испугалась? И кого? Собственного мужа?

У лифта она столкнулась с Грейнджером. Он сразу почувствовал неладное.

– Что случилось, Каролина?

– Ничего. Я еду на фабрику – дела. Но вряд ли стоит го-

ворить о делах с Роско. С ним сейчас трудноვაо общаться. – Каролина, тяжело дыша, вжалась в стенку лифта, словно прячась от какой-то неведомой, но грозной опасности.

– Может, я могу чем-то помочь?

– Нет, спасибо! Созвонимся позже. – Она поспешно нажала на кнопку первого этажа.

Когда двери лифта закрылись и она осталась одна, нервы у нее совсем сдали. Ей даже пришлось закрыть рот рукой, чтобы не зарыдать.

– Господи! Господи! – приговаривала Каролина, удивляясь сама охватившей ее панике. Ее бросало то в жар, то в холод.

Однако ей удалось сделать над собой усилие и пройти по вестибюлю, не подавая виду, что она чем-то расстроена. Постепенно нервная дрожь улеглась. Сев в машину, Каролина открыла окна и поехала по живописной дороге, которая тянулась вдоль реки. Ветер, напоенный ароматами лета, трепал ее волосы, машин было мало, и Каролина мчалась на большой скорости, словно убегая от неприятных воспоминаний.

Поразмыслив, она пришла к выводу, что всему виной ее чересчур живое воображение. Не может быть, чтобы Роско знал об их романе с Ринком! Ринк наверняка ему ничего не рассказывал. Она тоже. Вместе их в то лето никто не видел – в противном случае по городу бы поползли слухи. Нет, Роско, конечно же, ни о чем не догадывается. Он уверен, что она впервые увидела Ринка несколько дней назад. Конечно,

она могла встречать его и раньше, когда он еще жил в городе, но это обстоятельство вряд ли стоило внимания Роско.

А его завуалированные угрозы – плод ее фантазии. Совесть-то у нее нечиста! Роско скорее всего и не думал ей угрожать. Хотя нет... Ей это не почудилось. Он действительно угрожал. Но почему?

Впрочем, его подозрительность вполне объяснима. Бедняга целыми днями лежит без движения и безо всяких надежд на выздоровление. В такой ситуации любому человеку ползут в голову дурные мысли. Тем более такому, как Роско, который болеет от безделья. А ведь в нынешнем его состоянии не остается ничего другого, кроме размышлений. Вот он и изощряется. Надо же хоть в какой-то степени компенсировать свою физическую немощь!

Ничего удивительного в том, что физически и душевно истерзанный Роско навоображал себе Бог знает чего! Жена на тридцать лет моложе его, а тут еще приезжает красивый, сильный мужчина – его собственный сын и поселяется с ней под одной крышей. Роско не мог не думать об этом, и вот результат: он сделал далеко идущие выводы.

Но ведь ничего же не случилось! Она верна ему! И всегда была ему преданной женой!

Хотя... если уж говорить начистоту, подозрения Роско не беспочвенны. Мечтать о любви Ринка тоже грех, а она мечтает об этом беспрерывно.

Надо выбросить из головы безумные мысли! Может, если

она начнет относиться к Ринку по-дружески... да-да, именно по-дружески, хотя это все, конечно, наивно и нелепо... но тем не менее, если войти в роль доброй мачехи, которая старается, чтобы в семье царил мир, то, наверное, прошлое постепенно отступит. Пожалуй, действительно нужно посмотреть на происходящее под другим углом, постараться жить настоящим и не терзать себя воспоминаниями.

На фабрику Каролина вернулась уже к вечеру. Ее поразила гулкая тишина, когда она вошла в помещение. Цех был пуст, и только Ринк лежал на спине под станком и орудовал гаечным ключом. Звяканье металла о металл прорезало тишину, заглушая шаги Каролины.

– А где все? Что случилось? – изумленно спросила она.

Ринк высунул голову из-под станка.

– Привет! Я не слышал, как ты вернулась. – Он вытер лоб носовым платком. – Вот... решил отпустить рабочих на час раньше. Пока я не разберусь со станком, им тут все равно нечего делать. Да и пылица тут стояла столбом. Не дай Бог проводку бы в каком-нибудь месте пробило – моментально бы вспыхнул пожар.

Каролине следовало отругать Ринка за самоуправство, но она промолчала. Пока она ехала из больницы на фабрику, Каролина пришла к выводу, что теперь уже нельзя слепо следовать указаниям Роско. В его состоянии уже трудно принимать здравые решения. Конечно, действовать за его спиной, не вводя Роско в курс дел, тоже не очень-то честно. Но, с

другой стороны, Роско необязательно об этом знать. В конце концов, она же действует в интересах дела, а значит, и в его собственных!

Каролина присела на корточки рядом с Ринком.

– Ну как? Разобрался со станком?

– Кажется, да.

– Его можно починить?

– Можно, но надолго его все равно не хватит, – Ринк вздохнул и утер пот рукавом. – Как отец?

Каролина вспомнила сцену, разыгравшуюся в больнице. Но Ринку знать об этом ни к чему.

– Неважно. Примерно, как и вчера.

Ринк пристально посмотрел на нее, но она не стала ему ничего объяснять, а поспешила сменить тему разговора:

– Ты хоть что-нибудь ел?

– Нет. Тут такая жарница, что есть не хочется. Да и грязь жуткая...

По чумазому лицу Ринка текли струйки грязного пота. Зато улыбка была ослепительно белой.

– И вообще мне не хотелось терять времени, – словно оправдываясь, прибавил Ринк.

Каролина улыбнулась в ответ и порылась в сумке.

– Хоть и с запозданием, но я привезла тебе ленч. Можешь подкрепиться, не отрываясь от работы.

Она достала из пакета бумажный стаканчик и воткнула в пластиковую крышку соломинку.

– Что это?

– Шоколадный коктейль. Ты, кажется, любишь шоколадный коктейль?

6

Что это значит? Мысленно чертыхаясь, Ринк вошел в ванную и включил воду. Поспешно скинув грязную одежду, он отпил глоток бурбона и поставил стакан на тумбочку.

Сначала она привезла ему шоколадный коктейль. С ее стороны это определенно был жест примирения. Все равно как трубка мира. Потом она до вечера проторчала на фабрике. Сказала, что у нее полно бумажной работы, но сама то и дело подходила к нему и предлагала помощь. Стоило ему протянуть руку – и Каролина деловито, как медсестра в операционной, подавала ему нужный инструмент.

Они мило болтали о пустяках, но как только заговаривали на семейные темы, моментально начинались препирательства.

– Ты сегодня видел Лауру Джейн? – спросила его Каролина.

– Нет. А ты?

– Я тоже не видела, но вчера вечером я заметила, что она выглядит абсолютно подавленной. Может быть, она наконец-то, осознала всю тяжесть состояния Роско.

– Может быть. А может, это связано с Бишопом.

– При чем тут он?

– Дай мне, пожалуйста, отвертку.

– Какую? С красной ручкой или с желтой?

– С красной... Утром, когда Бишоп седлал для меня лошадь, он был такой дерганый, раздраженный. Прямо как голодный крокодил.

– Да он, наверное, тебя просто боится.

– Надеюсь, ты права.

Ринк ожидал, что Каролина вступит с ним в спор, но она промолчала, хотя его слова пришлись ей не по душе. Уходить от Ринка Каролине не хотелось, и она присела на табуретку. Ринк предпочел бы, чтобы табуретка стояла подальше от него: присутствие Каролины в такой опасной близости действовало на Ринка. Он нервничал, то начинал спешить, то вдруг замирал с инструментом в руках. Пот лился с него ручьями, но рука, протянутая за очередным инструментом, неизменно была суха и холодна.

Вспомнив свои мучения, Ринк снова ругнулся и отпил приличный глоток бурбона.

По дороге Каролина болтала без умолку. Уже дома, поднимаясь к себе, предложила:

– Прими пока душ, а я попрошу Хейни немного повременить с обедом. Хочешь чего-нибудь выпить?

Но ему хотелось другого – выяснить, какого черта она напускает на себя дружелюбный вид? Может, у них был какой-то разговор с Роско и они выработали новую тактику поведения по отношению к нему? Или она сама додумалась? С какой стати Каролина вдруг решила играть роль мачехи, которая из кожи лезет, чтобы завоевать симпатию пасынка?

Но каковы бы ни были ее планы, они провалятся! Какая она ему, к черту, мачеха после того, что между ними было? Нет, Ринку никак не удавалось выбросить из головы и из сердца то далекое лето... и Каролину, его Каролину!

Он презирал себя за слабость. Это ж надо! Двенадцать лет он не может успокоиться, до сих пор ведет себя как безмозглый дурак. И кто?! Он, Ринк Ланкастер, известный сердце-ед! Ха! Да у него никогда не бывает трудностей с женщинами! Единственное, что его обычно волнует, это как поскорее избавиться от очередной пассии, когда она начинает ему надоедать. Господи, зачем только он снова увидел ее?! Это же все равно, что очнуться ото сна. От сладкого, приятного сна...

Именно в то лето ему суждено было познать наивысшее счастье и тягостные муки. Едва расставшись с Каролиной, Ринк считал минуты до следующей встречи. А встретившись вновь, был на вершине блаженства и одновременно с тоской ожидал неизбежного расставания. Ринка бесило, что никуда он не может ее пригласить, но страх быть увиденным вместе с дочкой ничтожного пропойцы перевешивал все доводы. Ринк ничего не ел, однако не замечал голода. Гораздо больше ему докучал сексуальный голод, но утолить его Ринк не мог. Каролину он поклялся не трогать, а довольствоваться заместительницами не желал.

Ему нужна была только Каролина Доусон – запретный плод.

День и ночь Ринк боролся с собой.

«Оставь ее в покое! Она совсем еще ребенок! – уговаривал он себя. – Ей всего пятнадцать! Ты можешь схлопотать неприятности, Ланкастер. Очень серьезные неприятности».

Но каждый Божий день он поджидал ее в лесу, леденея от ужаса при мысли, что она не придет. И успокаивался только, когда между деревьями в лучах яркого солнца показывалась стройная девичья фигурка.

Но в последний день было пасмурно. С раннего утра шел дождь...

Вернее, нет... Когда Ринк уходил из дома, светило солнце. В тот раз ему особенно не терпелось увидеть Каролину. За завтраком они с отцом поссорились. Из-за фабрики. Ринку были не по душе порядки, которые там установил Роско. Нет, законы отец, конечно, не нарушал, но существуют же еще и неписанные нормы поведения... Однако когда Ринк робко заикнулся об этом, Роско пришел в неопишемую ярость.

– Молокосос... Ты еще будешь мне указывать, как вести дела? Да если б я был чистоплюем, моя фабрика сейчас дышала бы на ладан, – кричал он.

Ринку было очень жалко рабочих, надрывавшихся ради отцовских прибылей, но он ничего не мог изменить. В ярости от собственного бессилия он примчался на заветную поляну. Господи, как ему хотелось поговорить с Каролиной! Он знал, что она его выслушает.

Каролина уже сидела под деревом. Едва она увидела Ринка, лицо ее озарилось радостью. Он молча упал перед ней на колени и потянулся к ней с поцелуем. Ее нежность заглушила горечь, оставшуюся в душе Ринка после ссоры с отцом. Каролине всегда удавалось рассеять его печаль.

Оторвавшись на миг от Каролининых губ, Ринк прошептал:

– Боже, как я рад тебя видеть!

И снова припал к ее алому, нежному рту. Потом медленно уложил Каролину на мягкую постель из папоротника и мха. Она покорно легла. Ее серо-голубые глаза томно смотрели на Ринка из-под черных ресниц. Губы распухли и заалели от его поцелуев. Темно-рыжие волосы рассыпались по зеленому травяному ковру. Ветерок игриво обдувал разрумянившиеся щеки.

– Какая ты красивая, – восхитился Ринк.

– Ты тоже.

Он покачал головой.

– О нет, не хвали меня! Я жуткий эгоист. Набросился на тебя с поцелуями. Даже не поздоровался. Почему ты меня не остановила?

Тонкая девичья рука ласково отвела волосы с его лба.

– Потому что тебе очень хотелось меня поцеловать.

Ринк лег рядом с Каролиной и положил голову ей на плечо.

– Ты права. Мы с отцом сегодня разругались вдрызг.

– Жалко.

– Мне тоже, Каролина. – В голосе Ринка звучало отчаяние. – Ну почему мы с ним вечно собачимся? Почему не любим, не уважаем друг друга?

– Зачем ты так говоришь, Ринк?

Он помолчал, а потом ответил, тщательно подбирая слова:

– Это правда. Мы друг друга терпеть не можем. Мне неприятно в этом признаваться, но так уж получилось.

– Расскажи мне.

– Отец женился на маме из-за денег и родственных связей. Он ее не любил, и мама это знала. В том, что мама была несчастна и рано умерла, виноват мой отец. Я не преувеличивал, когда сказал, что ее сердце было разбито. А меня он не любит потому, что я его насквозь вижу. Отца это бесит. Он кого угодно может обмануть, но только не меня.

Каролина погладила Ринка по голове, как ребенка.

– Мне кажется, ты судишь его слишком строго. Он человек, а не божество. И как у любого человека, у него есть недостатки. – Взяв Ринка за подбородок, Каролина заставила его поднять голову и посмотреть ей в глаза. – По-моему, тебе следует быть терпимее, Ринк. Не обижайся, но ты требуешь невозможного. И от себя, и от остальных. К себе ты, конечно, волен предъявлять любые, даже самые завышенные требования, но сердиться на других за то, что они им не соответствуют, несправедливо. Люди не могут быть во всем со-

вершенными.

Каролина осторожно провела пальцем по губам Ринка. Он улыбнулся.

– Мне очень жаль, что у вас с отцом такие отношения, – тихо продолжала девушка. – Мой папа... ты сам знаешь, какой он... и все равно я его люблю. Люблю, потому что понимаю, как ему нужна эта любовь. Наберись терпения, Ринк. Изменить привычки твоего отца будет нелегко, он ведь уже немолод. Но если ты постарайся, тебе постепенно это удастся. – На глаза Каролины навернулись слезы. – А с другой стороны, я завидую твоей бескомпромиссности, Ринк. Ты стоишь за правду горой и не боишься перечесть даже отцу.

В улыбке Ринка сквозила безмерная нежность.

– Ты удивительная девушка, Каролина. И как тебе удается вселить в меня оптимизм? Когда я с тобой, мне всегда кажется, что все не так уныло и безнадежно. Я горы готов свернуть ради тебя! Ты возвращаешь мне веру в себя.

Каролина явно была польщена.

– Это правда, Ринк? – с невольным кокетством спросила она.

Золотые искорки в глазах Ринка вспыхнули и расплавились в огне страсти.

– Если б ты знала, как ты на меня действуешь, – прошептал он, сжимая Каролину в объятиях.

Она затрепетала от страха.

Ринк поспешно отстранился.

– Проклятье! Что это на меня нашло? Извини. Я больше не буду.

– Нет-нет, ты тут ни при чем, – Каролина кивнула на свою руку, покрывшуюся вдруг гусиной кожей. – Просто похолодало. Наверное, дождь пойдет.

И едва она вымолвила эти слова, на ее лицо упали первые дождевые капли. Ринк лег навзничь и смотрел на сгущавшиеся тучи. Дождь быстро перерос в ливень, но Ринк и Каролина не бросились на поиски надежного укрытия, а весело смеясь, подставляли лицо под теплые дождевые струи. Все неприятности куда-то отступили. Они оба вдруг ощутили себя счастливыми, беззаботными детьми. Довольно скоро гроза утихла, только редкие дождевые капли падали на землю.

Ринк приподнялся на локте и залюбовался Каролиной. Потоки дождя смыли с ее лица косметику, но от этого она только выиграла. Никакой дождь не мог лишить ее очарования чистоты и юности. Взгляд Ринка скользнул по стройной девичьей шейке и... замер. Дыхание прервалось. Намокшая белая блузка Каролины прилипла к груди, и Ринк увидел, что она без лифчика.

– Я... у меня... мое белье все такое некрасивое, – охрипнув от волнения, пробормотала Каролина. – Вот я и подумала, что, может, без него будет лучше... Я... – Она всхлипнула и прикрыла грудь руками. – Я не хотела...

– Ну что ты! Успокойся, – Ринк медленно отвел ее руки. В наступившей тишине слышался только шелест дожде-

вых капель. Ринк молча наслаждался упоительным зрелищем. Мокрая ткань подчеркивала соблазнительные округлости.

– По-моему, гром гремит, – дрожащим голосом сказала Каролина.

Ринк прижал ее руку к своей мокрой рубашке.

– Нет, это мое сердце так стучит.

Поцелуй его был легок и нежен. Но когда Ринк осторожно провел кончиком языка по контуру Каролининых губ и услышал ее блаженный стон, он потерял голову.

Долго сдерживаемая страсть выплеснулась наружу. Поцелуи стали требовательными, а рука, до той минуты ласково обнимавшая девушку за талию, поползла вверх и остановилась на холмике груди.

До чего же это было здорово! Никогда прежде Ринк не испытывал такого восторга. Осторожно, чтобы не напугать девушку, он гладил упругую, только начавшую наливать грудь, пытаясь пробудить в ней чувственность. Мало-помалу Каролина начала отвечать на его ласки, невольно приглашая Ринка к дальнейшему их продолжению.

Когда пальцы юноши нащупали острый, упругий сосок, она изогнулась дугой, лежа на мягкой траве. Сосок напрягся и затвердел. Ринк задышал прерывисто и часто.

Он торопливо расстегнул мокрую блузку. Каролина испуганно ойкнула и схватила его за руку.

– Нет, Ринк! Не надо, – бормотала она, но за этим «нет»

слышалось совсем другое.

– Не бойся, малышка, – прошептал Ринк. – Я не сделаю тебе больно. Я просто хочу полюбоваться тобой, потрогать тебя.

И он опять припал к ее губам, словно к живительному источнику. А ощутив под своей ладонью теплую, бархатистую кожу, так распалился, что казалось, из груди его вот-вот вырвется огненный сноп. Ринк никогда еще не испытывал столь сильного влечения к женщине. В эту минуту ему вдруг стало ясно, что ни одна женщина в мире не способна дать ему такой радости, как Каролина. Да, он нашел свою вторую половину. Вот она, девушка его мечты!

Ринк играл с нежной грудью, легонько сжимая ее ладонью, и осыпал поцелуями белую девичью шею. Потом взял губами маленький розовый сосок. Каролина всхлипнула, схватила Ринка за голову и прижала к себе. Он чуть не умер от восторга, поняв, что его ласки доставляют и ей огромное удовольствие.

Повинуясь слепому инстинкту, Каролина приподняла ноги и согнула их в коленях. Рука Ринка скользнула под легкую юбку и прикоснулась к бедру. И здесь кожа была нежной, шелковистой... Рука Ринка поднималась все выше и выше, пока не наткнулась на резинку трусиков.

Каролина схватила его за плечи.

– Ринк! Ринк! – вскричала она, замирая от восторга и ужаса.

– Не бойся, любимая. Я не сделаю тебе ничего плохого. Клянусь!

Прикосновения Ринка были легки, как дуновение летнего ветерка. Он осторожно потрогал ее самое сокровенное место...

– О Господи! – вырвалось у него. – Хорошо-то как!

Его пальцы словно подбирали мелодию на незнакомом инструменте. И когда тело Каролины откликнулось, Ринк преисполнился гордости. Чувствуя себя всемогущим волшебником, он ласкал девушку до тех пор, пока она не откинула голову и из груди ее не вырвались блаженные крики, которые поспешил приглушить ветер, шелестевший мокрой листвой.

Ринк с любовью всматривался в отрешенное лицо Каролины. Казалось, душа ее блуждала в краю счастливых снов. Но затем ресницы дрогнули... Девушка постепенно возвращалась к реальности.

Но вместе с пониманием происходящего пришло и смятение.

Каролина пристыженно одернула задравшуюся юбку.

– Ринк! Что со мной было? Я боюсь. Обними меня.

Он накрыл ее своим телом и принялся нежно целовать, приговаривая:

– А ты разве сама не знаешь, Каролина?

Она провела пальцем по губам Ринка, словно желая удостовериться, что он доставил ей радость наяву, а не в сла-

достных грезах.

– Но ты... ты... не был... во мне? Ринк застонал и прижался лбом к ее лбу.

– Нет, не был, хотя ужасно хотел. Господи, как мне хотелось проникнуть в тебя и отдать все, что у меня есть!

И он поцеловал ее взасос, словно наглядно показывая, как это должно было выглядеть. Однако поцелуй был слишком слабой заменой, и Ринк поспешил отстраниться, понимая, что через минуту он уже будет не в силах справиться со своим желанием.

Каролина разрыдалась. Слезы струились по побледневшим щекам, смешиваясь с дождевыми каплями.

– Не плачь. – Ринк помог ей встать и прижал к себе.

Но она плакала, не переставая.

– Почему ты плачешь, Каролина?

Господи, если он нарушил свою клятву и все-таки сделал ей больно, он себя никогда не простит! Неужели она теперь будет его бояться и презирать?

– Каролина, ответь, что с тобой? Почему ты плачешь?

– Ты не вернешься. Ты больше не придешь... После того, что я сделала, ты, наверное, считаешь меня бесстыжей...

Ринк облегченно вздохнул:

– Да что ты! Я ведь люблю тебя. – И он еще крепче обнял Каролину.

Она медленно подняла на него глаза.

– Ты меня любишь?

– Люблю, – повторил Ринк, ни секунды не сомневаясь в том, что говорит правду. И действительно, в любом другом случае он бы непременно пошел на поводу у своих желаний. – И будь я проклят, если не приду сюда и завтра к тебе на свидание! – Ринк перевел дух и прошептал на ухо возлюбленной:

– Вообще-то мы с тобой здорово влипли, Каролина.

– Да, – всхлипнула она. – Я с самого начала знала, что это все безнадежно.

– Нет, не безнадежно. Я исправлю положение. Сегодня же исправлю!

– Сегодня? Но что ты задумал?

– Я добьюсь того, чтобы мы смогли с тобой спокойно встречаться, никого не боясь, ни от кого не прячась.

Каролина схватила Ринка за руку.

– Нет-нет, не надо! Пусть пока все остается как есть.

– Нет, если мы будем по-прежнему видеться только здесь наедине, это меня доконает.

– Почему?

– Мне слишком трудно сдерживаться, я не смогу остановиться в нужный момент.

Каролина долго молчала, теребя пальчиками воротник его рубашки. Потом нервно облизала губы и, собравшись с духом, выпалила:

– Ринк, я... я не буду против, если ты... Ну... в общем, я тебе позволю... ну, это...

Он взял ее пальцем за подбородок и сказал тоном, не терпящим возражений:

– Нет. Я не хочу чувствовать себя вором. И портить тебе жизнь своей неосторожностью тоже не желаю.

Губы Каролины притягивали его как магнит, но Ринк крепко зажмурился, отодвинувшись подальше. Дело принимало серьезный оборот, и надо было объясниться до конца.

– Я очень хочу тебя, – продолжал он, открыв глаза. – Ей-Богу, хочу. Но я обещал, что никогда не причиню тебе боли.

– Да. И я тебе верю.

– Тогда ложись на меня. Не беспокойся, я все улажу. Мы больше не будем встречаться тайком.

– Ты так думаешь? – На лице Каролины все еще была написана тревога, и Ринк вдруг понял, что она тревожится не за себя, а за него.

– Я уверен. Завтра я порадую тебя хорошими известиями. До завтра, малышка! Встретимся здесь. На нашем месте... Поцелуй меня на прощанье, солнышко!

Ринк опять потянулся к ее губам, но поцелуй длился недолго. Ринк больше не доверял себе. Он боялся, что еще немного – и он овладеет Каролиной, пренебрегая всеми последствиями.

– До завтра, – повторил Ринк, отступая от нее.

Вот он отошел на расстояние вытянутой руки... Еще шаг – и пальцы влюбленных разомкнулись. Ринк повернулся к Каролине спиной и побежал сквозь омытый дождем лес к

машине.

– Дурак ты! – выйдя из-под душа, сказал Ринк своему отражению в запотевшем зеркале. – И с чего ты взял, что твой план должен удаться? Наивный дурак!

Он залпом допил бурбон, толком не почувствовав его вкуса и сожалея лишь о том, что лед уже успел растаять и бурбон уже не такой крепкий.

Ринк до сих пор помнил неприятный осадок, оставшийся после того давнего разговора с отцом. Уже двенадцать лет обида разъедала его душу. Каким же он был самоуверенным идиотом! Сражаться с Голиафом, не имея при себе ни пращи, ни камней!.. Мужества, правда, ему было не занимать, но Роско-то пустил в ход тяжелую артиллерию...

Тогда, ворвавшись в отцовский кабинет, Ринк с порога заявил:

– Папа, я хочу жениться.

– Вот и прекрасно, – проворчал Роско, переложив из одного угла рта в другой толстую сигару. – А мне сегодня как раз позвонил Фрэнк Джордж. Мерили беременна. Фрэнк говорит, она чахнет от тоски из-за того, что ты к ним в последнее время и носу не кажешь. Ну что ж, сынок, ты времени даром не терял – сразу станешь и мужем, и отцом. Я рад, что ты принял верное решение.

Даже теперь, вспоминая слова отца, Ринк внутренне сжимался, словно стальная пружина. Негодяй! Подлый, ковар-

ный негодяй!

А Каролина, та самая Каролина, которой он, Ринк, признавался в любви под летним дождем на берегу реки, теперь жена этого негодяя. Его она теперь слушает, с ним разговаривает, ему дарит утешение и любовь. Да, ее сладкие губы, ее мягкие бедра и упругая грудь теперь принадлежат Роско.

Ринк с силой надавил пальцами на глаза, словно пытаюсь выдавить из них откровенные картины, терзавшие его душу. Думать о физической близости Каролины с Роско было просто невыносимо.

Господи, как же больно! И главное, ой ничего, абсолютно ничего не может с этим поделать!

– Спасибо, Стив!

– Не за что.

– Я так рада, что ты починил тостер! Ринк уверял, что он уже отработал свое, и уговаривал Хейни купить новый. Но она не хотела – и, видишь, правильно делала! Теперь он опять как новенький. Слушай, Стив, а ничего, что я тебя попросила его починить?

– А что же в этом такого?! – буркнул конюх, деловито приводя в порядок свой рабочий стол в гараже.

– Ты на меня сердисься? Да?

Стив замер и впервые за время разговора посмотрел на Лауру Джейн. Она была в летнем сарафане, и при взгляде на ее нежную молочно-белую кожу Стиву пришло на ум срав-

нение с лепестками магнолии. Острое копьё желания пронзило его тело, и он поспешил отвернуться.

– Из-за чего это мне на тебя сердиться?

Лаура Джейн, сидевшая на верхней ступеньке стремянки, прерывисто вздохнула и принялась теревить поясok сарафана. И этот жест, и низко опущенная голова – все свидетельствовало о крайнем смущении девушки.

– Из-за того, что я тебя вчера поцеловала. Я знаю, ты за это на меня рассердился.

– Да нет же, я не сержусь!

– Тогда почему ты на меня не смотришь? – Огорченный вскрик девушки вывел Стива из оцепенения.

Он и не подозревал, что Лаура Джейн способна на такое. Сколько Стив ее помнил, она даже голоса никогда ни на кого не повышала. Но сейчас перед ним был не ребенок, а оскорбленная женщина.

Стив с трудом поднял глаза.

– Я на тебя смотрю.

– Нет, твой взгляд все время скользит мимо. Почему, Стив? – Девушка спустилась с лестницы и приблизилась к конюху. – Почему? Я тебе совсем не нравлюсь?

Несколько минут взор Стива ласкал густые, шелковистые каштановые волосы Лауры Джейн, ее изящный стан и стройные ноги, обутые в легкие сандалии.

– Ты мне очень нравишься, Лаура Джейн, – охрипшим от волнения голосом сказал он.

Девушка улыбнулась, но тут же снова помрачнела.

– Тогда в чем дело? Может, я плохо тебя поцеловала вчера?

Стив вытер о джинсы вспотевшие ладони.

– Нет, это было прекрасно.

Лаура Джейн озабоченно нахмурилась.

– А мне кажется, нет. Женщины в телевизоре целуют мужчин гораздо дольше. И при этом покачивают головой. Туда-сюда, туда-сюда... И знаешь, что еще? Я думаю, что они даже открывают рот.

Стив чуть не застонал.

– Лаура Джейн, – сдавленно прошептал он, – ты не должна говорить о таких вещах с мужчинами.

– Но ты же не мужчина. Ты Стив.

– Все равно. О поцелуях и со мной говорить не следует.

Лаура Джейн искренне изумилась:

– Почему?

– Потому что есть вещи, которые неженатые люди не должны обсуждать.

– погоди... Значит, получается, что делать можно, а говорить нельзя? – лукаво спросила Лаура Джейн.

Несмотря на всю серьезность ситуации, у Стива вырвался смешок. «Порой эта крошка проявляет куда больше здравого смысла, чем я», – подумал он.

А вслух пробормотал:

– Ну да... Что-то в этом роде...

Она положила руки ему на грудь.

– Тогда давай будем целоваться молча.

Ее легкое дыхание щекотало ему горло.

Стив отстранился.

– Нет, это тоже нельзя.

– Но почему, Стив?

Его сердце разрывалось от тоски. С огромным трудом он заставил себя отвести ее руки от своей груди.

– Потому что нельзя.

И, торопливо вернувшись к столу, Стив потянулся к уздечке, с которой возился в момент появления Лауры Джейн, взял ее и вышел из гаража.

Она уныло посмотрела ему вслед, взяла тостер – на самом деле тостер был лишь предлогом, чтобы увидеться со Стивом, – и понуро поплелась к дому. В этот момент во двор въехал автомобиль Каролины. Лаура Джейн остановилась, поджидая мачеху.

– Здравствуй, Лаура Джейн! Куда это ты направляешься с тостером? – удивилась Каролина.

– Стив его починил по просьбе Хейни и вернул мне.

Тон, которым это было произнесено, насторожил Каролину.

– А как, кстати, Стив? Я его уже несколько дней не видела, – сказала она.

Лаура Джейн передернула плечами.

– Нормально. Только ведет он себя очень странно.

– Странно?

– Ну да. Как будто больше не хочет со мной дружить.

– Что-то мне мало в это верится.

– Нет, правда! Все началось тогда, когда я его поцеловала.

Каролина остановилась как вкопанная.

– Поцеловала?

Она в панике обернулась, моля Бога, чтобы их никто не услышал. Особенно Ринк...

– Ну да, – Лаура Джейн спокойно встретила испуганный взгляд Каролины. – Я ведь люблю его.

– И ты ему призналась?

– Призналась. А что, это плохо?

– Н-нет... не то чтобы плохо...

«Осторожней выбирай слова! – одернула, себя Каролина. – Ведь для Лауры Джейн это первая и, наверное, последняя любовь. Господи, как бы предостеречь ее и в то же время не напугать?»

– Но, может быть, ты поторопилась, – осторожно продолжала она, – и твоя горячность застала Стива врасплох. Вполне возможно, что он хотел поцеловать тебя первым.

– Нет... не думаю... он вряд ли решился бы, а я не могла больше ждать. Каролина улыбнулась:

– Если бы ты дала ему время собраться с духом, он решился бы.

– А ты думаешь, Ринк решится?

– На что?

– На то, чтобы тебя поцеловать. Я же знаю, ему очень хочется.

Второй раз за минуту Каролина потеряла дар речи.

– Лаура Джейн! – наконец пролепетала она. – Ты не должна так говорить. У Ринка ничего подобного и в мыслях не было!

– Тогда почему он с тебя глаз не сводит?

У Каролины пересохло во рту.

– Разве?

– Да, но только когда ты смотришь в другую сторону. И на фабрике он торчит день и ночь ради тебя.

– Нет, Лаура Джейн. Он старается для всех: и для рабочих, и для тех, чей хлопок мы обрабатываем, и для отца.

– Но ведь это ты попросила его помочь. По-моему, он сам туда не рвался.

Каролина вспомнила день, когда Ринк починил станок. Она упорно старалась наладить с ним отношения, и в какой-то момент ей даже показалось, что это удалось. Но, вернувшись домой и приняв душ, Ринк вдруг неизвестно почему стал злиться на нее, он держался так, словно и не было между ними понимания и теплоты. Однако Каролина отказывалась признавать свое поражение и за ужином постаралась быть внимательной и оживленной. В конце концов он сменил гнев на милость, и она отважилась попросить его, чтобы он посмотрел еще кое-какое фабричное оборудование. Ринк согласился и с тех пор уже три дня подряд трудил-

ся наравне с рабочими, хотя не получал за это ни цента.

– Я так благодарна Ринку за то, что он мне помогает. Твой брат очень много работает, Лаура Джейн.

– Ты тоже. У тебя усталый вид, Каролина.

Да, Лаура Джейн права, она и вправду устала. Ужасно устала. Мало того, что общение с Ринком было подобно ходьбе по канату, ведь Каролина стремилась беседовать с ним по-дружески, но без малейших намеков на интимность, так еще и Роско стал совершенно невозможным! Он постоянно говорил ей гадости, поэтому поездки Каролины в больницу – а она навещала мужа каждый день – превратились в мучительное испытание. О том, что Ринк работает на фабрике, Каролина даже не заикалась, заранее представляя себе возмущение Роско. Но хоть она и старалась не давать мужу повода для недовольства, ей все равно не удавалось ему угодить. Его раздражал каждый ее шаг. И одевалась она нелепо, и на врача, видите ли, молилась, бездумно принимая любые его советы...

– Да, я действительно устала, – призналась Каролина падчерице. – Ну а что касается Стива... – продолжала она, возвращаясь к тому, с чего начался разговор, – то он, может быть, просто не в настроении. Не приставай к нему. Мужчины этого не любят. И больше не целуй его. Лучше, чтобы он захотел тебя поцеловать первым.

– Да, ты права, – понурившись, вздохнула Лаура Джейн.

Каролина догадывалась, почему Стив вдруг стал так хо-

лоден с Лаурой Джейн. Он любил бедную девушку, но тем не менее боялся выказать свои чувства, чтобы не навлечь на себя гнев Ринка. Каролина всей душой была на стороне конюха.

– Ладно, пошли ужинать, – ласково сказала она, беря падчерицу за руку.

– А где Ринк?

– Не знаю. Обещал приехать...

Громкий автомобильный гудок не дал ей договорить. Обернувшись, Каролина и Лаура Джейн изумленно воззрились на блестящий новенький грузовичок, подъехавший к «Линкольну». Из кабины выпрыгнул Ринк.

– Ну как вам мое приобретение?

Он сиял от радости, и Каролине вдруг показалось, что перед ней все тот же юноша, с которым она встречалась в лесу. Еще мгновение – и она, пожалуй, бросилась бы ему на шею.

– Ты что, грузовик купил? – захлопала в ладоши Лаура Джейн. – Здорово! И цвет мне нравится...

– Ага, благородно-синий, – отвесив сестре низкий, шуточный поклон, откликнулся Ринк. – Вот... решил, что пока я здесь, нужно обзавестись собственным транспортом. Правда, ума не приложу, как потом буду перегонять его в Атланту. Я же полечу туда на самолете... Ну да там видно будет!

Все рассмеялись. У Каролины даже на душе потеплело.

– Я умираю с голоду. Надеюсь, ужин готов? – Ринк одной рукой обнял за плечи Каролину, а другой Лауру Джейн. –

Позвольте, милые дамы, сопроводить вас в столовую.

Но не успели они дойти до крыльца, как из дому выско-
чила Хейни.

– Ринк! Каролина! Ох, слава Богу, вы оба здесь! Только
что звонил врач. Мистеру Ланкастеру совсем плохо. Срочно
поезжайте в больницу!

В палате было полутемно. Только одна слабая лампочка горела над постелью Роско. Рассеянный свет падал на искаженное болью лицо. Сестра склонилась над умирающим, но он, завидев входящих в палату Ринка и Каролину, махнул рукой, к которой были присоединены трубки капельниц.

– Уходи отсюда! – задыхаясь, произнес он. – Оставь меня.

Все равно от тебя нет никакого толку.

– Но, мистер Ланкастер...

– Убирайся, – свистящим шепотом повторил Роско. – Я хочу поговорить с моей женой и сыном.

Странное дело! Он произнес слова «жена» и «сын» так, словно это были страшные ругательства.

Медсестра вышла с обиженным видом. Каролина взяла Роско за руку.

– Как только врач позвонил, мы сразу выехали.

Темные глаза вонзились в ее лицо. Вид у Роско был кошмарный. Он как бы гнил заживо, причем теперь вдруг стало понятно, что недуг его не только физический, но и душевный. Ему очень долго удавалось это скрывать, но в последние часы его земной жизни истина стала очевидной.

– Надеюсь, я не оторвал вас от каких-нибудь важных дел, – чуть слышно произнес он, с усилием высвобождая свою руку из ладоней жены.

Каролина понимала, что сейчас не время реагировать на колкости, поэтому спокойно ответила:

– Нет, конечно. Ты же знаешь, что я вообще готова оставаться здесь, с тобой.

Хрипящий свист вырвался из груди Роско, когда он хотел рассмеяться.

– Чтобы присутствовать при моей смерти? Не терпится обрести свободу, да?

Каролина отшатнулась, как от удара.

– Почему ты так говоришь? Неужели ты и вправду считаешь, что я хочу твоей смерти? Но ведь это я умоляла тебя обратиться к врачу, а ты и слушать об этом не желал! Опомнись, Роско! Я никогда не давала тебе повода сомневаться в моей верности.

– Э, нет... Просто раньше у тебя не было такой возможности, – Роско перевел взгляд на Ринка, стоявшего в изножье кровати. Лицо сына было бесстрастно.

– Что ты имеешь в виду? – с тревогой спросила Каролина.

– А на то, что теперь, когда мужчина, о котором ты всегда мечтала, живет с тобой под одной крышей, тебе, естественно, хочется наставить мужу рога. Хоть ты и клянешься ему в верности до гроба, который скоро и появится. Так что ждать осталось недолго.

У Каролины перехватило дыхание. Она в замешательстве, не находя слов, уставилась на Роско. Губы старика кривились в мерзкой усмешке, а в полуприкрытых глазах сверкнул злой

огонек.

– Это ты про Ринка говоришь? – ахнула Каролина.

– Про Ринка? – передразнил он. – Ринк... Ах, этот Ринк...

Да, черт побери! Про кого же еще!

Каролина облизала пересохшие губы.

– Но мы с Ринком не... были... мы никогда не...

– Не ври! – рявкнул Роско.

Он с трудом приподнялся на кровати. Сейчас Роско напоминал страшного демона, прикованного к кровати прозрачными цепями пластиковых трубок.

– Не притворяйся, девчонка! Мне все известно про тебя и про Ринка.

Каролина отшатнулась и, съезжившись, в ужасе посмотрела на Ринка. Он по-прежнему неподвижно стоял у кровати умирающего отца, и в глазах его светилась неприкрытая ненависть. Наступила долгая, тяжелая пауза.

Ринк первый нарушил молчание:

– Выходит, ты знал про Каролину, когда заявил, что Мерили беременна?

Роско бессильно рухнул на подушки. Он дышал хрипло, со свистом. Чувствовалось, что момент торжества дался ему нелегко, но на лице его было написано злорадство.

– Я все знал! Все! – хохотнул он. – Неужели ты думал, что ты сможешь каждое утро тайком убегать в лес, не возбудив моего любопытства? Я считал тебя умнее, сынок.

– Значит, ты шпионил за мной? – ровным, безжизненным

тоном спросил Ринк.

– О нет! – Роско был вознагражден за свои страдания. Он порозовел и задышал ровнее. – Стал бы я ради тебя напрягаться! Но, поскольку меня разобрало любопытство, я послал последить за тобой одного парня и узнал от него, что ты бегаешь на свидание к какой-то оборванке.

Каролина жалобно вскрикнула, но Роско даже не взглянул в ее сторону. Он боролся с сыном, а она в этой борьбе была всего лишь пешкой.

– Парень сказал, что твоя пассия совсем девчонка, но уже чертовски хороша собой. Как наливающийся соком персик.

Роско сладострастно облизал губы. Каролина зажмурилась, с трудом справляясь с тошнотой. Ринк мерно раскачивался взад и вперед, еле сдерживая ярость.

– Вот смеху-то было, когда мы узнали, что ты втрескался в дочку Пита Доусона! – Старик подмигнул Ринку. – Но губа у тебя не дура, сынок. Ты уже тогда знал толк в женщинах. И хотя за соращение малолетки тебе грозила тюрьма, был готов рискнуть, не так ли?

– Давай ближе к делу! – рявкнул Ринк. – Ты знал, что Мерили забеременела не от меня?

– Ну... я считал, что это вполне мог быть и твой ребенок. Во всяком случае, доказать обратное не смог даже ты. Весь город знал, что Мерили готова переспать с кем угодно. Тем более тебе-то уж она не отказала.

– Так это не твой ребенок?

Ринк вскинул голову. В голосе Каролины звучало недоверие и... неужели облегчение? А в глазах, похоже, блеснули слезы.

– Да, Каролина, – вздохнул он. – Это не мой ребенок.

– Но ты ведь спал с Мерили. Не отпирайся! – просипел Роско.

Ринк ответил, не сводя глаз с Каролины:

– Да, но это было задолго до того, как она забеременела. А в то лето, когда я познакомился с Каролиной, у меня никого не было. Алиса не моя дочь. – Он повернулся к отцу. – И ты прекрасно это знаешь. Я тебя уверял, что это не мой ребенок, что я целый год не спал с Мерили. Но ты все равно заставил меня жениться. Почему?

– Как это «заставил»? Ты что забыл, что женился по собственной воле!

– Но ведь ты пригрозил отдать Лауру Джейн в приют, если я тебя не послушаюсь! – закричал Ринк, уже не в силах скрывать свою ненависть.

– О, Господи! – Каролина закрыла лицо руками.

Неужели этот кошмар никогда не кончится? Роско шантажировал Ринка, заставляя его жениться на девушке, которая забеременела от другого... Да как он мог? Зачем ему понадобилось ломать жизнь собственному сыну?!

– Почему, почему тебе было так важно, чтобы я женился на Мерили? Почему ты не рассмеялся в лицо ее папаше и не послал его куда подальше? Никогда не поверю, что тебя

пугал скандал. Тебе всегда было глубоко плевать на общественное мнение. И Джорджа ты не боялся ни капли. Не понимаю, почему ты заставил меня жениться?

Ринк давно уже умолк, а его отчаянный вопрос, казалось, все висел в воздухе.

– Из-за денег, – коротко ответил Рос-ко. – Мне понадобились деньги, а у Джорджа они были. Вот и вся любовь. Я продал тебя, мальчик, за двадцать пять тысяч долларов.

Ринк остолбенел. Даже хорошо зная своего отца, он не допускал столь банального объяснения.

– Но тогда почему ты не препятствовал нашему разводу после рождения Алисы? – недоуменно пробормотал он.

– Потому что это не входило в условия сделки. Джорджу хотелось только, чтобы у ребенка был отец. И не какой попало, а из уважаемой семьи, чтобы в свидетельстве о рождении стояла приличная фамилия.

– Из уважаемой, значит, – Ринк выругался. – Да, уважаемости в нашей семейке хоть отбавляй.

– И потом, – проговорил Роско с видимым усилием, – я считал, что это хороший способ удержать тебя от роковой ошибки.

– От ошибки? Что ты имеешь в виду?

– От женитьбы на оборванке, – Роско кивнул в сторону Каролины.

– Оставь ее в покое, – угрожающе сказал Ринк. – Каролина тут ни при чем. Роско злобно хохотнул.

– Как это ни при чем? Да я, можно сказать, из-за нее все это затеял. Не мог же я допустить, чтобы ты совратил малолетку. Тут такая каша бы заварилась, мы бы вовек ее не расхлебали.

– Я не собирался ее совращать, – процедил сквозь зубы Ринк.

– Ой ли? Судя по тому, что сообщил мой парень, вы уже были близки к этому. Он сказал, что ты не можешь от нее оторваться, – Роско презрительно усмехнулся. – Дурень ты, дурень! Я чуть со смеху не покатился, когда ты заявил, что собираешься жениться.

Каролина закрыла лицо руками.

– Мерили была грязной шлюшкой, – неумолимо продолжал Роско, – которая пускала к себе в кровать кого угодно. Но она хотя бы родилась в приличной семье. Ее отец не был городским посмешищем.

– Но почему тогда ты сам на мне женился? – не выдержала Каролина, у которой все еще не укладывалось в голове, что в ее страданиях повинен не кто иной, как Роско.

Ведь она столько лет была уверена в том, что Ринк изменял ей с Мерили. А оказывается, это Роско разрушил их счастье.

– Как зачем? Зря я, что ли, в тебя деньги вкладывал? – выдохнул Роско.

– Ты о чем? – упавшим голосом спросила Каролина. На самом деле ей больше ничего не хотелось знать, но она по-

нимала, что надо поставить точки над *i*. Еще одного такого объяснения она просто не выдержит. – Какие деньги ты в меня вкладывал?

– Черт возьми, так вот в чем дело... – ахнул Ринк, который уже все понял.

– Наконец-то догадался, дурачок, – ехидно улыбнулся Роско.

– Может быть, вы соизволите сказать, о чем речь? – вскричала Каролина.

– Насколько я понимаю, ты вышла замуж за своего таинственного покровителя, Каролина, – тихо сказал Ринк.

Каролина непонимающе уставилась на него. Потом до нее постепенно дошел смысл его слов, и она даже сама изумилась тому, что не догадывалась об этом раньше.

– Так это ты оплачивал мою учебу в колледже? – еле слышно спросила она Роско.

– Да! Я хотел, чтобы ты уехала из города. На всякий случай. Вдруг Ринку после развода вздумалось бы вернуться за тобой?

– Господи! – Чудовищная правда не укладывалась в голове Каролины. – Неужели все это ты затеял ради того, чтобы я никогда не вышла замуж за твоего сына?

– Не только, – медленно произнес Роско. – Я хотел подготовить тебя к осуществлению последней части моего плана.

– Какой? – еле слышно прошептала Каролина.

– Ты должна была стать миссис Ланкастер. Но я готовил

тебя не для сына, а для себя. И ты должна была стать миссис Роско Ланкастер.

Каролина сжалась как от удара.

– Так ты давно это задумал? И упорно шел к своей цели?

– А ты думаешь, тебя за красивые глаза взяли в банк? Пигалицу, которая только что окончила колледж! И встретились мы там не случайно. И на фабрику я тебя пригласил не просто так... Продолжать дальше или хватит?

– Но почему? – в тоске воскликнула Каролина. – Почему?.

Роско в ответ прищурился и хитро посмотрел на Ринка.

– Потому что я любил тебя, – сказал Ринк. – И он это знал. А он был готов пойти на все, даже жениться на тебе, лишь бы уничтожить меня.

– Ты всегда был смышленным мальчиком, – с усилием кивнул Роско.

– Значит, это по твоей подсказке Лаура Джейн написала мне, что Каролина вышла замуж за своего одноклассника...

– Ну, это было просто. Твоя сестра что угодно сделает, лишь бы меня ублажить. И тут же про все позабудет. Она уважает старших. Бери пример со своей скудоумной сестрицы, мой мальчик.

– Выходит, ты искорежил наши жизни только потому, что хотел отомстить Ринку? – Каролине до сих пор не верилось, что можно так ненавидеть собственного сына. – Женился на мне, дал свою фамилию, поселил в собственном доме – и все ради того, чтобы унижить его? Для Ринка я была недостаточ-

но хороша, а для тебя, получается, в самый раз? Не понимаю.

– Но ведь ты с радостью на все это согласилась, моя дорогая. Мне не пришлось тебя долго упрашивать. Впрочем, я с самого начала подозревал, что такую голодранку, как ты, одно лишь упоминание о Ланкастерах и Укромном уголке приведет в священный трепет. И ты действительно проглотила наживку! Тебя не остановили воспоминания о твоей первой любви и потерянном возлюбленном. Ты так хотела выбиться из грязи в князи, что согласилась стать женой его отца! – Роско умолк и откинул голову на подушку. Казалось, силы его иссякли. Но через мгновение его голос зазвучал снова. – Твое простодушие меня просто умиляло! Ну а насчет того, кто для кого хорош... Как жена ты меня вполне устраивала. Я видел все твои достоинства – ты хозяйственная, покладистая, воспитанная, даже утонченная. Уж не знаю, откуда у тебя такие благородные манеры, но главное, они есть, а твое происхождение меня мало заботило, Я мог себе позволить иметь ту жену, которую я сам выбрал. К тому же ты недурна собой, и это тоже мне было на руку. Будь ты уродиной, мой выбор вызвал бы недоумение, а так все поверили в то, что грязный старикашка польстился на красавицу. Да, Каролина, я тебе очень признателен за то, что ты облегчила мне задачу.

Каролина неподвижно стояла, отвернувшись от Роско. Истина оказалась весьма неприглядной: ее нагло использовали. И больше всего Каролина винила саму себя. Не будь она такой легковверной, ничего этого не случилось бы. Госпо-

ди, почему она поспешила осудить Ринка? Почему польстилась на богатство Роско? Вот и выходит, что самый главный свой враг – это она сама....

Глаза Роско возбужденно блестели, на губах блуждала язвительная улыбка.

– Ну, дорогие мои... Каково вам было жить под одной крышей? Мучительно, да? Что ж, я неплохо позабавился напоследок. Вы думали, никто ничего не замечает? Радовались, что вам удалось скрыть ваши чувства? Если б вы знали, как я потешался над вашей наивностью! Да у вас все на лбу написано, простачки! – Роско повернулся к Ринку и торжествующе прохрипел:

– А ты, я вижу, до сих пор сохнешь по этой бабенке! Что, зудит? Совсем не вмоготу, да? И, наверное, представляешь ее со мной... как мы с ней занимались любовью...

– Прекрати, Роско! Прекрати сейчас же! – не помня себя, крикнула Каролина.

– Полюбуйся на нее, сынок, – не обращая внимания на крики Каролины, продолжал старик. – Роскошное тело, не правда ли?

– Замолчи, – проговорил в бессильной злобе Ринк.

– Жена Роско – роскошная женщина, – старик словно вливал в уши сына смертельный яд.

– Не смей так о ней говорить, черт побери!

Роско злорадно хохотнул:

– Да я только выражаю вслух твои мысли. Разве ты не

мечтаешь ее поцеловать? Обнять? Раздеть? Признайся, тебе ведь хочется переспать с папашинной женой, сынок?

– О, Господи! – Каролина не выдержала и бросилась в коридор.

Роско проводил ее торжествующей улыбкой.

– Какой же ты подлец! – процедил сквозь зубы Ринк.

– Спорить не буду, хорошего во мне мало, – Роско с трудом приподнялся на локте. – Но запомни, я и в аду буду радоваться победе, потому что тебе здесь, на этом свете, все равно будет хуже. Ты всегда был у меня бельмом на глазу, стоял поперек моей дороги. С самого рождения!

– Потому что я видел, что ты мерзавец. И знал, что это ты виноват в маминой смерти. Ты убил ее! Она умерла, не вынеся твоих издевательств.

– Твоя мать была слабой женщиной. Даже перечить мне боялась. Не то что ты! Ты всегда смотрел на меня с осуждением! И с годами все больше нагнул. Ты, видите ли, назначил себя моей совестью! А мне она была не нужна! Не нужна, слышишь? – Роско ткнул в сторону сына дрожащей высохшей рукой. – Но я тебе отплатил с лихвой, сынок. Не сразу, но отплатил! Ты никогда не прикоснешься к этой женщине, Ринк. Я тебя знаю. Ты из породы Уинстонов, и гордость не позволит тебе доедать мои объедки. Ведь Каролина принадлежала мне. Твои благородные чувства к Каролине, к моей радости, удержали тебя от последнего шага, и ее первым мужчиной стал я, а не ты. И ты через это уже никогда не пе-

реступишь. Я хорошо знаю тебя, сынок.

Лимузин медленно ехал по тенистой дорожке, ведущей к кладбищу. Четверо пассажиров упорно молчали. Ринк и Каролина смотрели в окно. Лаура Джейн, сидевшая между ними, комкала носовой платок. Хейни наблюдала за остальными и делала свои выводы, но тоже предпочитала помалкивать.

Наконец она не выдержала и, оглянувшись на длинную вереницу машин, следовавших за катафалком и лимузином, заметила:

– По-моему, весь город съехался на похороны.

В ответ долго не раздавалось ни звука.

Потом Каролина сказала:

– Похоже, что так.

– Я плохо помню мамины похороны, – робко вступила в разговор Лаура Джейн. – А ты, Ринк?

Она заглянула брату в глаза и ужаснулась – в них горела ярость.

– Еще бы не помнить! – горько усмехнулся Ринк. – Разве когда-нибудь я смогу забыть этот день?!

Но потом Ринк справился со своими горькими чувствами, и выражение его лица смягчилось. Ласково улыбнувшись, Ринк поцеловал сестру в щеку.

– Тогда тоже было много людей.

– Я так и думала, – облегченно вздохнула сестра, радуясь

тому, что Ринк больше не смотрит на нее сердито.

– Зря вы отказались от заупокойной службы. Это вызовет кривотолки, – мрачно предрекла Хейни. – Пастор был потрясен. И все остальные тоже.

– Ну и ладно! – отмахнулся Ринк.

– Да, тебе легко говорить. Ты как приехал, так и уедешь, а мы останемся, – возмутилась Хейни.

– Не говори со мной больше про церковь. – В голосе Ринка зазвучали металлические нотки. – Слышишь, Хейни?

– Слышу, слышу, – проворчала старуха, поняв, что настаивать бесполезно.

Ринк снова уставился в окно.

Каролине было ужасно жаль Хейни и Лауру Джейн. Бедняжки и не знали, каким чудовищем оказался Роско, и не могли понять, почему Ринк так холодно воспринял смерть отца. Про Каролину же накануне Хейни сказала Лауре Джейн: «Бедняжка, она окаменела от горя».

Хейни взяла ее за руку и ободряюще сказала:

– Я восхищаюсь твоим мужеством, Каролина! Но ты не думай, слезы все равно придут. Никуда от этого не денешься. Останешься одна – наплачешься вволю.

Однако Хейни ошибалась. Каролина не могла оплакивать негодяя, который был ее мужем. С той самой минуты, как она, задыхаясь от унижения, выбежала из больничной палаты, Каролина не пролила ни слезинки. Ринк вышел вслед за ней с таким видом, словно он побывал в аду и повидался с

самим дьяволом. Его застывший, безжизненный взгляд поверг Каролину в ужас.

Ночь они провели в больнице, просидев молча в холле. Каролине хотелось поговорить с Ринком, объяснить ему, как она виновата перед ним в том, что поверила в его измену. Хотелось прижаться к нему и вместе с ним погоревать о том, что они столько лет провели в разлуке. Но она не смела. Напряженная поза Ринка и горькие складки, залегшие возле его губ, свидетельствовали о том, что он не хочет никого подпускать к себе. И к ней это относится в первую очередь. А Каролина не желала навязывать ему свою любовь.

Ночью вконец обессиленному Роско вкололи большую дозу обезболивающего. В очередной раз заглянув в палату, врач подошел к дремавшей на диване Каролине и сочувственно произнес, тронув ее за плечо.

– Ждать осталось недолго. Если хотите, можете зайти к нему. Правда, он все равно об этом не узнает. Боюсь, что уже никогда.

Каролина покачала головой. Она не желала больше видеть мужа! И к утру, как только врач констатировал смерть Роско, Каролина и Ринк уехали из больницы.

Теперь ей предстояло сыграть роль безутешной вдовы. Лимузин остановился. Служитель услужливо помог Каролине выйти из машины и подвел ее к могиле.

Священник начал читать молитвы. Каролина стояла между Ринком и Лаурой Джейн. Хей-ни обнимала дочь Роско за

плечи.

Каролина, не слушая пастора, смотрела невидящим взором на гроб, утопавший в белых розах. А после окончания службы кивала знакомым, которые выражали ей свои соболезнования.

– Правда же, она хорошо держится? – шептали женщины друг другу.

– Ни слезинки не пролила!

– Ну вообще-то уже давно было ясно, что ничего хорошего ждать не приходится. Бедняжка знала, что он не сегодня-завтра умрет.

– Да. И успела морально подготовиться.

– Интересно, что будет с фабрикой?

– Как что? Она по-прежнему будет заправлять там всеми делами.

– А Ринк?

– Ринк уедет в Атланту.

– А я думаю, он останется здесь.

– Право, не знаю... Может, останется, а может, и уедет...

Когда Каролина возвращалась к машине, до нее долетали обрывки отдельных фраз, но она не вникала в их смысл. У нее была только одна мысль: как бы выстоять, не сломаться. Ведь при воспоминании о коварстве Роско в груди Каролины закипала такая ненависть, что, казалось, еще мгновение – и она сорвется на дикий, безумный крик. Нет, пусть уж лучше окружающие восхищаются ее стойкостью... Она не будет

молиться, не будет оплакивать Роско Ланкастера. Он сделал больно не только ей, но и единственному мужчине, которого она в своей жизни любила. И прощения за такую подлость нет и быть не может.

– Слава Богу, все позади! – вздохнул Ринк, простившись с пастором.

Но он ошибся. В Укромном уголке, где продолжилась траурная церемония, до позднего вечера толклись чужие люди. Большинство пришло не столько помянуть влиятельного человека, сколько явно из любопытства. Наверное, хотели посмотреть, что изменилось в доме после смерти Марлены Уинстон Ланкастер. У Каролины сложилось впечатление, что отсутствие перемен многих разочаровало. Неужели они и впрямь ожидали, что вторая жена Роско, став здесь хозяйкой, все поменяет в доме, обклеит стены ярко-красными обоями и повесит аляповатые абажуры с бахромой?

Все приглашенные живо интересовались делами Ринка. Он ловко уходил от ответов на вопросы, которые казались ему неуместными, и обстоятельно отвечал на менее серьезные.

Каролина тоже была в центре внимания, она не раз ловила на себе любопытные взгляды своих знакомых и соседей. Интересно, чего все они от нее ждали? Что она будет неудержимо лить море слез или, наоборот, будет ликовать, став богатой вдовой и радуясь смерти старого ненавистного мужа? Она чувствовала, что ее уравновешенность разочаро-

вышает их не меньше, чем отсутствие перемен в доме. Ну еще бы! Оборванка Доусон не дала им ни малейшего повода для сплетен! Какое разочарование!..

Наконец знакомые разошлись, и дом опустел. Длинные вечерние тени легли на пол. Хейни собирала со столов грязную посуду и бумажные салфетки, опорожняла пепельницы.

– Ну что, посидите еще немного?

– Да нет, я, пожалуй, поднимусь к себе, – рассеянно откликнулась Каролина.

– Я тоже, – Ринк налил себе немного бурбона. – Ложись спать, Хейни, ты тоже устала.

Поцелуй, который за этим последовал, вряд ли можно было бы назвать нежным. Губы Ринка впились в губы Каролины и заставили их разомкнуться. Одной рукой Ринк схватил ее за ягодицы, а другой – за грудь. В его прикосновениях не было ни капли любви или хотя бы тепла. Он хотел одного – как можно больше ее унижить.

Каролина отчаянно сопротивлялась, отталкивала Ринка, колотила его кулаками по плечам. Но вырваться не могла. И крики ее были почти не слышны: поцелуи их заглушали, и из горла Каролины вырывался лишь слабый, полузадушенный стон.

В Ринка словно дьявол вселился. Он не помнил себя от ярости. Эта ярость копилась в его душе всю жизнь, но теперь враг Ринка умер, и сражаться больше было не с кем. Поэтому Ринк выплеснул свою бессильную злость на Каролину. Выплеснул потому, что Каролина невольно помогла Роско осуществить его коварный замысел. Поняв чувства, владевшие Ринком, Каролина сообразила, что лучшая защита для нее сейчас – это покорность. И она перестала сопротивляться.

Ринк не сразу осознал, что тело Каролины вдруг обмякло и она больше не пытается вырваться из стального кольца его рук. А когда наконец осознал, тоже расслабился. Поцелуи его стали нежными, а рука, больно сжимавшая грудь Каро-

лины, ласково погладила ее, словно извиняясь за грубость, и разжалась.

Но на самом деле теперь-то и началось самое мучительное. Ринк, набросившийся на нее минуту назад, был чужим, незнакомым мужчиной, и его близость испугала Каролину. А нежность переворачивала ей душу, ибо была до боли знакомой и напоминала о далеком лете, похожем на сказку.

– Ринк! – тихо простонала Каролина.

Господи, сколько же было в этом стоне страсти и... безнадёжности!

– Я сделал тебе больно?

– Нет.

– Я не хотел.

– Знаю.

Ринк облокотился о стену и прислонился лбом к дверному косяку. Волосы Каролины слегка шевелились, раздуваемые его дыханием.

– Почему я так хочу тебя? Почему не могу позабыть? Столько лет прошло, а я до сих пор брежу тобой...

Они тесно прижались друг к другу. Сердца их бились в унисон.

– Если бы мы лежали с тобой сейчас в постели, я бы точно так же прижимал тебя к себе, Каролина.

– Не говори об этом, пожалуйста. – Она уткнулась носом в шею Ринка.

– Но ведь мы с тобой оба об этом думаем.

– А ты постарайся не думать.

– Не могу.

Тела их пылали, каждое прикосновение обжигало их сокрушительной волной. Нежная грудь Каролины словно растекалась по стальной груди Ринка. Она чувствовала, как сильно желает ее Ринк, и сама изнемогала от желания.

Каролина и Ринк стояли, не шевелясь, но все равно создавалось впечатление, будто они занимаются любовью. Конечно, они любили друг друга только в мечтах, но эти мечты были настолько явственными, что, казалось, все происходит в реальности.

Ринк шептал ее имя, трепеща от страсти. Дыхание Каролины участилось, ей тоже передалась дрожь Ринка. Потом оба вдруг затихли.

Наступила долгая пауза. Они стояли молча, неподвижно. Каждый наслаждался близостью другого, сожалел об упущенных мгновениях, мечтал о несбыточном.

Затем Ринк медленно отстранился.

– Как ты могла спать с ним, Каролина?

Его голос полоснул ее, словно лезвие ножа. Ринк отошел от стены и нервно провел рукой по волосам.

– Я же вышла за него замуж, – тихо ответила Каролина.

Однако этот ответ вызвал у Ринка новую вспышку ярости.

– Да, но как ты могла выйти за него? Как, скажи на милость? После того, что было между нами...

– Это несправедливо, Ринк! – возмутилась Каролина. – В

конце концов, не я же тебя бросила, а ты меня!

– Теперь ты знаешь, почему я женился на Мерили.

– Два дня назад я об этом не знала.

Ринк вскинул голову.

– Неужели ты действительно думала, что я с ней трахался?

Дура! Я же на все наплевал, даже на здравый смысл – так мне хотелось быть с тобой!

Каролину покорила его грубость.

– А что я могла думать? Ты исчез без объяснений, а по городу пошли разговоры, что ты женишься на Мерили Джордж и она уже ждет ребенка. Как, по-твоему, мне следовало к этому относиться?

Ринк чертыхнулся и отвел взгляд.

– Но не мог же я рассказать тебе правду! Ты бы мне все равно не поверила.

– А может, и поверила бы.

– Неужели?

Теперь уже Каролина опустила глаза.

– Вот видишь, – произнес Ринк прокурорским тоном. – Ты бы, как и все, решила, что это мой ребенок.

Он опустился на диван, вытянул ноги и устало потер глаза.

– Да и потом, я боялся, что если мы снова начнем встречаться, у тебя будут неприятности. По городу уже пошли слухи о предстоящей свадьбе, и я знал, что за мной будут неусыпно следить, докладывая отцу о каждом моем шаге. Мне не хотелось втягивать тебя во все эти неприятности, да-

вать пищу сплетням на твой счет.

Каролина собирала визитные карточки, прикрепленные к букетам цветов, которые были доставлены домой от тех людей, что не смогли быть на похоронах Роско.

– А ты знаешь, Ринк, кто был отцом девочки?

Ринк равнодушно назвал фамилию.

– Но это же человек, за которого Мерили вышла замуж, когда развелась с тобой! – удивленно воскликнула Каролина.

Ринк невесело рассмеялся:

– Да, ей не терпелось поскорее сбежать к нему. Но сначала она вытянула из меня все деньги. В наказание за то, что я не хотел с ней спать.

– Ну когда-то очень даже хотел, – еле слышно возразила Каролина, вспомнив разговор в палате Роско.

Ринк вскинул голову.

– Неужели ты будешь попрекать меня этим? Мало ли какие ошибки совершают зеленые юнцы? Потом же я остепенился, – Ринк явно был раздосадован. – Да и переспали-то мы всего пару раз. Мерили вообще спала с кем ни попадя. Но я был не настолько глуп, чтобы не предохраняться! Не могла она от меня забеременеть, понимаешь? А жениться на ней мне и в голову никогда не приходило! Ну позабавились мы пару раз в машине. У кого из парней такого не было?

Каролина сосредоточенно изучала свои руки.

– А ты действительно не...

– Ты хочешь знать, изменял ли я тебе тем летом? – тихо

спросил Ринк.

Каролина молча кивнула, в глазах ее блеснули слезы.

– Нет, не изменял. У меня тогда никого, кроме тебя, не было.

– И ты сказал Ро... своему отцу, что хочешь на мне жениться?

– Да.

Их взгляды встретились. Не отрываясь, Каролина и Ринк смотрели друг на друга. Потом Каролина все-таки отвернулась.

– Как зовут дочь Мерили? Алиса?

– Да. Она очаровательная девочка, – грустно улыбнулся Ринк.

Стоило ему упомянуть об Алисе, как лицо его смягчилось.

– Ты любил ее.

Это был не вопрос, а скорее констатация факта.

Ринк несколько не смутился.

– Любил. Глупо, да? Но знаешь, как только она родилась, я уже не хотел с ней расставаться.

Сердце Каролины разрывалось от тоски и нежности. Она села рядом с Ринком на диван.

– Расскажи мне о своей семейной жизни. Если хочешь, конечно...

– Ну да, ты же всегда умела слушать. Интересно, мой отец тоже изливал тебе душу?

Каролина ахнула и вскочила с дивана, но Ринк схватил ее за руку и удержал.

– Прости меня. Сядь.

Она молча вырывалась. Тогда он силой усадил ее обратно на диван.

– Я же сказал, извини! Ну вырвалось у меня, по привычке. А привычки трудно менять... Хорошо, я расскажу тебе о моей неудачной женитьбе.

– Я вовсе не допытываюсь. Не хочешь – не рассказывай.

– Нет уж, я лучше расскажу! – твердо сказал Ринк. – Мерили любила меня не больше, чем я ее. Роско был совершенно прав. Она объявила меня отцом своего ребенка только ради того, чтобы ее семья не взбеленилась и не отвергла ее. Им нужно было хорошее имя – и они его получили – мое. После свадьбы мы уехали в Атланту. Для Мерили это было неожиданностью, но я настоял. Мне пришлось работать, я ведь не хотел брать от отца ни цента. Моя жизнь с Мерили не сложилась, но Алису я любил всей душой. Как только она родилась, на горизонте снова появился ее настоящий отец, и Мерили взялась за старое.

– А как ты отнесся к этому, все-таки вы были мужем и женой? Вряд ли ты был спокоен?

– Мне было наплевать на бе дела. Я мечтал, чтобы этот брак поскорее закончился. Но девочку мне было жалко. Мать из Мерили получилась никудышная. Вскоре Мерили сама подала на развод. В заявлении написала, что я ее сло-

весно оскорбляю. Я не возражал, но она на этом не успокоилась, а потребовала, чтобы я снял ей квартиру. Мне довольно долго пришлось содержать не только мою бывшую жену, но и ее дружка. Короче, я работал день и ночь, чтобы откупиться от Мерили. Девочка была мне дорога, но, естественно, Мерили добилась, чтобы ребенка оставили ей.

– А девочка знает, что ты не ее отец? – У Каролины болезненно сжалось сердце при мысли о том, сколько пришлось испытать этой малышке.

– Знает, – поморщился Ринк. – Когда мы развелись, Алисе было три года. Она не хотела со мной расставаться, рыдала, цеплялась за меня. Мерили буквально вырвала ее из моих рук. Они уехали, а я остался в Атланте. Алиса меня вспоминала, плакала, говорила, что скучает по папе. Наконец Мерили это надоело, и она сказала девочке, кто ее настоящий отец.

Каролина представила себе эту душераздирающую сцену и искренне пожалела ребенка.

– Теперь Алисе одиннадцать. Я слышал, она стала совершенно неуправляемой. – Ринк сокрушенно покачал головой. – Это ужасно, она ведь была доброй, ласковой девочкой. После нашего развода Мерили еще не раз выходила замуж, так что у Алисы был не один отчим. Вряд ли она меня помнит.

Каролина долго молчала, а потом спросила:

– В то время «Эр-Дикси» уже существовала?

– Нет, хотя я научился управлять самолетом, как только поступил в колледж, и к моменту переезда в Атланту был настолько опытным пилотом, что мог осуществлять чартерные рейсы. А когда повысил свою квалификацию, пересел на большие самолеты. Там мне посчастливилось встретить моего будущего компаньона, и мы начали подумывать об организации собственных чартеров. Узнали, что одна фирма обанкротилась, наскребли денег и выкупили самолет. Постепенно дело пошло. Мы приобрели самолет побольше, потом еще один...

– И мало-помалу разбогатели?

– Да.

Они сидели на диване. Свет торшера мягко рассеивался по комнате. Темные волосы Каролины спадали на плечи и, сливаясь с черной тканью траурного платья, будто исчезали в нем. Лицо и шея по контрасту были особенно белыми. Казалось, лицо Каролины светится каким-то волшебным лунным светом. Под глазами залегли тени, но в сияющем взгляде, устремленном на Ринка, было предвкушение радости.

– Каролина... – прошептал Ринк.

У Каролины гулко забило сердце. Она твердила себе, что в день похорон мужа вдове не подобает думать о другом мужчине, но понимала, что сделай Ринк хотя бы один шаг ей навстречу, и уже ничто не сможет ее остановить. Да, она любит его! Любит до сих пор и ни на миг не переставала любить. Это уже не слепое детское обожание, он для нее не кумир,

не идол, а живой человек со всеми своими сложностями и недостатками. Ринк неуравновешен, он нетерпим к людским слабостям и не может ей простить, что она была женой Роско, но... она все равно его любит!

– Что?

Она с надеждой подняла на Ринка глаза.

– Ты когда-нибудь думала обо мне, занимаясь любовью с моим отцом?

Даже вонзив в нее кинжал, он не смог бы ударить ее больнее.

– Как ты смеешь! – Каролина вскочила с дивана. – Я запрещаю тебе касаться этой темы!

Ринк тоже встал.

– Почему? Я хочу знать. Неужели ты безо всяких колебаний пошла на это? Ты ведь чуть было не стала моей любовницей.

– Если ты помнишь, я этого хотела. Очень хотела. Но ты отказался. Не пожелал рисковать, настоящий пай-мальчик!

– А точнее, не желал подвергать риску тебя. Мне не хотелось причинять тебе боль.

– Я была на это готова! – почти выкрикнула Каролина.

Ринк тряхнул головой.

– Ту боль, о которой ты говоришь, я бы причинил тебе с радостью, она не остановила бы меня, эта сладкая боль любви. Я мечтал стать твоим первым мужчиной, мечтал, чтобы ты стала моей навек. Но, увы, мне действительно помешало

мое дурацкое благородство. Видите ли, мне, как последнему кретину, не хотелось ставить тебя на одну доску с другими моими подружками.

– А у тебя их было так много?

– Много.

– И до, и после меня?

– Да.

– Тогда почему же ты злишься на меня, что я вышла замуж за Роско? Ты ведь не предавался отчаянию вдали от меня и сумел справиться с сильными чувствами ко мне.

– Да, но ведь ты признавалась в любви мне! Ты говорила, что любишь только меня!

– А ты разве любил всех этих женщин, Ринк? А?

Он резко отвернулся, но Каролина все равно успела заметить, что на лице его не было непреклонной уверенности.

– Тебя не было здесь, рядом со мной, Ринк, – продолжала она. – Ты женился на другой. Мне казалось, я была для тебя мимолетной забавой, позволившей скоротать долгие летние дни. Ты мог мне написать, позвонить... да мало ли что! Я считала, что ты даже имя мое забыл, а если и нет, то только потому, что другой такой простушки среди твоих девушек не было.

– Ты знаешь, почему я не приходил. Не хватало только втравить тебя в эту свару с Мерили. А когда мы развелись, мне сообщили, что ты вышла замуж. Я даже не думал, что когда-нибудь снова увижу тебя. И вдруг на тебе – выясняет-

ся, что ты спишь в одной постели с моим отцом!

Каролина закрыла лицо руками и судорожно всхлипнула. Их обоих захлестнула волна горечи и обиды.

– Так не может больше продолжаться, Ринк. Мы погубим друг друга.

Ринк ссутулился и, запустив пальцы в свои густые волосы – этот жест означал у него крайнюю растерянность, – проворчал:

– Ты права... Завтра утром я уеду.

У нее потемнело в глазах. Ведь она вовсе не собиралась прогонять Ринка, а наоборот, хотела с ним помириться!

– Зачем тебе уезжать? Давай лучше я уеду. Это твой дом. Я была здесь лишь гостьей. После смерти Роско мне в Укромном уголке нечего делать.

– Не выдумывай. Представляю, что скажут люди, если ты уедешь. Бессердечный Ринк выгнал из дому вдову своего отца! Нет уж. Я завтра же вернусь в Атланту.

– Хотя бы подожди, пока огласят завещание... Да и с фабрикой надо что-то решать... – Каролина готова была ухватиться за что угодно, лишь бы убедить Ринка остаться. Она не вынесет новой разлуки! Во всяком случае, сейчас она к этому не готова!

– Когда придет время вскрывать завещание, я приеду. Тогда и будем думать, кому где жить. Я лично считаю, что тебе лучше остаться здесь с Лаурой Джейн. Ну а что касается фабрики... – Ринк язвительно усмехнулся, – продолжай

в том же духе. У тебя был опытный учитель. Я думаю, он многому тебя обучил.

Каролина смерила его холодным взглядом. Ринк, не в силах вынести ее отчужденность, обнял ее за плечи и прижал к себе. Каролина откинула голову назад, пытаясь отстраниться.

– Не смотри на меня так! Думаешь, мне хочется уезжать? Бросать дом, Лауру Джейн, Хейни? Тебя? – Он притянул Каролину еще ближе и застонал. – Будь ты проклята! Будь ты проклята, Каролина!

Губы Ринка впились в ее губы, но она была к этому готова и смело ответила на его поцелуй. Ринк целовал ее долго и страстно, а потом так резко отшатнулся от нее, что Каролина чуть не упала.

– Будь ты проклята за то, что принадлежала ему! – выкрикнул Ринк в бессильной ярости.

И в следующую секунду Каролина осталась в гостинной одна.

– Лаура Джейн! – Стив склонился над девушкой, спавшей на сене. – Ты что тут делаешь?

Она сонно что-то пролепетала, переворачиваясь на спину. Ресницы ее дрогнули.

– Стив? Что, уже утро? – Лаура Джейн томно потянулась, выгибая спину.

– Почти, – Стив поспешно отвел взгляд. – Но я не пони-

маю, почему ты здесь?

Она села и стряхнула с волос солому. Бледное рассветное солнце упало на хрупкие плечи девушки. Воздух был еще прохладным, но сено, на котором спала Лаура Джейн, нагрелось и приятно пахло. Лошади в стойлах фыркали, дожидаясь утренней порции овса. Пылинки плясали в первых солнечных лучах.

Сонные глаза Лауры Джейн остановились на Стиве. Улыбнувшись, она дотронулась до его розовой, гладко выбритой щеки.

– Вчера вечером Ринк и Каролина поссорились. Их крики были слышны и в моей комнате. Хейни уже спала, и я не могла пойти к ней. Пришлось потихоньку выскользнуть из дома. И почему они все время ругаются? Не понимаю...

Лаура Джейн прижалась головой к груди Стива и обняла его за пояс.

– Ну, в общем, я пришла сюда. Дверь в твою комнату была закрыта, свет не горел. Я поняла, что ты тоже спишь, и решила тебя не беспокоить. Мне важно было, что ты тут, рядом, поэтому я нашла пустое стойло, свернулась на сене и уснула.

У Стива голова пошла кругом. Еще недавно он мысленно проклинал Ринка Ланкастера и негодовал, вспоминая его угрозы. Неужели Ланкастер действительно думает, что он, Стив, способен причинить зло Лауре Джейн? Какая глупость! Ведь эта девушка олицетворяет для него все самое чистое и светлое, что есть в мире! Она его единственная отра-

да. До встречи с ней он вообще считал, что весь мир заражен ненавистью, предательством, злом.

Вчера ночью он поклялся себе никогда больше не оставаться с Лаурой Джейн наедине. И даже пальцем до нее не дотрагиваться. Не то Ринк его выгонит. А расстаться с Лаурой Джейн для него было равносильно смерти.

Однако теперь Стив позабыл об угрозах Ланкастера. Когда Лаура Джейн прижалась к нему, его благоразумие куда-то улетучилось, и, не успев подумать о последствиях, он обнял девушку.

– Они просто переживают из-за смерти твоего отца. Но не волнуйся, пройдет время, и Ринк с Каролиной помирятся. Когда кто-то из родных умирает, это большой стресс, и близкие часто ведут себя немного странно.

– Я так люблю их обоих! И хочу, чтобы они были друзьями.

Стив прижался щекой к волосам Лауры Джейн. Его большие руки, ласково поглаживавшие ее спину, были испещрены шрамами. Лаура Джейн прибежала в конюшню в ночной рубашке. Совсем легкой, без рукавов, на тоненьких лямках. Ночью девушка укрывалась конской попоной, которая сейчас валялась на полу. Кожа Лауры Джейн была теплой и шелковистой.

– Когда боль утихнет, они помирятся. И больше не будут ссориться, вот посмотришь!

В устремленных на Стива карих глазах сквозили доверие

и любовь.

– Какой ты хороший, Стив! Почему все не могут быть такими же?

– Я не был хорошим, пока не встретил тебя. Это ты заставила меня измениться, стать лучше.

– Я люблю тебя, Стив.

Он чуть не задохнулся от ее неожиданного и доверчивого признания.

– Не говори так, Лаура Джейн, никогда не говори.

– Но почему? Я же действительно люблю тебя. А когда кого-то любишь, разве можно это скрывать? Ведь это же нечестно!

– Ты права, конечно, права, – прошептал Стив.

Стена, которой он отгораживался от Лауры Джейн, стремительно рушилась. Чувства рвались наружу. Стив был уже не в силах сдерживаться и беззвучно повторял, как молитву: «Господи, помоги! Господи, помоги!»

Лаура Джейн требовательно посмотрела на него. Глаза, опущенные длинными, густыми ресницами, когда-то смягчили его ожесточенное сердце. И вот теперь они смотрели на него, ожидая взаимности. Стив понял, что у него нет выбора. Придется произнести запретные слова вслух.

– Я тоже люблю тебя, Лаура Джейн.

Девушка улыбнулась и бросилась ему на шею.

– О, Стив! Любимый мой! Любимый! – Она покрыла его щеки поцелуями, такими же легкими и трепетными, как при-

косновения крылышек бабочек.

Потом потянулась к губам Стива и... замерла, вспомнив предостережения Каролины.

Стив вдыхал аромат ее волос, сжимал в объятиях хрупкое, дрожащее тело. Он тонул, он погибал окончательно и бесповоротно. Ну и ладно! Что уж такого страшного может сделать ему Ланкастер? Когда человек сто раз сталкивался со смертью нос к носу, он начинает над ней потешаться, бросать ей вызов. Ведь и вправду, двум смертям не бывать, а одной не миновать...

Что может быть для него теперь важнее его любви?

Губы Стива осторожно коснулись губ девушки. Грудь ее затрепетала, и все его тело откликнулось на этот трепет. Стив никогда не испытывал ничего подобного. У него было достаточно много женщин, но такой любящей, доверчивой, пылкой и в то же время невинной и искренней он никогда не встречал.

Губы Лауры Джейн послушно разомкнулись, и язык Стива осторожно проскользнул между ними. Она теснее прижалась к нему, и Стив почувствовал, как маленькие острые соски тычутся ему в грудь. Объятия Стива становились все крепче, язык тел все откровеннее.

Это были минуты захватывающих, удивительных открытий не только для Лауры Джейн, но и для гораздо более опытного Стива. Влюбленные упали на сено, и Стив положил ногу на бедро девушки.

– Лаура Джейн! – шептал он, уткнувшись в ее шею и отчаянно стараясь подавить свои сладострастные порывы.

Но девичья грудь была так упруга и соблазнительна, что его пальцы не могли от нее оторваться.

– Стив! О Стив! – задыхаясь, воскликнула Лаура Джейн. – Возьми меня! Пожалуйста! Стив...

Он резко вскинул голову и напряженно взгляделся в ее сияющее лицо.

– Что ты! Ты вообще понимаешь, о чем говоришь?

– Да, – Лаура Джейн посмотрела на него с обожанием. – Я знаю, чем занимаются мужчины и женщины. И хочу, чтобы ты сделал то же со мной.

– Но это невозможно!

В голосе девушки прозвучала неуверенность.

– Ты совсем меня не любишь?

– Люблю. И именно поэтому не могу. Не могу, пока ты не стала моей женой.

– Вот как, – Лаура Джейн была страшно разочарована. – Неужели мы и целоваться перестанем?

Стив улыбнулся и вновь приник к ее рту.

– Нет еще... Пока еще нет...

– Доброе утро! – Войдя в кухню, Каролина прямым ходом направилась к кофеварке и налила себе большую чашку кофе.

Ринк уже сидел за столом. Она старалась не встречаться с ним взглядом.

– Я сегодня вызову доктора, – заявила Хейни, взбивая яйца.

– Зачем?

– Затем, что у тебя ужасный вид, – выпалила экономка. – Ручаюсь, что ты почти не спала. Ты только посмотри, Ринк, какие у нее синяки под глазами! Тебе нужно прописать снотворное, Каролина.

– Не нужно, – отмахнулась Каролина.

– Не строй из себя героиню, – сердито сказала Хейни. – Можно подумать, ты решила получить звание самой мужественной вдовы года. Так ведь никто не объявлял такого конкурса! И никто тебя не осудит, если ты поплачешь, как делают все нормальные женщины. Это нормально, когда женщина плачет, потеряв мужа.

Каролина не выдержала и подняла на Ринка глаза. Он смотрел на нее в упор. Она снова отвела взгляд.

– Я обойдусь без доктора.

Хейни вздохнула, не скрывая своего раздражения.

– Ладно, тогда хотя бы позавтракай как следует. – Она поставила перед Каролиной тарелку с омлетом. – А я пойду разбуджу Лауру Джейн. Мне хотелось, чтобы бедняжка сегодня поспала подольше. Сон укрепляет нервы. Но теперь пора вставать.

– Она не спит, – сказала Каролина, наливая в кофе сливки. – Я к ней зашла по дороге.

Каролина рассчитывала, что Лаура Джейн послужит ей

чем-то вроде громоотвода, если Ринк окажется с утра не в духе. Но девушки в комнате не оказалось.

Ринк положил вилку на тарелку.

– Где она? Ты видела ее сегодня утром? – спросил он Хейни, державшую в руках блюдо с гренками.

– Я же сказала: я думала, Лаура Джейн спит.

Ринк швырнул салфетку на стол и кинулся к черному ходу.

– Ринк!

Каролина бросилась вслед за ним. Он бежал к конюшне.

– Ринк!

В дверях он обернулся и приказал:

– Тихо!

– Ты не смеешь шпионить за ними, – не сдавалась Каролина, но все-таки перешла на шепот.

– Не лезь не в свое дело.

Каролина понимала, что лучше не вмешиваться, но не могла же она позволить Ринку лишить Лауру Джейн единственного шанса на счастье!

– Твоя сестра не ребенок.

– По своему умственному развитию она сущее дитя.

Ринк распахнул дверь конюшни. Она даже не скрипнула – Стив тщательно ее смазывал. Но когда Ринк пошел к стойлу, где лежали на сене Стив и Лаура Джейн, влюбленные услышали его шаги. Они отшатнулись друг от друга, но, к несчастью, Ринк все же успел увидеть многое.

Он издал такой яростный вопль, что у Каролины кровь застыла в жилах. Кинувшись на Стива, он схватил его за рубашку и рывком заставил встать на ноги. Протез каким-то чудом не слетел с ноги конюха.

В следующий миг Ринк ударил Стива под дых, отбросив его к стене. А еще через мгновение, не давая Стиву опомниться, Ринк врезал ему кулаком по челюсти.

Лаура Джейн закричала, бросилась к Ринку, но Каролина оттащила ее в сторону. Стив уже собрался с силами и готов был броситься в бой. Один его прицельный взмах – и из носа Ринка потекла кровь. Лаура Джейн зарыдала и выбежала из конюшни.

– Прекратите! – воскликнула Каролина. – Сейчас же прекратите!

Но ее никто не слушал. Противники вошли в раж.

Улучив момент секундного затишья, Каролина все-таки встала между ними.

– Ну, хватит. Сколько можно! Вы что, с ума сошли?

С трудом переводя дух, Ринк и Стив утирали кровь с разбитых губ.

Наконец, отдышавшись, Ринк злобно прошипел:

– Чтобы к полудню тебя здесь не было, негодяй!

– Нет, он останется. – Каролина повернулась к Стиву спиной и мужественно встретила взглядом с Ринком. – Он останется и будет работать, пока я не откажусь от его услуг. Роско велел мне нанять Стива, а значит, никто, кроме меня,

не может его выгнать. По крайней мере, до тех пор, пока не оглашено завещание и неизвестно, кто теперь станет хозяином Укромного уголка.

– При чем тут Укромный уголок! – рявкнул Ринк. – Речь идет о Лауре Джейн. О моей сестре!

– Совершенно верно, – грудь Каролины бурно вздымалась.

Боже, как она жалела в эту минуту Ринка! На его кроваподтеки было больно смотреть... Но уступить ему она не могла.

– Стив не совершил ничего недостойного. Он любит твою сестру, Ринк. И просто уступил ее просьбам.

– Да она не ведает, что творит! Ты-то хоть понимаешь это?!

– Нет, ведает. Лаура Джейн тоже его любит. Неужели ты такой черствый и бессердечный, что не замечаешь этого? Как, ты думаешь, она будет к тебе относиться, если ты прогонишь Стива? Ты же ее божество. Она готова целовать землю, по которой ступают твои ноги. Ты разобьешь ее сердце, Ринк, ты испортишь девочке жизнь. Умоляю тебя, не делай этого!

– Я стараюсь ради ее же блага.

– Откуда ты знаешь, что для нее лучше?

– Знаю – и все.

– Да, как когда-то знал Роско... Неужели ты разлучишь их, как он разлучил нас?

Это был удар посильнее тех, что нанес Ринку Стив. Ринк сверкнул глазами, но Каролина стойко выдержала его взгляд. Поняв, что сломить ее сопротивление не удастся, Ринк покоился на Стива, который следил за их молчаливым поединком с Каролиной, машинально потирая больную ногу. В глазах Ринка сквозила злоба, однако он ничего больше не сказал и вышел из конюшни.

И тут же силы покинули Каролину. Она сникла и понуро уставилась в пол невидящим взором. Как все ужасно сложилось! Она загнала Ринка в угол, и теперь он ее будет за это ненавидеть... Вздохнув, Каролина подняла голову и повернулась к Стиву. Лицо у него распухало прямо на глазах.

Каролина испуганно ахнула, но Стив поспешил ее успокоить.

– Ничего, бывало и хуже, – пробормотал он, поднося к разбитой губе носовой платок, и попытался улыбнуться, но лишь скривился от боли.

– Я скажу Хейни, она сделает тебе перевязку, – пообещала Каролина и бросилась к двери.

– Миссис Ланкастер! – окликнул ее Стив.

Она остановилась. Он, прихрамывая, шагнул к ней.

– Спасибо, что заступились за меня. Неважно, чем это закончится. Все равно спасибо.

Каролина жалко улыбнулась и вышла. Заглянув в кухню, она увидела, что Лаура Джейн сидит у брата на коленях и горько рыдает, уткнувшись ему в грудь.

– Ты на меня сердишься, – всхлипывая, приговаривала девушка. – Я знаю, ты на меня сердишься.

– Нет, – Ринк ласково погладил ее по спине. – Я не сержусь. Мне просто не хочется, чтобы с тобой случилась беда. Вот и все.

– Но Стив не делал ничего плохого! Я люблю его!

Ринк поднял глаза на Каролину.

– Я не уверен, что ты понимаешь значение этих слов, Лаура Джейн.

– Я все понимаю! Мы со Стивом любим друг друга. Он никогда меня не обидит.

Однако Ринк не желал признавать свою не правоту.

– Об этом мы поговорим потом. А сейчас успокойся. Мне очень жаль, что я сорвался.

Но Лаура Джейн проявила неожиданную строптивость.

– Нет, ты скажи, что больше не будешь драться со Стивом! Никогда не будешь! Скажи!

Ринк опешил.

– Ну ладно... Обещаю.

Она моментально успокоилась и нежно поцеловала его в щеку.

– Пойду помогу Хейни найти бинты.

В представлении Лауры Джейн инцидент был исчерпан.

– Придется отменить сегодняшний отъезд, раз тут такое творится, – заявил Ринк, оставшись наедине с Каролиной.

Она обернулась к нему, сияя от радости. Но, вовремя спо-

хватившись, лишь сдержанно спросила:

– Интересно, что тебя заставило изменить решение? Может, ты боишься, что в твое отсутствие тут воцарится разврат и ваше доброе имя будет опорочено?

Ринк смерил Каролину презрительным взглядом и небрежно бросил:

– Ну да... Что-то в этом роде.

На глаза Каролины навернулись слезы. Он не знал, чем ее уязвить.

– Выходит, я тебе по-прежнему не ровня? Выходит, со мной можно только поразвлечься, а считаться полноправным членом вашей семьи я до сих пор недостойна?

– Я никуда не уеду, – только и сказал Ринк, направляясь к двери.

– Доброе утро, миссис Ланкастер! Сегодня отличный денек, не правда ли, миссис Ланкастер?

Каролина едва успевала кивать, отвечая на приветствия рабочих. Уборка хлопка была в самом разгаре. Людям уже приходилось трудиться сверхурочно, чтобы успеть обработать урожай. В цехах было пыльно, жарко и шумно, однако, несмотря на усталость, рабочие не унывали. Больше того, впервые за многие годы в них проснулась гордость за свою фабрику. И все понимали, что эти чувства пробудил в них Ринк.

Он проверил и привел в порядок вместе с механиком все оборудование, и теперь оно работало безотказно. Фермеры, которые уже несколько лет подряд искали другие рынки сбыта, теперь вели переговоры с Ринком и возвращались на фабрику Ланкастеров.

Он приехал всего несколько недель назад, но уже успел изменить многое. Многие рабочие радовались этим переменам. Усердные труженики получили прибавку к жалованью, а тех, кто работал спустя рукава, Ринк рассчитал. В основном это оказались люди, которых Роско использовал отнюдь не в интересах фабрики. При его жизни Каролина старалась не вникать, чем они в действительности занимаются. Однажды она предложила мужу избавиться от одного такого че-

ловека, но Роско быстро поставил ее на место, и с тех пор Каролина не решалась вмешиваться в его дела.

– Этот тип мутит воду, – сказала она.

Роско благодушно улыбнулся:

– Ну и пусть. Зато он... выполняет кое-какие мои поручения, Каролина. Так что оставь его, пожалуйста, в покое.

– Но ведь он работает на заводе и должен хоть что-то делать!

– Это лишь прикрытие, – отмахнулся Роско и, увидев, что она не совсем понимает, о чем идет речь, дипломатично добавил:

– Ладно, если он будет тебе мешать, я с ним поговорю.

Только теперь до Каролины дошло, какие поручения выполняли эти люди... Может быть, один из таких людей шпионил когда-то и за Ринком...

Поэтому она не возражала против того, чтобы Ринк избавился от балласта и поощрил хороших, преданных работников. На Роско люди работали из страха, а молодого хозяина они уважали. Он умел найти подход к рабочим: если критиковал, то за дело, и никогда не забывал похвалить тех, кто этого заслуживал. Вдобавок он работал наравне со всеми. Ничего удивительного, что дела пошли гораздо успешнее!

С тех пор как Ринк подрался со Стивом, миновало десять дней. Ринк с утра до ночи пропадал на фабрике. Каролина была рада этому. Присутствие Ринка придавало ей уверен-

ности. Он был ее опорой и защитой. Ринк даже уволил одного лихого парня за то, что он посмел отозваться о ней неуважительно.

Ринк и Каролина как бы заключили временное перемирие. И произошло это само собой, без обсуждений.

Однажды утром, когда Каролина занималась деловой перепиской, Ринк без стука вошел в ее кабинет.

– Я хочу тебя кое с кем познакомить. Если ты, конечно, не очень занята.

– Вообще-то у меня завал работы, – рассеянно ответила Каролина.

– Я бы не стал тебя беспокоить, если б это не было так важно.

Многозначительный тон Ринка пробудил ее любопытство.

– С кем же ты хочешь меня познакомить?

– Это сюрприз.

Ринк легонько обнял ее за плечи и привел на склад, где хранились пятисотфунтовые тюки хлопка.

Плечистый мужчина в ослепительно белом костюме и летней панаме – ни дать ни взять персонаж из пьесы Теннесси Уильямса! – пробовал на ощупь образцы хлопка из разных тюков. Заметив во рту незнакомца сигару, Каролина сжалась – Роско постоянно держал сигару во рту, но на этом сходство незнакомца с Роско и закончилось. Роско всем давал понять, что он босс, а незнакомец держался просто. Завидев Ринка и Каролину, он дружелюбно улыбнулся и сделал шаг им на-

встречу.

– Мистер Зейчери Гамильтон, разрешите представить вам миссис Каролину Ланкастер.

– Очень приятно, – Каролина протянула мужчине руку.

В нем было что-то, моментально располагавшее к доверию, и Каролина даже подумала: «Хотела бы я, чтобы этот человек был моим отцом...»

– Мне тоже очень приятно познакомиться с вами, миссис Ланкастер. Я искренне рад. Ваш... э-э... пасынок рассказал мне, что вы сумели добиться большого прогресса на фабрике.

Каролина порозовела от удовольствия и стала еще прелестней.

– О, Ринк преувеличивает мои заслуги. Но я вообще-то горжусь качеством нашей продукции.

– Мистер Гамильтон закупает хлопок для компании «Дельта Милс», – пояснил Ринк.

Слава Богу, что Каролина в этот момент быстро опустила голову и гость не увидел ее изумленного лица! Ринк чуть не покатился со смеху, глядя на ее поднятые брови и округлившийся рот.

– П-понятно... – пролепетала Каролина, справившись с изумлением.

Любой южанин, имевший хоть какое-то отношение к выращиванию хлопка, знал компанию «Дельта Милс». Она производила хлопчатобумажные ткани, славившиеся своим

качеством на весь мир.

– Мы будем рады показать вам образцы нашего хлопка, мистер Гамильтон, – сказала Каролина, стараясь сохранять спокойствие.

Но Господи, как же это было трудно! Ее бросило в жар, руки тряслись. Если им с Ринком удастся заключить сделку с «Дельта Милс», это будет настоящий прорыв в большой бизнес.

– О, Ринк был так любезен, что уже предоставил мне возможность ознакомиться с образцами вашей продукции. Хлопок просто прекрасный! – воскликнул Гамильтон. – Мы были бы не прочь сделать у вас закупки.

Каролина чуть не захлопала в ладоши от радости, но вовремя вспомнила золотое правило торговли: не следует показывать покупателю, что вы в нем жизненно заинтересованы.

– Ну... вообще-то мы уже заключили определенные договоры с несколькими фирмами, – заметил осторожно Ринк, набивая цену своему товару.

– Естественно, господин Ланкастер, – кивнул Гамильтон. – И все-таки нам бы очень хотелось... Сколько тюков вы можете нам продать?

Каролина нервно переминалась с ноги на ногу, пока шла торговля. Наконец Ринк и Гамильтон обо всем договорились. Такой выгодной сделки фабрика Ланкастеров еще не заключала!

– Мы доставим товар по воздуху, – небрежно добавил Ринк, направляясь вместе с мистером Гамильтоном и Каролиной в офис, чтобы оговорить детали контракта.

– По воздуху? – удивленно переспросил мистер Гамильтон.

Каролина была потрясена не меньше его.

Ринк ослепительно улыбнулся.

– Да, это у нас эксклюзивная форма обслуживания, для самых ценных клиентов.

И, пропустив в дверях вперед мистера Гамильтона, подмигнул остолбеневшей Каролине.

Каролина долго не могла прийти в себя и, едва дождавшись ухода Гамильтона, взволнованно спросила:

– Но почему мы должны посылать груз самолетом? Что, поезда уже не ходят?

Ринк рассмеялся и бросился к бару, ища какую-нибудь выпивку.

– Ходят-то ходят, но... Ага! Вот она! – Он торжествующе достал бутылку бурбона. – А где бокалы? Хотя... черт с ними! – Ринк откупорил бутылку и отхлебнул прямо из горлышка. – У меня есть старый грузовой самолет. Мы же хотим произвести впечатление на «Дельта Милс», правда? Я думаю, у них не так уж и много компаний, которые доставляют им товар по воздуху.

– Но это же невероятно дорого, Ринк! Мы на одном топливе разоримся...

– Не разоримся, если в роли грузчика и пилота буду выступать я сам, – радостно улыбнулся Ринк. – Нам придется потратиться только на топливо. Думаю, долговременное сотрудничество с «Дельта Милс» того стоит. Ладно, давай выпьем. За нас! – Он взмахнул бутылкой, сделал еще один глоток и предложил Каролине.

Она замялась, борясь с соблазном. Потом благоразумие все же взяло верх.

– Нет-нет, я не могу, – Каролина с опаской покосилась на дверь.

– Почему не можешь?

– А вдруг кто-нибудь зайдет и увидит, что мы выпиваем?

– Никто нас не осудит. Мы же с тобой заключили чертовски выгодную сделку! Да и вообще... Никому и в голову не придет заходить в кабинет без стука.

– Ты же заходишь.

Ринк нетерпеливо передернул плечами.

– Слушай, ты выпьешь или нет?

Каролина, расхрабрившись, приложилась к горлышку и, подражая Ринку, сделала большущий глоток. В следующую секунду она чуть не задохнулась. Из глаз покатились слезы, в желудке словно вспыхнул костер. Ринк взял у согнувшейся в три погибели Каролины бутылку и, громко хохоча, похлопал ее по спине.

– Ну как? Получше стало?

Она медленно распрямилась, вытерла слезящиеся глаза и

прошептала:

– Да, вроде бы...

Оба весело рассмеялись.

– Если б ты знала, – с мальчишеским воодушевлением воскликнул Ринк, – как я боялся, что он откажется или оставит нас в подвешенном состоянии! Вдруг он начал бы тянуть с подписанием контракта?

– А почему ты не предупредил меня о его приходе?

– Не хотел тебя обнадеживать.

– Честно говоря, я этому рада. Я люблю сюрпризы.

– И мой сюрприз тебе понравился?

– Да, – Каролина расплылась в улыбке, еще раз порадовавшись их общему успеху. – Да, да, да!

Дальше случилось непредвиденное. Честное слово, она этого не ожидала! Ринк обхватил ее за талию, поднял в воздух и закружил по кабинету. Они глядели друг на друга и заливались счастливым смехом. Она положила руки ему на плечи.

– Какие же мы с тобой молодцы! За всю историю существования фабрики такого еще не было! Ты понимаешь, какие перспективы это открывает, Каролина? Об этой сделке скоро станет известно всем. Покупатели к нам валом повалят. Не в этом году, так в следующем. А значит, мы будем расти, расширяться...

Он вальсировал с нею на руках и смеялся, смеялся как ребенок. А поставив наконец на пол, поцеловал. И это вос-

принималось как совершенно естественное продолжение их общего праздника. Так целуются не влюбленные, а друзья, успешно справившиеся с работой.

Но как только их губы сомкнулись, все изменилось. Их поцелуй все расставил по своим местам. Ощувив влажную податливость Каролининых губ, Ринк затрепетал от желания.

Стремясь понять, как она реагирует на его прикосновения, Ринк жадно всмотрелся в лицо Каролины. Все в ее облике было ему мило: и яркий румянец, и золотисто-рыжие волосы, и лучистые глаза, и алые губы.

Каролина выжидательно замерла, заметив, что дыхание Ринка участилось, а в глазах появился жаркий блеск.

Он хотел ее! Видит Бог, хотел! Он хотел слиться с ней воедино, сделать ее своей навсегда... Но она поклялась быть верной его отцу, пока смерть не разлучит их... И даже теперь, после смерти, отец не утратил своей власти над ними обоими. Каролина до сих пор принадлежала его отцу...

И как только Ринк об этом вспомнил, он отпустил Каролину. Руки Ринка безвольно повисли вдоль его тела, и он медленно отступил назад. Взгляд еще какое-то время был прикован к любимым чертам, но Ринк мужественно отвел глаза.

Каролина была потрясена и разочарована, но старалась не показывать своих чувств.

Ринк направился к двери.

– Пожалуй, мне стоит угостить парней пивом и рассказать про наш успех с «Дельта Милс». Пусть воодушевятся и ра-

ботають еще усердней.

– Да, это ты здорово придумал, Ринк. Увидимся дома!

Он кивнул.

– Я постараюсь долго не засиживаться.

По дороге домой Каролина заехала в супермаркет. Там ее тоже ждал сюрприз. Но отнюдь не приятный. Оказывается, по городу уже поползли сплетни...

А дело было так. Хейни позвонила на фабрику и попросила Каролину купить кое-что из продуктов.

– Хорошо, – сказала Каролина. – Я скоро буду. Ринк немного задержится после работы, так что давай устроим ужин на полчаса позже обычного.

В магазине Каролина встретила двух знакомых женщин, которые смотрели на нее с нескрываемым любопытством. Одна из них была самой отчаянной сплетницей на всю округу. Дочь ее, ровесница Каролины, вышла замуж за рабочего. Он любил выпить, и потому на заводе, где он работал, его терпели с трудом. Дочь городской сплетницы в свое время пользовалась успехом у мальчиков. Она как раз принадлежала к той компании, в которую не допускали Каролину. Как, должно быть, ее взбесило, что дочка пьянчуги Доусона так удачно вышла замуж! Ее приятельница была хозяйкой химчистки и тоже любила перемывать косточки ближним, благо общение с многочисленными клиентами давало ей такую возможность.

Каролина с радостью избежала бы разговоров с этими гримзами, но, увы, не поздороваться с ними было нельзя. Решительно вздернув подбородок, она пошла прямо на них.

– Здравствуйте, миссис Лейн! Добрый день, миссис Харпер!

– Здравствуйте, миссис Ланкастер! – в один голос ответили они. Их сердечность была явно преувеличенной. – Как вы поживаете? Мы вам очень сочувствуем. Бедный мистер Ланкастер!

– Похороны прошли прекрасно! Просто прекрасно! – заявила миссис Лейн, даже не отдавая себе отчета в абсурдности такого утверждения.

– Спасибо, – кивнула Каролина и двинулась было дальше, считая, что долг вежливости исполнен с лихвой, но миссис Харпер не собиралась так быстро ее отпускать.

– Ринк вас, верно, поддерживает в трудную минуту. Как все-таки хорошо, что он вернулся домой!

«Осторожней! – предупредила себя Каролина. – Это пирани, им только дай повод – они живого места на тебе не оставят».

– Возвращение Ринка очень много значит для Лауры Джейн и Хейни, нашей экономки, – спокойно сказала она. – Они рады, что он снова дома. Если, конечно, в такие дни вообще уместно говорить о радости.

Сплетницы буквально на лету ловили каждое ее слово.

– И сколько же он здесь пробудет? У него ведь большой

бизнес в Атланте. Мы все теперь, наверно, кажемся ему такими жалкими и ничтожными, как и сам наш городок.

– О, нет. Ринк любит Уинстонвилль. Тут его корни. Самим своим названием наш городок обязан предкам Ринка. И Укромный уголок всегда будет его домом.

Аппетиты хищниц разгорелись еще больше. Они придвинулись поближе, словно намереваясь вгрызться своей жертве в глотку.

– Да, но ведь с тех пор, как вы вышли замуж за мистера Ланкастера, это и ваш дом. А может, вы намерены жить там все вместе? Большой дружной семьей?

– Вот именно, – холодно улыбнулась Каролина. – Большой дружной семьей.

– Это замечательно! – с энтузиазмом заверещали сплетницы.

– Передавайте привет Саре, – сказала Каролина матери своей одноклассницы. – Я слышала, она снова стала матерью.

– Да, это уже четвертый ребенок. – Бесцветные глазки с завистью впились в стройную фигуру Каролины. – Какая жалость, что мистер Ланкастер не подарил вам ребенка! Маленький ангелочек служил бы юной маме утешением в ее горе.

Каролина никогда в жизни не сталкивалась с таким лицемерием. В другой момент это ее, наверно, позабавило бы, но сейчас это замечание вконец вывело ее из себя.

– Но зачем Каролине ребенок, Фло? – подала голос мис-

сис Харпер. – У нее есть Ринк. Он ее утешает. И еще Лаура Джейн, милейшее создание, сущее дитя.

– Ах да, Ринк! Ну конечно! Я совсем забыла о Ринке и его бедной сестре.

– Мне пора. До свидания! – торопливо сказала Каролина и устремилась прочь.

Усилием воли она все же заставила себя купить все необходимое, хотя единственным ее желанием было поскорее выскочить на улицу и уехать. Каролина чуть не плакала от обиды и унижения.

При жизни Роско никто не смел так с ней разговаривать. Знакомые неизменно выказывали почтение супруге Ланкастера, пусть зачастую оно и было показным. Однако судя по всему, на вдову Роско это уже не распространялось. Она опять стала для них Каролиной Доусон. Похоже, ей так и не смыть с себя клеймо дочери пьяницы. Она может жить как святая, но, помня о ее происхождении, все в городе все равно будут подозревать ее в смертных грехах и предосудительных поступках.

Почему, почему она не может уехать подальше от этих ограниченных, самодовольных людишек?

По той же причине, что и Ринк. Ее корни тоже здесь. Это и ее родной город. И пусть Ринк принадлежит к сливкам общества, а она – к дну, но корни эти не менее крепкие. Какая вопиющая несправедливость – с самого рождения закреплять за человеком его место под солнцем, лишая всякой надежды

изменить это! Выходит, неважно, что она фактически является директором процветающей фабрики? И окончила колледж... А может, ее успехи лишь распалют их зависть?

Но тогда зачем ей терпеть все это?! Почему бы не уехать туда, где ее никто не знает?

«Ответ ясен – из-за Укромного уголка», – честно призналась себе Каролина.

Сколько она помнила себя, столько мечтала жить в Укромном уголке. Но теперь, когда Ринк получит его в наследство, куда ей деваться? Может, действительно лучше уехать из города и не возвращаться сюда?

Нет... Она снимет дом в Уинстонвиле и снова будет мечтать об Уголке. Потому что расстаться с ним навсегда невозможно. Для нее это гибель. Для нее это единственное место, где она хотела бы и могла жить.

За ужином Каролина сидела, не проронив ни слова. Ринк настоял, чтобы они ужинали в парадной гостиной – ему хотелось отметить подписание выгодного контракта. Хейни и Лаура Джейн весело щебетали, но Каролине после сцены в супермаркете было трудно разделить их радость.

Поймав на себе вопросительный взгляд Ринка, Каролина постаралась встряхнуться и к концу ужина немного оживилась.

Вечером она решила немного прогуляться. Вечер выдался прохладный. Ветерок тихо шелестел листвой. Каролина села

на качели, висевшие на большом ореховом дереве в дальнем конце парка. Это было ее любимое место. Рядом еле слышно струилась в ручье вода. Стволы деревьев поросли серебристым мхом. Еле касаясь мыском туфли мягкой зеленой травы, Каролина лениво раскачивалась взад и вперед, мысли ее блуждали далеко.

Но покой ее вскоре был нарушен. Длинная тень отделилась от дерева и неслышно приблизилась к ней.

– Что случилось, Каролина?

– Господи, в твоих жилах явно течет индейская кровь! Только индейцы умеют ходить так бесшумно.

– Я пришел не для того, чтобы обсуждать, у кого какая кровь. Отвечай, что случилось?

– Как ты узнал, что я здесь?

– Какая разница? – Ринк ухватился за веревки и остановил качели. – Так что же случилось?

Она беспокожно заерзала.

– Ничего.

– Не притворяйся. Скажи мне правду.

– Это правда.

– Послушай, я не сойду с этого места, пока не выясню, в чем дело. Учти, к ночи у здешних москитов просышается зверский аппетит. Так что если не хочешь стать добычей для кровопийц, лучше признайся, из-за чего ты расстроена. Что-нибудь на фабрике стряслось? Или я в чем-то виноват?

– Будь проклят этот город! – в сердцах воскликнула Ка-

ролина, прыгивая с качелей.

Ринк от неожиданности выпустил из рук веревки и попятился. Вспышка Каролины застала его врасплох.

– Чем тебе наш город не угодил?

– В нем слишком много подлых глупых людишек.

Ринк тихо рассмеялся:

– Неужели ты только сейчас об этом узнала?

– Нет. Я знала это с тех пор, как научилась ходить и ковыляла рядом с мамой, которая развозила по домам на тележке чистое белье своим клиентам. Я всегда знала, что наши соседи – тупые, высокомерные жлобы! – Каролина отвернулась от Ринка и прислонилась к стволу дерева, уткнувшись в него лбом. – И ничто мне не помогло: ни диплом колледжа, ни престижная работа, ни замужество... Я для них все равно как была, так и осталась оборванкой.

– Корни есть корни, никуда от них не денешься.

– Ты прав. И сегодня мне об этом напомнили.

– Каким образом?

Каролина откинула волосы со лба.

– Да что об этом говорить? Не стоит расстраиваться из-за мелочей.

– И все же я хочу знать.

Каролина, вздохнув, рассказала о своей встрече в супермаркете.

Услышав имена сплетниц, Ринк хмыкнул:

– Не нравится мне это... Ну и что было дальше?

– Они... долго распинались о том, как, дескать, хорошо, что теперь, после смерти Рос-ко, ты живешь со мной под одной крышей. Ну и... намекали... сам понимаешь на что.

– На то, что мы не просто живем в одном доме, да?

Она подняла на него глаза.

– В общем, да.

Ринк тихо выругался.

– Короче, эти дуры все за нас уже решили, так?

– Да.

– Значит, мы, по их мнению, нарушаем запреты, ведем непристойный образ жизни? И у нас с тобой не те отношения, какие должны быть у пасынка с мачехой?

Каролина кивнула, не в силах произнести ни слова. Они долго молчали. Слышался лишь неумолчный стрекот цикад да кваканье лягушек. Ринк и Каролина смотрели друг на друга как зачарованные, не в силах отвести взглядов. Их сердца бились в одном ритме, их дыхание слилось в одно.

– Забудь об этих облезлых кошках, Каролина. Что им еще делать, как не сплетничать? О нас или о ком-нибудь другом. Они всегда перемывают кому-нибудь косточки. Вся их жизнь в этом.

– Я это понимаю, но, Ринк, это так противно – слушать их подлые намеки. Мало ли что они еще выдумают! Скоро я буду бояться выходить на улицу, ездить по городу, заходить в магазины.

Однако и Ринк, и Каролина отдавали себе отчет в том, что

в едких словах местных кумушек была большая доля правды. Даже если в своих прогнозах они и опережали ход событий.

– Было бы глупо разъезжаться до того, как огласят завещание, – вполне резонно сказал Ринк. – Это вызовет еще больше пересудов.

– Да, наверное. Начнутся разговоры о том, кто кого выгнал. Все решат, что ты меня осуждаешь.

– За то, что ты вышла замуж за моего отца?

Они вскинули друг на друга глаза. Каролина отвернулась первой и закусила губу.

– Да, – кивнула она.

– Но почему я должен тебя за это осуждать?

– Потому что я из «плохой» семьи, потому что мой отец – спившийся оборванец. – Каролина отстранилась от шероховатого ствола и отряхнула светлое платье. – И потом... у нас с Роско такая большая разница в возрасте.

На сей раз, встретившись с ней глазами, Ринк не спешил отводить взгляд.

– Знаешь, вообще-то так и есть, – прошептал он, подходя к Каролине. – Я действительно тебя за это осуждаю.

– Не надо, Ринк, – Каролина метнулась в сторону, но бежать было некуда – деревья загораживали ей путь к отступлению.

– Но почему тебя так волнуют глупые сплетни, Каролина? – вкрадчиво спросил Ринк, делая еще один шаг к ней. –

Ведь твоя совесть чиста. И ничего плохого в нашем доме не происходит.

– Конечно! Поэтому мне и неприятны все эти идиотские разговоры.

Ринк придвинулся еще ближе.

– Мы не нарушаем никаких запретов.

– Да, Ринк!

– Обманщица! – прерывистым шепотом воскликнул Ринк и, взяв Каролину за подбородок, заставил поднять голову. – Ну, скажи! Поклянись, что между нами не проскакивает искра!

Каролина застонала и попыталась высвободиться из рук Ринка, но он не позволил.

– Скажи, что ты видишь во мне только сына Роско – твоего пасынка. И даже думать забыла о том дождливом дне. Скажи, чтобы я никогда больше не целовал тебя! Что тебе противны мои прикосновения. Ты можешь сказать мне все это, Каролина?

В ответ она медленно покачала головой, глядя на него испуганными глазами.

– Так я и думал, – заключил Ринк, властно привлекая ее к себе.

Каролина беспомощно взмахнула руками, словно птичка, пойманная в силки, и... уперлась ладонями в плечи Ринка.

– Поцелуй меня, Каролина! Ты же хочешь. Я вижу, ты этого жаждешь.

И он был прав. Покорно вздохнув, Каролина обвила руками шею Ринка и разомкнула губы. Язык Ринка принялся осторожно обследовать каждый закоулочек теплой, уютной пещеры ее рта, и это был такой возбуждающий призыв, что остатки сопротивления Каролины были сломлены в одну секунду.

Ринк неумолимо звал ее за собой каждым жестом, каждым движением. Его поцелуи становились все более долгими и призывными. Она умирала от желания. Только он, он один мог заполнить эту ноющую пустоту, которая ширилась и готова была поглотить Каролину без остатка.

Рука Ринка проникла в лиф ее платья. Пальцы сжали тонкий шелк ее комбинации, прикрывающей трепещущую грудь.

Его медленные, томные ласки действовали на Каролину завораживающе.

С губ Ринка срывались то слова восторга, то проклятия, и это странное, удивительное сочетание было для нее сладостней самой прекрасной любовной песни. Она слышала в его голосе собственное отчаяние, неутоленный голод и горечь подавленного желания. Ласки Ринка доставляли Каролине невыразимое удовольствие.

Она содрогалась всем телом, словно от разрядов электрического тока, и чувствовала, что, если это продлится еще хотя бы минуту, пути назад уже не будет.

– Нет, Ринк! Нет! – вскричала Каролина, прикрывая грудь

ладонями. – Не надо! Мы не можем.

Сердце Ринка готово было вырваться наружу. Волосы разлохматились, зрачки расширились, в глазах потемнело.

– Почему? Из-за моего отца?

– Нет, нет, – жалобно прошептала она, застегивая платье, – Из-за этих сплетен. Я не хочу оправдывать ожидания обывателей. Не хочу давать им повод говорить, что я соблазнила сначала Роско, а потом и его сына.

– Да плевать мне на их мнение!

– А мне нет, – Каролина неожиданно осознала, что слезы залили ее лицо. – Ты сам сказал, что от своих корней нам никуда не деться. Твои предки – Уинстоны и Ланкастеры. И потому все твои поступки в глазах окружающих безупречны. Никто не дерзнет тебя критиковать. А я... я родилась на помойке и не могу наплевать на общественное мнение.

Ринк чертыхнулся:

– Но пойми, я не могу жить с тобой под одной крышей и делать вид, что мне безразлично твое присутствие.

– Я понимаю.

Он вдруг рассвирепел:

– Ты добивалась, чтобы я тебе в этом признался? Да? Надеюсь, теперь ты довольна?

– Я не добивалась. Я и так это знаю, – опустив голову, пробормотала Каролина и еле слышно добавила:

– Я ведь тоже хочу тебя, мне трудно быть рядом с тобой и не быть с тобой вместе.

Ей показалось, что глаза Ринка подозрительно увлажнились. А может, в них просто отразился свет луны?.. Ринк раскрыл рот, но из него не вылетело ни звука. Кулаки его судорожно сжимались и разжимались. Он весь был как натянутая струна.

Каролина вытерла слезы.

– Теперь ты понимаешь, почему я не могу быть с тобой, Ринк? Эти женщины правы. Я хочу тебя. Но никто из нас никогда не забудет, что я была женой Роско.

Он резко отвернулся, а когда наконец снова посмотрел на Каролину, лицо его было суровым и решительным.

– Что ты намерена делать, когда завещание будет оглашено?

Она уже не стыдилась своих слез.

– То, что я с самого начала считала для себя единственным выходом. Я уеду отсюда.

Ринк молча кивнул и зашагал прочь. Каролина же опустилась на качели и зарыдала, уткнувшись лицом в ладони.

И никто из них не заметил, как чья-то тень промелькнула за деревьями и исчезла.

– Стив? – Свет в комнате конюха не горел, но черно-белый телевизор работал, и экран отбрасывал на стены серебристые отблески.

– Лаура Джейн? – недоверчиво переспросил Стив.

– Тут так тихо, мне даже показалось, тебя нет. Ты что, спал?

Стив смущенно натянул простыню на обнаженную грудь. Он уже лежал в постели и, когда девушка вошла к нему в комнату, приподнялся на локте.

– Нет, я не спал. Но что ты, скажи на милость, здесь делаешь? Если твой брат тебя здесь обнаружит...

– Не обнаружит. Он только что куда-то уехал на новом грузовике. О, Стив! Они с Каролиной... Господи, я ничего не понимаю!

Лаура Джейн зарыдала и бросилась к нему на шею. Стиву ничего не оставалось, кроме как обнять ее.

– В чем дело? Что случилось? Чего ты не понимаешь?

– Не чего, а кого. Я не понимаю Ринка. Совершенно не понимаю! Тебе он не разрешал со мной целоваться, как будто это ужасно стыдно. И даже подрался с тобой, помнишь? А теперь они с Каролиной делают то же самое. Но если нам так вести себя нельзя, почему им можно? Они ведь тоже не женаты.

– Разве ты видела, как они целовались?

– Да. Возле качелей. Они меня не заметили.

Стив в волнении провел рукой по волосам. Опасаясь еще больше расстроить Лауру Джейн, он медлил с ответом. Потом осторожно произнес:

– По-моему, ты увидела что-то недозволенное.

Лаура Джейн вскинула голову.

– Ты хочешь сказать, мне не надо было смотреть? Хейни говорит, подслушивать и подглядывать плохо.

– Да, Хейни права. Воспитанные люди так себя не ведут.

Лаура Джейн смущенно теребила край простыни.

– Я знаю, что поступила нехорошо. Но понимаешь, я услышала их голоса, а когда подошла, Ринк уже целовал Каролину. Они стояли так близко друг к другу. Мне даже показалось, что это один человек.

Лаура Джейн запустила руку в густые волосы на его груди, и Стив вдруг вспомнил, что на нем нет даже майки. Лаура Джейн сидела на самом краешке кровати, касаясь бедром его ноги.

А девушка тем временем как ни в чем не бывало продолжала свой рассказ:

– Каролина сказала, что они не должны целоваться, иначе люди будут говорить о них плохо. Ринк стоял тихо-тихо. Как будто хотел ударить кого-то. Но только не Каролину! Ее он, по-моему, хотел поцеловать еще раз. – Голос Лауры Джейн дрогнул. – А Каролина сказала, что, как только завещание

будет прочитано, она уедет. Но я не хочу! Не хочу, чтобы она уезжала! Я люблю ее. И Ринка люблю. И хочу, чтобы мы всегда жили вместе.

Стив погладил ее по руке. Из разрозненных элементов складывалась довольно стройная картинка. Он вспомнил, как Каролина сказала Ринку о том, что Роско когда-то разлучил их. Значит, когда-то они были близки, однако потом Ринк уехал, и Каролина вышла замуж за его отца. Но сейчас они снова встретились, и их потянуло друг к другу...

– Да... Ну и дела... – прошептал Стив, ловя губами прядку волос Лауры Джейн.

– Знаешь, о чем я мечтаю? – спросила она.

Он осторожно дотронулся до лица девушки, восхищаясь ангельской красотой ее черт, чистотой помыслов, простодушием и благородством. Ему редко доводилось встречать такие качества в людях. Честно говоря, до знакомства с Лаурой Джейн он вообще считал всех, в том числе и себя, негодьями.

– О чем ты мечтаешь? – тихо переспросил Стив.

– Чтобы они любили друг друга, как мы с тобой.

Ему захотелось и засмеяться, и заплакать, и поцеловать ее. Но сделал он только третье.

– Стив! – прошептала Лаура Джейн.

– Да? – откликнулся он, изумляясь тому, какая тонкая у нее кожа.

– Ты снял протез?

Он резко остановился и бросил взгляд на пластмассовую ногу, прислоненную к кровати.

– Да, снял.

– Можно мне посмотреть? – Лаура Джейн потянулась к простыне. – Пожалуйста.

– Нет, – никогда еще он не говорил с ней так жестко и холодно.

Она даже испугалась, но только на мгновение.

– Ну пожалуйста, Стив! Прошу тебя.

Стив сердито насупился и убрал руки. Да пусть смотрит в конце концов! Лучше пусть отшатнется от него сейчас, чем потом, когда он еще сильнее в нее влюбится. Да-да, лучше пусть она сейчас убежит прочь, задыхаясь от ужаса и отвращения, чем через несколько месяцев. Он жалкий урод, калека, и чем скорее Лаура Джейн это осознает, тем лучше будет для них обоих.

Простыня соскользнула на пол. Из окна повеяло прохладой. Стив стиснул зубы и уставился в потолок. Он не желал видеть, как на лице Лауры Джейн отразится ужас. И с огромным удовольствием заткнул бы уши, чтобы не слышать ее испуганных восклицаний, но не решился, побоявшись обидеть девушку.

Он ее, разумеется, ни в чем не винил. Лауру Джейн с детства ограждали от всяческого уродства и безобразия. Ее мир всегда был прекрасен, сплошная нежность и изящество. В этом мире не было места ужасам и жестокостям, с которыми

пришлось столкнуться ему.

Однако этой реакции он не ожидал. Лаура Джейн затаила дыхание и смотрела на его ногу с благоговением. Потом осторожно погладила пальчиком розовую культю. Стив не верил своим глазам.

– Какой ты красивый!

Глаза ее были полны слез. Сколько ни старался, Стив не мог найти в них отвращения или жалости. В них сквозила только безграничная любовь.

Стив судорожно вздохнул и прижал Лауру Джейн к своей груди.

Никогда еще он не целовал ее с такой пылкостью. Язык его нырнул к ней в рот и закружился там, словно пчела, собирающая с цветка сладкий нектар. Лаура Джейн, подражая Стиву, принялась легонько покусывать его губы.

– Боже мой! Милая... – Стив положил голову Лауры Джейн к себе на плечо, пытаясь остановить ее и себя, перевести дух и обуздать себя. Трусы его, казалось, вот-вот лопнут. Кожа пылала, особенно в тех местах, к которым прикасалась Лаура Джейн. Он принялся гладить ее грудь, надеясь таким образом хоть немного выплеснуть свою страсть, но это лишь еще больше распалило его желание.

– Мне почему-то здесь щекотно, – призналась девушка, указывая на свою грудь и низ живота.

Стив невесело усмехнулся:

– Мне тоже.

– Послушай, как сердце бьется, – Лаура Джейн приложила его руку к своей груди.

Стив ласково погладил нежный холмик и, стиснув зубы, пробормотал:

– У меня тоже.

– А когда занимаешься любовью, оно тоже так стучит?

Стив в ответ лишь кивнул.

– Но мы не можем этим заниматься, потому что мы не женаты, да?

– Да, малышка. Не можем. Это нехорошо.

Для нее, но не для него! Для него это, наоборот, было бы высшим блаженством. Стив не сомневался в том, что, вкусив этой радости, он не пресытился бы ею до конца своей жизни.

Лаура Джейн выпрямилась и погладила Стива по щеке. Логика ее была предельно проста и понятна.

– Ну что ж. Если так, то давай поженимся. Я не могу больше терпеть.

Люди, собравшиеся в гостиной, были подавлены серьезностью происходящего. День выдался под стать их тревожному настроению. Грозовые облака нависали над горизонтом, но дождь никак не начинался. Его ждали с нетерпением, ибо духота стояла невыносимая.

Этого дня в Укромном уголке и ждали, и боялись. Чтение завещания дважды откладывалось. Первый раз из-за Ринка, который был вынужден неожиданно улететь в Атланту по де-

лам своей авиакомпанией, а во второй раз из-за Грейнджера.

Каролина втайне была этому рада. Она уже давно собиралась подыскать себе другое жилье, какой-нибудь небольшой, но симпатичный домик, не в городе, но и не очень далеко от него, чтобы было не страшно жить там одной. Однако никак не могла собраться с духом и постоянно откладывала осуществление своего замысла. Мысленно оправдывая свое бездействие тем, что фабрика поглощает все свободное время и силы, Каролина на самом деле пользовалась этим как прикрытием.

Впрочем, они действительно обработали в этот сезон очень много хлопка. Каролина и Ринк уезжали на фабрику ни свет ни заря и возвращались на ночь глядя. Почти весь хлопок был уже расфасован и лежал на складе, готовый к отправке в разные фирмы. Ну а «Дельта Милс» давно получила свою партию товара. Ринк сам перевез его на грузовом самолете.

Совместная работа доставляла Каролине и Ринку величайшую радость. Однако к ней примешивалась горечь предстоящей разлуки. Оба понимали, что заботы о фабрике – это для них единственный предлог побыть вместе. После сцены у качелей Ринк ни разу не пытался обнять Каролину, но страсть по-прежнему сжигала обоих, не давая им ни минуты покоя.

Грейнджер кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.
– Надеюсь, все готовы? Можно начинать?

Он сидел за маленьким столиком, на котором лежал большой коричневый конверт.

Лаура Джейн и Ринк примостились на кушетке, нежно держа друг друга за руки. Каролина села слева от них, Хейни, которую тоже пригласили, справа.

Грейнджер вынул из нагрудного кармана пиджака очки в металлической оправе и водрузил их на крупный нос. Потом вынул из конверта многостраничное завещание, расправил сложенные вдвое листки и начал читать.

Роско никогда не был филантропом. В свое время он страшно злился на Марлену, которая оставила небольшую сумму денег на благотворительность. Если он и делал при жизни какие-то пожертвования, то только ради уменьшения налогов. Однако в завещании он отписал довольно большие деньги церкви, в которую почти не заглядывал при жизни.

Грейнджер выдержал паузу, налил в стакан воды из графина, который Хейни специально для него поставила на стол, сделал несколько глотков и принялся читать дальше. Голос его звучал бесстрастно, но в нем чувствовалась нерешительность. Мало-помалу всем стало ясно, что смущало адвоката. Дочитав завещание до конца, Грейнджер убрал листки обратно в конверт и снял очки.

Молчание повисло в комнате. Даже Лаура Джейн, не до конца понимавшая смысл завещания Роско, почувствовала его несправедливость.

– А Ринку? Ринку он ничего не оставил? – Лаура Джейн

обратилась к Грейнджеру, но взгляд ее упал на брата, лицо которого казалось высеченным из камня или изо льда.

– Старый мерзавец! – возмущенно прошипела Хейни и метнулась из комнаты, решив отказаться от денег, которые Роско завещал ей «за долгую и преданную службу мисс Лауре Джейн».

Каролина медленно встала и нерешительно шагнула к кушетке.

– Ринк, мне очень жаль...

Он вскочил, бросил на нее уничтожающий взгляд и стремительно вышел из комнаты. В его движениях вдруг появилась какая-то зловещая грация. Словно у пантеры. Каролина растерянно оглянулась. Лаура Джейн нервно теребила в руках носовой платочек.

Грейнджер догнал Ринка в холле.

– погоди! – Адвокат схватил Ринка за рукав. – Поверь, мне очень неприятно, что так получилось. Я пытался переубедить Роско. Ей-Богу, пытался.

– Ну и зря, – горько усмехнулся Ринк.

– В свое время я убеждал Марлену, чтобы она не переписывала на его имя дом и землю. Но она меня не послушала. После ее смерти все отошло к Роско. Я и тогда не был от этого в восторге, а уж теперь...

– Теперь у Укромного уголка будут другие хозяева. Отныне он переходит от Уинстонов к Доусонам.

Надо было видеть, с каким отвращением Ринк выговорил

девичью фамилию Каролины!

– Ты ошибаешься, если думаешь, что Каролина имеет хоть какое-то отношение к завещанию Роско.

– Неужели?

– Да! Она ничего не подозревала. И учась в колледже, понятия не имела, кто за нее платит.

Ринк изумленно вскинул брови:

– Ты знаешь?

– Знаю, – тихо ответил Грейнджер. – Я был в курсе того, как много Роско для нее делал. И меня всегда это поражало. Я бы, конечно, решил, что она его любовница, если бы... короче, этим он занимался с другими... – Грейнджер бросил на Ринка пронизательный взгляд и добавил:

– А недавно я догадался, где собака зарыта. Он хотел посадить тебе, да?

Ринк понял, что адвокат догадался о многом, но не обо всем. Самый важный элемент головоломки отсутствовал, и Ринк не собирался посвящать Грейнджера в свою тайну.

Вместо этого он сказал:

– Что ж, в таком случае мой отец преуспел. Большой сви-
ньи он мне подложить не мог.

И выбежал из дома, оглушительно хлопнув дверью.

Каролина была в полном отчаянии. Она заполучила то, о чем мечтала всю жизнь. Но какой ценой? Ценой утраты любимого человека!

– Да, но зачем мне фабрика, Каролина? – внезапно раз-

дался недоуменный голос Лауры Джейн. – Что мне с ней делать? Я же и была-то там всего пару раз.

Каролину захлестнула жалость к милой глупышке, и это даже отвлекло ее на время от печальных мыслей.

– Не волнуйся, дорогая. Отец завещал тебе только доходы, все остальное не должно тебя тревожить.

– А как же ты?

– Я буду управлять фабрикой вместо тебя и получать зарплату. А Грейнджер будет давать нам советы. Так что не тревожься, все останется по-прежнему.

– И ты никуда не уедешь? Да?

– Ты же слышала, что сказал Грейнджер. Твой папа подарил мне этот дом, – Каролина закрыла рукой глаза, в которых заблестели предательские слезы.

Она не обманывалась на счет Роско. Стариком двигало отнюдь не благородство. Просто он понимал, что нет лучшего способа заставить Ринка ее ненавидеть, чем подарить ей Укромный уголок. Ведь это дом Марлены, его матери, самое дорогое, что у него есть!

– Ты останешься, а Ринк уедет, – жалобно всхлипнула Лаура Джейн.

– Уедет, – не менее жалобно откликнулась Каролина и поспешила отослать девушку к Хейни, чтобы можно было дать волю слезам.

– Что ты здесь делаешь?

– Жду тебя.

– Вероятно, я должен быть польщен столь высокой честью...

– Я думаю, нам надо поговорить.

– О чем?

– Не строй из себя дурака.

– Вот как? – Темные брови Ринка поползли вверх. – А ты, как я погляжу, осмелела. Ну еще бы, владелица особняка!

В холле царил полумрак. Было уже поздно. На ужин Ринк не явился, и Каролина не была уверена, что он вообще вернется. Она лишь надеялась, что ему захочется попрощаться с сестрой. Не мог же Ринк уехать, даже не сказав ей «до свидания»! Каролина решила перехватить его у лестницы. Наконец к дому подъехал грузовик. Каролина застыла как изваяние, на второй ступеньке. Ринк встал на первую и... столкнулся с ней нос к носу. Вид у него был воинственный.

– Ты имеешь полное право сердиться на меня.

– Спасибо за разрешение. А то я уж не знал, как мне быть.

– Ринк, не надо... Прошу тебя.

– Что «не надо»?

– Обвинять меня в том, что Роско составил такое завещание! Я тут ни при чем. Я была поражена не меньше тебя. Мне кажется, тебе следует его оспорить.

– Чтобы он, где бы ни витала сейчас его душа, а заодно с ним и весь город порадовались? Нет уж, спасибо.

«Но Роско же умер! Какое нам дело до, него!» – хотелось

воскликнуть Каролине.

Когда наконец прекратится эта затяжная война между отцом и сыном?

– Мало ли что говорится в какой-то бумаге, – изо всех сил стараясь сохранить спокойствие, сказала она. – Укромный уголок принадлежит тебе, Ринк. И всегда будет принадлежать. Если захочешь, ты можешь жить здесь до конца своих дней.

Ринк горько усмехнулся:

– Завещание предусматривает такое право только для Лавуры Джейн. Твое великодушие похвально, мамуля, но мы как-нибудь обойдемся. Нам не привыкать.

Каролина растерянно заморгала, опешив от его враждебности, но тут же гордо вздернула подбородок.

– Я вижу, тебе очень хочется меня обидеть. Хорошо. Продолжай, если тебе от этого станет легче. Не стесняйся в выражениях, я разрешаю.

Ринк схватил ее за поясок и рванул на себя. У Каролины прервалось дыхание. Он намотал пояс на одну руку, а другую, зажмурившись, положил ей на грудь.

Но тут же отпрянул.

– Извини, Каролина. Ты права, я чертовски зол. Но не на тебя. Понимаешь, самое ужасное, что с ним уже не побороться. Он ускользнул от меня, и я ничего не могу с этим поделать.

Ринк в сердцах стукнул кулаком по дубовым перилам. Ка-

ролина инстинктивно потянулась к нему, чтобы утешить, но он отдернул руку, приняв выражение любви за унижительную жалость.

– Куда ты сегодня ездил? – тихо спросила Каролина.

Ринк глубоко вздохнул. Его рубашка распахнулась, и Каролина увидела мужественную волосатую грудь.

– Да никуда... Просто мотался по городу. – Ринк посмотрел на нее с тоской. – Я родился в этом городе, Каролина. И я люблю этот город, хотя люди тут далеки от совершенства. Но ведь я и Лауру Джейн люблю, а она уж тем более не идеал. Когда я уеду, мне будет очень не хватать всего этого.

– Значит, ты твердо решил уехать?

– Да. Утром.

Каролина невольно схватилась за сердце. Так скоро?! Господи... Он больше не вернется... Теперь, соскучившись по Лауре Джейн, он будет приглашать ее к себе в Атланту.

– Как он чудовищно поступил с тобой, Ринк! Он ведь ничего не оставил тебе... ровным счетом ничего!

В глазах ее блеснули слезы. Слезы жалости, любви, тоски по несбывшемуся. Ринку вдруг захотелось обнять ее, прижаться головой к ее груди, потрогать губами ароматную кожу. Ее ласки послужили бы ему утешением... Хотя бы временным...

Окрыленный этими мыслями, Ринк чуть было не высказал их вслух, но тут на память ему пришли слова, которые он хотел бы позабыть навсегда:

«Ты никогда не прикоснешься к этой женщине, Ринк. Я тебя знаю. Ты из породы Уинстонов, и гордость не позволит тебе доедать мои объедки. Ведь Каролина принадлежала мне. Я был ее первым мужчиной. И ты этого не забудешь по гроб жизни».

– Нет, кое-что он мне все же оставил, Каролина, – хрипло пробормотал Ринк. – Да-да, весьма своеобразное наследство...

И, не сказав больше ни слова, Ринк направился к себе в комнату. Каролина медленно поднялась в свою спальню, разделась и легла в постель, не сомневаясь в том, что в эту ночь ей заснуть не удастся.

Но когда через некоторое время зазвонил телефон, она уже крепко спала.

Нашарив в темноте трубку, Каролина сонно произнесла:
– Алло!

Впрочем, в следующий миг сон как рукой сняло. Каролина бросилась к двери, даже не потрудившись накинуть халат и обуть шлепанцы. Она ворвалась к Ринку и затрясла его за плечо.

– Ринк! Ринк! Вставай!

Он повернулся на спину и непонимающим взглядом уставился на Каролину.

– Но что случилось?

– Фабрика горит!

Ринк спрыгнул с кровати, чуть не сбив Каролину с ног, и

схватил джинсы, висевшие на стуле.

– Откуда ты знаешь?

– Только что позвонил Барнес.

– Это серьезно?

– Пока не ясно.

– Он вызвал пожарников?

– Да.

– Что у вас тут за шум? – В дверях комнаты появилась Хейни, завязывая на ходу пояс халата.

– Фабрика горит.

– Милостивый Боже!

Каролина опрометью бросилась к себе. Ринк уже оделся, а значит, и ей следовало поторопиться, если она собиралась поехать вместе с ним. Она надела то, что попало под руку: старую ковбойку, шорты и сандалии. Ринк уже спускался по лестнице. Каролина бросилась за ним.

– Ринк! Подожди!

– Ты оставайся, здесь, – бросил через плечо Ринк.

– Еще чего!

– Что случилось? – На лестнице показалась Лаура Джейн.

Бледно-розовая ночная рубашка, широко распахнутые глаза – ни дать ни взять говорящая кукла с фарфоровым личиком.

– На фабрике пожар. Ринк с Каролиной сейчас едут туда.

– На пожар?

Ринк матерился как сапожник – новый грузовик упорно

не желал заводиться. Хейни и Лаура Джейн стояли в обнимку на крыльце. Каролина потребовала, чтобы Ринк открыл пассажирскую дверь.

– Никуда ты не поедешь! – рявкнул Ринк.

– Если ты не возьмешь меня с собой, я поеду на своей машине.

Ринк выругал ее на чем свет стоит, но все-таки открыл дверь.

На ходу надевая майку, на шум приковылял Стив.

– Что случилось?

– Пожар! Фабрика горит! – крикнула Каролина.

– Я с вами.

– Нет, Стив! – испугалась Лаура Джейн.

– Стив, ты лучше оставайся с Лаурой Джейн и Хейни, – сказала, выглянув в окошко, Каролина.

– Да, останься с ними, – буркнул Ринк.

Грузовик уже завелся, но Ринк не мог тронуться с места, потому что Стив держался за ручку двери.

Стив напряженно произнес:

– Вам моя помощь нужнее. Я поеду с вами.

– Стив! – Лаура Джейн пулей слетела с крыльца и припала к Стиву. – Не уезжай. Я боюсь за тебя.

– Не бойся, крошка, – ласково сказал он. – Ты ведь останешься за главную. Будешь успокаивать Хейни и приготовишь к нашему возвращению завтрак. Договорились?

– Договорились, – просияла Лаура Джейн. – Только будь

осторожен.

– Не волнуйся! – Стив поцеловал девушку в губы и сел в кабину рядом с Каролиной.

Ринк смерил его суровым взглядом, но от комментариев воздержался.

Грузовик рванул с места.

К счастью, пожарные прибыли быстро и сумели обуздать пламя, пока оно не охватило все здание. Старый Барнес сработал оперативно.

Едва переступив порог фабрики, Каролина кинулась в свой кабинет – больше всего ее волновало, целы ли бухгалтерские счета. Однако Ринк схватил ее за руку и потащил к выходу. Каролина вырывалась, возмущенно кричала, но Ринк был неумолим. А когда она немного успокоилась, сурово сказал:

– Не смей дурить! А то доведешь меня до инфаркта.

Она поняла, что с ним шутки плохи, и притихла.

Впрочем, на фабрике дел все равно хватало. Ринк велел добровольцам вынести со склада тюки с хлопком. Стив работал за троих. Он даже позабыл про свою больную ногу. Каролине было велено не допускать на фабрику посторонних. Поэтому она уверяла собравшихся у ворот зевак, что на фабрике уже все в порядке.

Через два часа огонь погасили полностью.

Начальник пожарной команды сказал:

– Это поджог. Хотя, конечно, если бы электропроводка не

была обветшалой, огонь так быстро не распространился бы.

Ринк пригладил почерневшей от копоти рукой волосы.

– Да, проводку действительно надо менять. Ущерб серьезный?

– Мог быть гораздо серьезней, если бы мы не подоспели вовремя.

– Слава Богу, мы уже успели вывезти большую часть хлопка, – сказала Каролина.

Теперь, когда беготня кончилась, самое страшное осталось позади, на нее навалилась усталость.

– У вас есть какие-нибудь соображения насчет того, кто мог устроить поджог, миссис Ланкастер? – спросил шериф.

– У меня есть, – подал голос Барнес. – Мне сообщили о пожаре по телефону. И я думаю, это сделал один из поджигателей. В последний момент струсил – и на всякий случай позвонил. Он, разумеется, не назвался, но я уверен, что это один из тех, кого ты недавно выгнал, Ринк.

По просьбе шерифа Ринк назвал фамилии уволенных работников.

– Неприятная история, – протянул шериф. – И давно они работали на вашей фабрике?

– Я тут вообще ни при чем, – отрезал Ринк. – Они работали на фабрике моего от-ца. – Он вдруг заметил, что Каролина едва держится на ногах от усталости. – Ладно, если мы вам больше не нужны, я отвезу Каролину домой.

– Конечно-конечно! Если мы что-нибудь обнаружим, сра-

зу позвоним.

Стив забрался в кузов. Он лег на спину и всю дорогу пролежал без движения, не в силах пошевелиться.

Едва Ринк подъехал к дому, встревоженные Хейни и Лаура Джейн выбежали на крыльцо.

Ринк открыл дверцу, и Каролина чуть не выпала из кабины. Он еле успел подхватить ее. Лаура Джейн бросилась на шею Стиву, не обращая внимания на то, что он весь в саже и копоти.

– Как ты, Стив? – взволнованно спрашивала девушка.

– Прекрасно.

– По вашему виду я бы этого не сказала, – хмыкнула Хейни. – Бродяги – и те лучше выглядят. Ладно, отправляйтесь мыться, а мы накроем завтрак.

Они побрели к дому, еле переставляя ноги. Лаура Джейн неохотно выпустила руку Стива, и он направился к конюшне.

– Стив! – окликнул его Ринк.

И когда тот оглянулся, напряженно сказал:

– Спасибо!

– Пожалуйста.

Лица обоих озарились улыбкой.

Лаура Джейн чуть не задохнулась от радости. И Ринк, и Стив были для нее героями. Она их боготворила. Хейни шмыгнула носом, сдерживая слезы. Каролина одобрительно сжала локоть Ринка.

Поднявшись к себе, она торопливо разделась и небрежно бросила вещи на кафельный пол ванной. Все равно придется их выкидывать, ведь избавиться от запаха дыма, ввевшегося в ткань, вряд ли удастся. Волосы бы промыть как следует!

Она несколько раз смыла волосы, вылив себе на голову полфлакона шампуня. Потом долго стояла под душем, смывая с тела черную копоть. Наконец парфюмерные ароматы заглушили запах гари, и Каролина вновь почувствовала себя самой собой. У нее даже не было сил нагнуться, чтобы поднять с пола ворох одежды, поэтому она просто перешагнула через нее, обернула голову полотенцем и сняла с крючка халат.

В дверь постучали.

– Войдите! – отозвалась Каролина, завязывая пояс.

Она ожидала увидеть Хейни или Лауру Джейн. То, что это может быть Ринк, ей и в голову не приходило. Однако в комнату зашел именно он. В руках у него был поднос, а на нем – кофейник и стакан апельсинового сока.

– Вот... Хейни меня прислала, – проговорил он смущенно, не отрывая взгляд от Каролины.

Все его внимание было поглощено этой женщиной в халатике, который скорее подчеркивал, чем скрывал ее прелестные формы. Какая свежая, чистая кожа!.. Какие прекрасные, сияющие глаза! От Каролины пахло жимолостью, росистым лугом, весной.

– Спасибо, Ринк: Я с удовольствием выпью кофе. – Голос

ее дрожал.

Она тоже смотрела на Ринка как замороженная. Его мокрые волосы крупными кольцами спускались на лоб и на шею. Казалось, его голова была вылеплена рукой талантливого скульптура. Он был обнажен по пояс, и Каролина, как ни старалась, не могла отвести взгляд от рельефной груди Ринка, покрытой темными завитками волос. Светлые джинсы туго облегли крепкие бедра.

Он поставил поднос на стол, но уйти не спешил. Впоследствии они не могли вспомнить, кто сделал первый шаг. Впрочем, это было неважно. Главное, что Каролина вдруг оказалась в объятиях Ринка.

И тут же из ее глаз градом покатались слезы, а вместе с ними выплеснулись страх и волнение, терзавшие Каролину в последние часы. Ринк снял с ее головы полотенце и прижался губами к мокрым волосам.

– Мы с тобой еще не все успели сделать, Каролина.

Она подняла к нему заплаканное лицо и улыбнулась:

– Да, Ринк!

– А ведь давно пора, – шепотом договорил Ринк, смахивая слезинки с ее зардевшихся щек.

– Очень давно, – сказала она, и тогда Ринк обернулся и запер дверь.

Наступила полная тишина. Только дверная задвижка щелкнула – и все. Свет в комнате не горел. Солнце уже поднялось над горизонтом, и его лучи просачивались сквозь щелочку в шторах. Большая магнолия, что росла перед окном, благоухала густым сладковатым ароматом.

Каролина, уже не девочка, а взрослая женщина, прекрасно понимающая, чего ждет от нее любимый мужчина и сама жаждущая этого, бесстрашно шагнула в объятия Ринка.

О, как они были теплы! Ринк затрепетал, и она вспомнила, что и в самый первый раз, когда он обнял ее тем далеким летом, его тоже охватил трепет. Казалось, по телу Ринка пропустили электрический ток. Словно впитывая бурлившую в нем энергию, Каролина прижалась лицом к его груди. Мягкие волосы, покрывавшие грудь Ринка, щекотали ее нос, веки, подбородок. Каролина усмехнулась, погладила крепкую, мускулистую грудь и представила себе скалу, поросшую нежным мхом...

Ринк стоял с закрытыми глазами, на его лице было написано невыразимое счастье. Руки соскользнули с осиной талии Каролины на крутые, женственные бедра. Упругие ягодицы напоминали половинки апельсина. Ринк ласково гладил их, легонько сжимал, и эти любовные игры быстро возбуждали в нем жгучее желание.

Каролина моментально это почувствовала и еще теснее прильнула к нему.

– Милая! Милая! – шептал Ринк, уткнувшись в ее влажные душистые волосы.

Потом потянулся к влажным губам, которые охотно раскрылись ему навстречу. Ринк дотронулся кончиком языка до языка Каролины, и тот покорно отступил в глубь рта, словно признавая, кто тут главный. И оба приняли это решение.

Ласки Ринка словно пробудили Каролину от летаргического сна. В ней ожили какие-то неведомые ей самой чувства. Сначала она словно услышала тихую, неясную мелодию, которую подбирают одним пальцем на пианино, потом эта мелодия зазвучала все уверенней и наконец переросла в громкую, ликующую песнь.

Каролина купалась в море новых ощущений. Запах мужского одеколona смешивался с пряным запахом сильного мужского тела и пьянил ее, пьянил до головокружения. Непокорные кудри Ринка щекотали ее лицо. Поцелуи оставляли на губах привкус мяты. Любовный шепот горячил кровь и придавал Каролине смелости.

Они еще не соединились окончательно, а она уже не сомневалась, что Ринк – ее вторая половинка. И так всегда было, есть и будет. Иного не дано. Жребий ее был брошен двенадцать лет назад, в тот момент, когда она впервые увидела Ринка Ланкастера.

Ринк чуть отстранился. Каролина подняла голову и устре-

мила на него затуманенный взор. Ринк медленно снял джинсы.

Боже, как он был прекрасен! Будь Каролина мужчиной, она бы позавидовала его красоте. Стройный, гибкий, мускулистый, идеально сложенный... этакий греческий бог! Грудь и низ живота густо поросли курчавыми волосами.

Взгляд Каролины скользнул еще ниже, и ее захлестнуло такое жгучее, неудержимое желание, что она едва устояла на ногах. Она умирала от вожделения и нисколько этого не стыдилась, ибо эта страсть была освящена настоящей, большой любовью.

– Что-то ты притихла... Уж не боишься ли ты меня, Каролина? – улыбаясь, сказал Ринк. Она засмеялась робко и счастливо.

– Нет... Просто ты такой красивый... глаз не оторвать. – И еле слышно добавила:

– Я хочу тебя.

Он нежно поцеловал ее в губы.

– Спасибо за комплимент. Постараюсь тебя не разочаровать.

Ринк развязал пояс Каролининого халата, медленно раздел ее и замер от восторга. И неудивительно, ведь он впервые увидел ее обнаженной.

Словно не веря своим глазам, он провел пальцем по ее молочно-белой груди и гладкому животу. Его рука медленно скользнула вниз, к темному треугольнику мягких волос.

– Я и не подозревал, что ты так прекрасна, радость моя! – прошептал Ринк, запечатлевая на груди Каролины благоговейный поцелуй.

Она покачнулась.

Ринк лукаво улыбнулся и принялся легонько покусывать нежную пуговку ее соска.

Каролина застонала, вскрикнула и... выгнула спину, подставляя ему другую грудь.

– Милая!

Сколько раз он мечтал о том, чтобы уткнуться в бархатистую ложбинку между грудями Каролины, и вот эти мечты сбываются... Ринк так крепко прижал ее к себе, что она едва не задохнулась.

С обожанием посмотрев на Каролину, Ринк поцеловал ее ладонь и попросил:

– Потрогай меня там. Пожалуйста.

И поднес ее руку туда, где сосредоточились в эту минуту все его желания, где пульсировала его страсть, ненасытная и неутоленная. У Каролины замерло сердце. Отчаянно боясь сделать что-то не то, она сжала пальцы...

– О Боже!

Молитвенно шепча ее имя, Ринк положил сверху свою руку и показал, что нужно делать. Она послушно следовала его указаниям, и он вскоре почувствовал, что не может больше сдерживаться.

Тяжело дыша, Ринк взмолился:

– Погоди, милая... Не торопись!

Жадно припав к губам Каролины, он положил ее на кровать и лег сверху.

Ласки Ринка становились все жарче.

– Я больше не могу ждать...

– А ты не жди! – откликнулась она, прижимаясь к нему.

Но Ринк не хотел спешить. В конце концов, зря он, что ли, ждал целых двенадцать лет! Он снова принялся ласкать ее грудь, доводя Каролину до исступления. Затем, приготовившись войти в нее, Ринк приподнялся на руках и заглянул Каролине в глаза. Невозможно передать, сколько чувств отразилось в тот момент на их лицах!

Позабыв про гордость и стыд, Каролина прошептала:

– Давай, Ринк! Скорее! Иди ко мне, пожалуйста!

В его мозгу промелькнул образ корабля, бросающего якорь в тихой теплой гавани. Якорь погружается в воду... все глубже, глубже и...

Внезапно Ринк напрягся и пронзительно посмотрел на Каролину.

– Каролина! – тяжело дыша, вымолвил он. – Ты... девушка?

– Да! Да! – задыхаясь, ответила она и, сжав его плечи, торпливо проговорила:

– Я не изменяла тебе, Ринк. Никогда. Бери меня. Я твоя.

Он еще секунду помедлил и со сладостным стоном устремился к ней. Движения его были нежны, но настойчивы.

К счастью, длительные ласки Ринка настолько разгорячили кровь Каролины, что она была готова принять его в свое лоно и почти не почувствовала боли. Поцелуй Ринка заглушил ее тихий стон. Мгновение спустя Ринк уже был внутри ее.

Минуты шли. Они лежали без движения, наслаждаясь этим новым единением. Любовь, страсть и боль навеки скрепили их тела и души.

– Господи! Неужели?.. Даже не верится. Неужели это не сон, Каролина?

– Нет, Ринк, не сон, – шепнула она, уткнувшись ему в плечо. – Ты во мне, я люблю тебя, это так прекрасно!.

Он просиял и осторожно пошевелился, все больше пробуждая ее чувственность.

– Правда?

– Правда.

Движения Ринка были осторожными – он боялся причинить Каролине лишнюю боль. Однако кульминационный момент неумолимо приближался.

– Тебе хорошо?

– Да, любимый. Да...

– Каролина... О, Каролина...

Такого блаженства Ринк не испытывал ни разу в жизни. И отдав любимой всего себя без остатка, он упал без сил в ее объятия.

– Не понимаю, почему Каролины и Ринка так долго нет, –

раздосадованно сказала Лаура Джейн.

Она боялась, что приготовленный ею и Хейни завтрак остынет и Стив не сможет оценить его по достоинству.

– Да вы не ждите никого, начинайте есть, – предложила Хейни.

– Я не против подождать еще немного, – откликнулся Стив.

– Нет-нет, не жди. Я же знаю, что ты умираешь с голоду. – Лаура Джейн выделила ему большую порцию омлета. – Сколько тебе ломтиков ветчины положить?

– Два.

– Давай лучше три.

Хейни поставила кофейную чашку на стол.

– Я, пожалуй, поднимусь наверх, потороплю их. Бедняги, наверное, полумертвые от усталости, но пусть сперва позавтракают, а потом можно и поспать немного.

Стив и Лаура Джейн даже не заметили ее ухода – настолько они были поглощены друг другом.

Поднявшись на второй этаж, Хейни обнаружила прелюбопытную картину. Дверь в комнату Ринка была открыта, однако самого Ринка там не оказалось. Ванна тоже была пуста. По крайней мере, когда Хейни туда постучалась, ей никто не ответил.

– Так... – Экономка озадаченно поглядела по сторонам. – Куда же он запропастился?

Внезапно до нее дошло, что дверь, ведущая в комнату Ка-

ролины, заперта.

– Так-так... – задумчиво пробормотала Хейни. – Значит, я послала его к ней с подносом... А теперь ее дверь закрыта, и сдается мне, откроется не скоро... Ладно! В конце концов, не мое дело, чем они там занимаются... Во всяком случае, Ринк ей больше подходит, чем этот старый стервятник...

Хейни одобрительно усмехнулась и пошла вниз.

– Ну что? Они идут? – спросила Лаура Джейн.

– Нет. Завтракайте без них, – ответила Хейни, принимаясь за мытье посуды.

– Почему?

– Да потому что бедняги спят без задних ног.

– Но ты же сама сказала, что им сначала надо поесть! Я пойду разбужу их и...

– Никуда ты не пойдешь! – резко сказала Хейни. – Говорю тебе, они вымотались и спят. Не лезь не в свое дело. Лучше покорми своего голодного друга.

Задетая суровым тоном экономки, Лаура Джейн обиженно насупилась, но вернулась на место. Стив вопросительно посмотрел на Хейни и, без слов поняв в чем дело, лукаво спросил девушку:

– Лаура Джейн, хочешь после завтрака провести жеребенка? Ты давно к нему не заглядывала.

К Лауре Джейн мгновенно вернулась ее обычная жизнерадостность.

– Но я думала, ты тоже хочешь поспать.

– Нет, – махнул рукой Стив. – Во-первых, я не так сильно устал, а во-вторых, у меня полно работы. Так что если Хейни тебя отпустит, ты можешь мне помочь.

– С удовольствием!

Лаура Джейн захлопала в ладоши, а Хейни и Стив обменялись понимающими взглядами.

– Почему ты мне не сказала? – спросил Ринк, ловя губами прядку Каролининых волос.

Он лежал на спине, а Каролина склонилась над ним.

Она водила пальцем по его груди, легонько наматывая волосы.

– Потому что мне нужно было знать, любишь ли ты меня по-настоящему. И вообще... Неужели ты бы поверил, если бы я сказала, что мы с твоим отцом не были близки?

– Не знаю. Наверное... Да и потом, я же мог легко это проверить.

Она покачала головой.

– Я не хотела превращать нашу первую близость в дурацкий тест.

Ринк посмотрел на нее с нежностью.

– Понятно. Ну а если бы я поверил тебе на слово?

– Тогда нам не пришлось бы столько мучиться. – Она легонько царапнула ноготком его сосок и улыбнулась, заметив, что он моментально напрягся. – Но с другой стороны, я бы до сих пор не была уверена в твоей любви. А так, раз ты все

равно решил прийти ко мне, я понимаю, что ты был готов поступиться гордостью ради своей любви.

Ринк впился в ее губы долгим, страстным поцелуем.

А затем сказал:

– Конечно, это необязательно обсуждать прямо сейчас, но мне вообще-то интересно, почему у вас с Роско ничего не было? Только не говори, что он тебя не тронул из благородных побуждений. Я никогда в это не поверю.

– А я и не собираюсь тебя убеждать. Видишь ли... дело было так, – она невольно вздрогнула. – В первую брачную ночь он пришел ко мне. Насколько я понимаю, с намерением довести все до конца. Не знаю, как бы я пережила это. Ведь я ни на минуту не переставала любить тебя, Ринк. – Каролина прижала его ладонь к своей щеке. – Но мы с ним заключили брачный договор, и я была готова его выполнить.

Каролина осеклась и долго молчала. Ринк лежал, уставившись в потолок. Ему было трудно представить себе любимую в одной комнате с Роско.

– Ну и что было дальше, Каролина?

– Он меня несколько раз поцеловал и ушел. Я была в полной растерянности, не знала, что и думать. Но довольно скоро до меня начало доходить, что он не вполне здоров. Некоторые вещи можно заметить, только если живешь с человеком под одной крышей. Например, Роско принимал лошадиные дозы желудочных лекарств. – Каролина вздохнула и продолжала:

– Больше он не приходил ко мне по ночам, и я поняла, что Роско – импотент. Видимо, болезнь отнимала у него все силы. Мы никогда не говорили на эти темы, но я думаю, что он панически боялся неудачи и потому даже не пытался мной овладеть. Наши отношения оставались неизменными, к моей радости.

Ринк помолчал и спросил:

– И что, если б я не пришел к тебе, ты бы так и не сказала мне правды?

– Чтобы избежать конфликтов? Не знаю. Я каждый день уговаривала себя объясниться с тобой и... не могла, – Каролина усмехнулась. – У меня ведь тоже есть своя гордость. Я хотела, чтобы ты любил меня несмотря ни на что.

– Если б ты знала, как мне было тяжело! Я безумно хотел тебя, но стоило мне представить тебя с ним, как...

– Тсс, – она приложила палец к его губам. – Я знаю. Знаю, что тебе пришлось перенести.

– А знаешь, что он мне сказал в последнюю ночь, когда ты вышла из палаты? Каролина покачала головой.

– Помнишь, я обмолвился, что кое-какое наследство старик мне все же оставил? Так вот, он сказал, что гордость не позволит мне доедать его объедки, – Ринк горько усмехнулся. – Он не учел только одного: силу моей любви. И хотя он заявил, что был у тебя первым мужчиной, я заставил себя перешагнуть через боль и обиду.

Каролина изумленно уставилась на Ринка.

– Он что, так прямо и сказал?

– Да.

– Мой дорогой! – Она убрала со лба Ринка прядку волос. – Господи, а я-то считала это твоими домыслами! Мне и в голову не приходило, что он был способен так страшно солгать тебе перед смертью.

Ринк язвительно усмехнулся.

– Старик знал меня как облупленного. Ему едва не удалось разлучить нас навсегда.

– Но слава Богу, этого не произошло.

– Да! – с чувством произнес Ринк. – Я тоже этому рад. Ты даже не представляешь себе, как я терзался. Меня наизнанку выворачивало, когда я мысленно видел тебя в его постели, в его объятиях. А ты, оказывается, прежняя... Моя Каролина... девочка из летнего леса. Та же самая. Любящая и преданная.

Ринк приподнялся на локте, и Каролина поняла по выражению его лица, что разговор о ее замужестве окончен.

– Хотя нет, – задумчиво протянул Ринк, разглядывая ее фигуру. – Кое-что все-таки изменилось.

– Вот как? А что именно? – кокетливо поинтересовалась Каролина, поднимая ноги.

Ринк полюбовался ими и игриво, в тон ей, ответил:

– Ну, например... грудь у тебя стала больше, пышнее. И вообще ты как-то округлилась, оформилась, хотя и сохранила девичью грацию.

– Значит, ты не разочарован?

Ринк провел языком по ее ключице и запечатлел на груди жаркий поцелуй.

– Ну что ты! Я мечтал о тебе все эти годы. А вот ты, наоборот, разочарована.

– Я? – Она прикоснулась губами к его лбу. – Не говори глупостей, Ринк Ланкастер.

– Но ты ведь не... ну, ты понимаешь... В женских журналах любят распространяться на эту тему. Я так долго сдерживал себя, что не доставил тебе всей радости твоего завершения, дорогая.

Каролина медленно провела пальцами по его губам.

– Это не главное. Гораздо важнее, что тебе было хорошо со мной. Для меня это доказательство твоей любви.

Он порывисто обнял ее.

– Я люблю тебя! Люблю, хотя в последнее время вел себя ужасно, говорил оскорбительные вещи, подозревал тебя... Чем больше разгоралась моя любовь, тем кошмарнее я себя вел.

Каролина тихо рассмеялась и положила голову ему на грудь.

– Лучше не напоминай. Но я не сержусь. Я тоже люблю тебя.

Ринк счастливо вздохнул и сказал:

– Давай поспим.

– Тебя клонит в сон?

– Немножко. Но главное, мне хочется проснуться рядом с тобой.

Они проспали до полудня. А потом рука об руку сошли вниз. Лаура Джейн и Стив сидели в холле.

– Стив хочет поговорить с тобой, Ринк, – заявила Лаура Джейн.

Глаза ее сияли. Так выглядит ребенок, которому не терпится рассказать взрослым о приятном сюрпризе.

Стив нервно теребил соломенную шляпу.

– Вообще-то мы с Каролиной проголодались, – сказал Ринк. – Может быть, подождем с сюрпризами?

– Можно, – кивнул Стив.

– Нет, нельзя! – воскликнула Лаура Джейн.

Каролина, догадываясь, что хотел сказать Стив, поспешила увести девушку в столовую.

– О чем Стив хочет поговорить с Ринком?

– О нашей свадьбе, – заговорщическим шепотом сказала Лаура Джейн.

– Тогда Ринку тем более следует немного подкрепиться, – улыбнулась Каролина.

Когда все уже сидели за столом, Хейни принесла в столовую радиотелефон.

Звонил шериф, которому по горячему следу удалось найти поджигателей фабрики. Одним из них действительно оказался парень, сообщивший Барнесу о пожаре. На допросе па-

рень «раскололся» и назвал имена своих сообщников.

– Они тоже долго запираяться не будут, – заверил Ринка шериф. – Думаю, к вечеру мы сумеем прояснить картину.

– Спасибо. Хочу сказать вам, шериф, что увольнение проведено с соблюдением всех условий договора по найму. Передайте их родным, что они получают солидное выходное пособие с выплатой всех компенсаций.

Когда ленч был закончен, взволнованная Лаура Джейн повела всех в кабинет.

Стив, от волнения еле переводя дух, сказал:

– Мистер Ланкастер! Я хочу жениться на вашей сестре и прошу вашего согласия на наш брак.

Ринк невозмутимо посмотрел на него, не спеша сел в большое кожаное кресло и отпил глоток чая со льдом, который захватил с собой из столовой.

– А если я такого согласия не дам?

Стив спокойно выдержал его взгляд.

– Тогда я женюсь без вашего согласия.

Ринк долго смотрел Стиву в глаза, а потом, убедившись, что смутить его не удастся, попросил:

– Девочки, пожалуйста, оставьте нас наедине. И поплотнее закройте за собой дверь.

– Откуда ты знал, что я здесь?

– Догадался.

Ринк раздвинул ветки маленьких сосенок и вышел на по-

ляну. Каролина сидела под деревом, держа на коленях книгу, но не читала, а отрешенно смотрела в пространство. Ринк облокотился о ствол и деловито спросил:

– А ты знаешь, что девушке опасно ходить по лесу одной?

– Почему? Это мой родной лес, – подхватила игру Каролина.

– А вдруг на тебя нападет сексуальный маньяк?

– А может, я на это и рассчитываю?

Ринк расхохотался и набросился на нее с поцелуями.

– погоди! – воскликнула Каролина. – Сперва я хочу узнать, что ты сказал Стиву.

– Что если он посмеет обидеть мою сестру, я его убью.

– Не может быть!

Ринк лукаво подмигнул ей.

– Ну... я, конечно, выразился более мягко.

– Да, но ты согласился на их брак?

– Да, – совсем другим, серьезным тоном ответил Ринк.

Каролина крепко обняла его.

– Боже, как я рада!

– Правда? Тебе действительно кажется, что для Лауры Джейн это будет хорошо?

– Да, да! Она ведь любит его, Ринк. И не бойся, Стив ее не обидит. Он боготворит твою сестру. Мы с ним никогда не говорили о его детстве и юности, но у меня ощущение, что ему пришлось несладко. Потом он потерял на войне ногу. Я уверена, что Лаура Джейн для него – такая сказочная прин-

цесса. Он так трепетно к ней относится...

– Вроде бы он говорил искренне, – задумчиво произнес Ринк. – Я поставил условие: Лаура Джейн никуда отсюда не уедет. Мне кажется, она не сможет жить в другом доме. Стив согласился, но потребовал, чтобы его повысили в должности. Он очень переживает из-за того, что Лаура Джейн – богатая наследница, а он наемный работник.

– Этого следовало ожидать. Он гордый и работает за троих, чтобы окружающие позабыли про его увечье.

– Стив был со мной предельно откровенен. Он открыто сказал... вернее, даже предупредил, что женится по-настоящему, – Ринк сдвинул брови. – Как ты думаешь, это не оскорбит Лауру Джейн? Она же понятия не имеет, что значит спать с женщиной.

Каролина рассмеялась:

– Не знаю, у меня лично сложилось впечатление, что она уже несколько месяцев осаждаст Стива, а он из последних сил старается спасти ее добродетель.

– Да, но понимает ли она, какая это большая ответственность?

– Ринк, – посерьезнев, сказала Каролина, – Лаура Джейн отстает в умственном развитии, но физически она вполне развита. Никто не должен налагать запрет на ее телесные нужды. Тебе же не придет в голову морить ее голодом или не давать дышать. А это тоже голод, только другого свойства. Наоборот, я думаю, Лаура Джейн обретет теперь полное сча-

стве. Главное, что Стив ее любит. А все остальное они уладят без нас.

Слушая Каролину, Ринк постепенно расслабился, лицо его смягчилось. Каролине было приятно видеть, что он считается с ее мнением.

– Ну а что ты скажешь про свои телесные нужды? – вдруг спросил Ринк.

– Ты о чем? – не поняла Каролина.

– Ты ведь много лет лишала себя того, что требовало твое тело. Как тебе удавалось это выдержать?

– Я жила мечтами и воспоминаниями. И то, и другое было связано с тобой. Правда, я не надеялась, что мечты мои когда-нибудь осуществятся.

Ринк опустился на мягкую траву рядом с Каролиной и расстегнул ее блузку.

– Ты правда думала обо мне? Ну хотя бы изредка...

– Не изредка, а непрерывно. Наверное, я и умирать буду с мыслями о тебе, Ринк.

Он зажмурился от полноты чувств, а когда открыл глаза, они сияли ярче летнего солнца.

– Это гром гремит или мое сердце так громко бьется?

Каролина улыбнулась, вспомнив, что когда-то давно Ринк сказал почти то же самое.

– Гром. Вот-вот хлынет дождь.

– Может, вернемся домой?

– Не надо. Я люблю грозу.

– Милая! Милая... – прошептал Ринк, целуя ее в губы. – Господи, как я люблю тебя!

Она помогла ему снять рубашку и с жадностью смотрела, как он расстегивает брюки и снимает трусы.

Нагота крепкого, мускулистого тела завораживала ее. В ней была какая-то первобытная мощь. Тучи сгущались, и вот уже первые дождевые капли упали на бронзовую от загара кожу Рицка.

Встав перед Каролиной на колени, Ринк снял с нее блузку, под которой оказался кружевной лифчик. Не то что двенадцать лет назад! Но грудь, как и тогда, жаждала ласки, и Ринк ласкал ее, пока она не напряглась настолько, что грозила прорвать тонкую шелковую ткань.

– Посмотри, что ты наделал, – шутливо проворчала Каролина, снимая лифчик. – И не стыдно?

– Стыдно, – вздохнул Ринк, всем своим видом демонстрируя обратное.

Он расстегнул ее широкую юбку и развязал кожаные тесемки сандалий, соблазнительно облежавшие лодыжки. Разув Каролину, Ринк принялся ласково массировать ее ступни и пальцы ног. Она приподнялась на локтях и с изумлением следила за этим любовным ритуалом. Но когда Ринк начал целовать и покусывать ее пальцы, затрепетала от наслаждения.

– Ринк!

Прерывисто дыша, Каролина упала на траву. Ринк нахло-

нился над ней. Он смаковал ее губы, словно какой-то экзотический фрукт. Затем его поцелуи вместе с легкими каплями дождя оросили ее лицо, а язык игриво лизнул мочку уха.

По груди Каролины текли струйки дождя. Ринк принялся ловить их ртом.

Она призывно прижималась к нему, шепча его имя.

– Погоди. Еще не пора. – Губы Ринка пощекотали ее живот.

Он растягивал любовную прелюдию, стараясь как можно больше разгорячить Каролину, а потом подцепил зубами ее трусики и стянул их с бедер.

Каролина охотно помогла ему, трепеща от страсти. Она уже не могла ждать. Казалось, еще мгновение – и что-то произойдет. Что именно, она не знала, но ей было понятно, что в таком напряжении долго пребывать нельзя, иначе она потеряет сознание от невыносимого напряжения.

Однако все только началось. Губы Ринка ползли по ее животу вниз, к темным волосам, которые от его дыхания затрепетали и словно ожили.

– Ринк! – Каролина невольно выгнула спину.

Он ласково раздвинул ее ноги...

Ни одна, даже самая дерзкая эротическая фантазия Каролины не простиралась так далеко. Она и помыслить не могла о таком. Волны экстаза захлестывали ее, помрачая рассудок. А Ринк не унимался. Разбудив в теле Каролины вулкан, он не торопился его затушить, а все длил и длил эту сладостную

муку. Когда же наконец ему стало ясно, что вулкан вот-вот извергнется, он резко прекратил поцелуи и ворвался в ждущее лоно.

Каролина обхватила руками бедра Ринка, бессвязно лепеча слова любви, чем еще больше вдохновила его. Они стремительно поднимались ввысь, к вершинам блаженства, и вместе испытали его, окунувшись в поток ослепительно вырвавшегося потока.

Возвратившись из блаженного небытия, Ринк с Каролиной обнаружили, что свет померк. Мир, окружавший их, был сумеречным и таинственным. Серебристый туман клубился над ними, скрывая их тесно сплетенные тела от посторонних взоров. Мысли клубились, как этот туман, а с неба сыпался мелкий дождик, словно нарочно посланный Провидением, чтобы остудить их разгоряченные головы и тела.

Невеста была в белом. Шелковое платье простого покроя облегло тоненькую фигурку, и Лаура Джейн выглядела прелестно. Традиционный подвенечный наряд с пышной юбкой и массой кружев «забил» бы ее неяркую красоту, а скромное платье оказалось для нее идеальной оправой. Темные волосы были зачесаны назад и украшены по бокам белыми камелиями, любимыми цветами Лауры Джейн. Лаура Джейн была в этот день олицетворением счастья. Глаза ее сияли, она нисколько не нервничала.

Другое дело ее жених! Он ерзал на стуле, постоянно откашливался и теребил узел галстука, который с непривычки казался ему чересчур тугим. Стиву предложили снять галстук, но он пожелал быть в столь знаменательный день при полном параде. Ему хотелось, чтобы свадьба прошла как можно торжественней. Хотелось показать всему свету, что они с Лаурой Джейн прекрасно отдают себе отчет в своих намерениях и гордятся друг другом.

Ожидая выхода невесты, Каролина ободряюще сжимала локоть Стива. Он благодарно улыбался. Но как только раздались звуки свадебного марша, Стив впился взглядом в Лауру Джейн, спускавшуюся по лестнице со второго этажа под руку с Ринком. Лаура Джейн тоже не отрывала взгляда от Стива.

Приглашенных на церемонию было немного: Ринк, Ка-

ролина, священник, недавно отпевавший Роско, его жена, Грейнджер и Хейни, которая обливалась слезами, когда жених и невеста давали брачные обеты. К счастью, церемония длилась недолго, и слезы Хейни быстро высохли.

Стив нежно поцеловал Лауру Джейн и поспешил снять галстук. После чего все направились к машинам.

Дома, едва переступив порог, Ринк протянул руку Стиву.

– Добро пожаловать в нашу семью!

Стив расплылся в улыбке.

– Спасибо, Ринк. Я очень этому рад.

– Прими и мои поздравления, Стив, – сказала Каролина и повернулась к падчерице. – Будь счастлива, Лаура Джейн!

– Обязательно буду! – кивнула девушка. – А теперь пойдёмте за стол. Стиву нужно выпить чего-нибудь холодного.

Они, радостно смеясь, отправились в столовую. Хейни превзошла себя. Стол ломился от закусок и бесчисленных салатов, была зажарена индейка, испечен трехслойный торт. В конце обеда был подан кофе и цитрусовый пунш. Ринк усердствовал, подливая Стиву бурбона. Пастор несколько не осуждал его за это, а лишь снисходительно посмеивался. Вообще праздник удался на славу. Каролина улыбалась, глядя на весело смеющуюся Лауру Джейн.

После обеда явился фотограф, чтобы запечатлеть все семейство в этот торжественный день. Стив куда-то подевал свой галстук, и его искали битый час. Каролина за это время успела поправить причёску Лауры Джейн. Потом все долго

рассаживались, выходили фотографироваться в сад, снялись на пороге дома. Наконец фотограф удалился.

Вскоре гости тоже разошлись. Новобрачные поднялись наверх, в спальню. За неделю до свадьбы Стив перенес свои вещи в бывшую комнату Роско. Теперь эту комнату отдали под спальню новобрачным. Каролина переставила мебель, повесила новые занавески, поставила вазы с цветами.

Ринк с Каролиной помогли Хейни убрать со стола и отправились в кино. А когда вернулись, в доме было тихо и темно. Они тихонько поднялись по лестнице и зашли в комнату Ринка.

– Надоело мне от всех скрываться, – пожаловался Ринк, закрыв дверь и включив настольную лампу. – С какой стати один из нас должен на рассвете вылезать из постели и бежать в свою комнату? Почему ты не можешь переселиться ко мне или я – к тебе?

– Потому что потому.

– Веская причина. – Он уже разулся, снял рубашку и теперь расстегивал брюки. – Пожалуй, надо будет записать, а то это слишком сложно для меня, я не в состоянии запомнить.

– Пожалуйста, не смейся. Пойми, сейчас не время посвящать в наши отношения кого бы то ни было.

– Да все и так знают! – Ринк разделся до трусов и рухнул в кожаное кресло – его любимое кресло во всем доме.

Каролина, стягивавшая через голову тоненький свитер, изумленно спросила:

– Ты думаешь?

Ринк кивнул, глядя, как она аккуратно складывает свитер и вешает его на спинку стула. Каролина осталась в лифчике телесного цвета. На каждой чашечке была вышита крошечная роза. словно желая вознаградить себя за все те годы, когда у нее не было ни одной красивой вещи, Каролина накупила себе самого дорогого и изысканного белья.

Она была так очаровательна, что мгновение Ринк не мог произнести ни олова.

Немного погодя он ответил:

– Стив и Хейни наверняка знают. Надо быть слепыми, чтобы не видеть очевидного, Каролина. Я двенадцать лет хранил свою любовь в тайне, но в последние дни не отличался особой осмотрительностью. И немудрено. Я никогда еще не был так счастлив. А это же видно, милая.

Каролина зарделась от удовольствия и сняла юбку, под которой оказались трусики того же цвета, что и лифчик. Шелковые чулки, облежавшие стройные ноги, были пристегнуты к узенькому гипюровому поясу. При взгляде на все это великолепии Ринк мгновенно ощутил прилив желания.

– Я тоже не стремлюсь скрыть что-либо, но прошу тебя, Ринк, не разглашай нашей тайны. Ради меня! Не хочу, чтобы сплетники пачкали мое доброе имя.

Каролина взяла расческу и провела ею по волосам. Свет лампы падал на них, и в рассыпанных по плечам волосах вспыхивали рыжие искорки. Она стояла спиной к Ринку.

Кружевные трусики практически ничего не скрывали. Ринка неудержимо тянуло погладить полоску голой кожи, не прикрывтую чулками.

– Но почему я могу опорочить твое доброе имя?

Взяв в руки баночку с кремом, Каролина принялась медленно мазать руки. Боже! Она, вероятно, решила свести его с ума...

– Потому что ты официально считаешься моим пасынком.

– А неофициально?

Она окинула взглядом красавца мужчину, небрежно развалившегося в кресле, и ответила с застенчивым лукавством:

– Неофициально ты мой любовник.

– Вот и чудесно! Иди ко мне, раз я твой любовник!

Он торопливо сдернул трусы и бросил их на пол.

Каролина послушно подошла. Ринк начал снимать с нее пояс и вдруг, шаловливо просунув руку под чулок, слегка ущипнул Каролину. В отместку она дернула его за ухо.

Ринк усадил Каролину к себе на колени. Она обняла его за шею и выгнула спину, подставляя грудь под поцелуи. Ринк целовал вышитую на лифчике розочку. Наконец лифчик упал на пол, и губы Ринка сомкнулись вокруг трепещущего розового бутона.

Каролина неторопливо двигалась, следуя за ритмом Ринка, а он гладил ее по спине. И вдруг она склонилась к Ринку, обняла его голову руками и зашептала на ухо слова любви. Он проникал в нее все глубже и глубже, и наконец она

закричала в экстазе.

Когда все кончилось, никто из них довольно долго не произнес ни слова. Каролина беспомощно припала к плечу Ринка. Он гладил ее по затылку, целовал в плечо. Каролина не отвечала на его ласки.

Тогда он тихо спросил:

– Что-то не так?

– Никогда не думала, что я буду заниматься этим в кресле. До чего я дошла? В кого превратилась?

Ринк улыбнулся:

– В любящую, страстную женщину, о которой только и может мечтать мужчина. Знаешь, я часто сидел в этом кресле и думал о тебе. Именно здесь я представлял, как бы мы любили друг друга. – Он погладил ее по щеке. – Но реальность прекраснее моих фантазий, Каролина.

Она подняла на него глаза, похожие на светлые озера, залитые лунным светом.

– Правда?

– Да. – Он провел рукой по ее волосам, губам, груди. – Мне до сих пор не верится, что это не сон.

– А мне не верится, что я способна на такое. Хотя... ты всегда на меня дурно влиял.

– Но признайся, ты этому рада, – подмигнул ей Ринк.

– Пожалуй. – Она вызывающе качнула бедрами.

– Помилуй, Каролина! – театрально простонал Ринк. – Ты смерти моей хочешь? Давай хотя бы ляжем в постель.

Позже, уже лежа в темноте под легким покрывалом, Ринк прошептал:

– Если бы Хейни тоже нашла себе партнера, мы бы могли открыть секс-клуб.

В ответ Каролина выдернула волосок на груди Ринка, и он, ахнув, тут же начал оправдываться:

– Да я что? Я просто имел в виду, что Стив и Лаура Джейн спят в одной комнате, мы с тобой...

– Знаю я, что ты имел в виду. – Улыбка Каролины как-то незаметно перешла в зевок. – А что касается Стива и Лауры Джейн... Его впечатления от первой брачной ночи я вполне представляю, но что сейчас думает Лаура Джейн – не могу вообразить, хоть убей!

Однако вскоре это выяснилось. Наутро молодожены встретили Каролину и Ринка на пороге кухни. Они стояли обнявшись. На лице Стива была написана комически-глупая улыбка, а Лаура Джейн просияла при виде родственников и с восторгом воскликнула:

– Я считаю, что все на свете должны поскорее пережениться!

На фабрике тем временем начался ремонт. Каролина благодарила судьбу, что Ринк оказался в такой момент рядом. Без него у нее опустились бы руки. А как только ремонт закончился, Ринк завел речь о смене старого оборудования, проводки и всего прочего. Он намеревался оснастить фаб-

рику по последнему слову техники, и Каролина горячо одобрила его планы.

– Прибыли в этом году у нас просто огромные. И вдобавок банк готов дать нам долгосрочный заем на реконструкцию под достаточно низкий процент. Грех не воспользоваться их великодушием.

– Я с тобой полностью согласна.

Они часами работали на удушливой жаре, но это лишь укрепляло их силы. Им слишком часто приходилось сдерживаться на людях. Ринк с Каролиной знали, что окружающие следят за ними с любопытством, и не хотели подавать им лишнего повода для сплетен. И так по городу уже поползли слухи. Всех интересовало, почему это Ринк не торопится вернуться в Атланту. Каролина начала нервничать, часто раздражалась.

Они зашли в кабинет, чтобы немного передохнуть. Ринк достал из холодильника банку кока-колы и приложил ее к разгоряченному лбу.

– Ринк!

– Да, дорогая?

– Когда ты собираешься в Атланту? – Каролина старалась говорить небрежно, но Ринк все равно почувствовал напряжение и внимательно посмотрел на нее.

– А в чем дело? Хочешь от меня избавиться? – как можно беззаботнее спросил он. Каролина с нежностью посмотрела на него.

– Нет, конечно. Меня просто удивляет, что ты так поглощен фабрикой. Мне-то хотя бы за это деньги платят, а тебе зачем тратить столько энергии?

Ринк поставил банку на журнальный столик, на котором высились горы старых журналов, встал, потянулся и подошел к окну, откуда было видно, как рабочие выгружают из машины стройматериалы.

– Для меня фабрика очень много значит. Независимо от того, как к этому относился Роско. Да, он лишил меня доходов, но запретить мне интересоваться делами фабрики он не в силах. Фабрика принадлежала моей матери, и потому я считаю своей обязанностью заботиться о ней. Ну а если тебе эти доводы кажутся неубедительными, считай, что я забочусь о наследстве сестры.

– Я люблю тебя.

Ринк изумленно обернулся. Слова Каролины прозвучали неожиданно для него.

– При чем тут это? То есть... я хотел сказать... почему ты так говоришь?

– Потому что любой другой мужчина давно бы разозлился и уехал.

– Именно этого и добивался Роско. Но я не собираюсь плясать под его дудку.

– И что, это единственная причина, по которой ты все еще здесь?

Ринк улыбнулся, взял ее за руку и завел в закуток между

стеной и шкафом.

– Вообще-то ты тоже имеешь некоторое отношение к тому, что я до сих пор не уехал, – прошептал он и скрепил свое признание поцелуем.

Губы его были солонны от пота, но Каролине нравился этот терпкий мужской запах. Он пробуждал в ней женщину. Она придвинулась к Ринку плотнее. Он принялся покусывать мочку ее уха и ласкать грудь.

– Ты не должен так со мной обращаться, – пробормотала Каролина. – Я же начальница.

– Но не моя. Ты забыла, что официально я тут не работаю? Она тихонько застонала, потому что пальцы Ринка нащупали ее сосок. Наклонив голову, он расстегнул зубами пуговицу на ее блузке.

– Но я же все равно тут распоряжаюсь, – прерывисто дыша, произнесла она.

– Может быть, но только не мной, – усмехнулся Ринк, однако, когда ее рука легла на «молнию» его натянувшихся джинсов, он вынужден был признать свою ошибку.

– А мне всегда казалось, что это дешевая забегаловка, – удивленно сказала Каролина, оглядывая полутемное помещение кафе.

– Так оно и есть, но здесь подают лучшее барбекю, какое я только ел на берегах Миссисипи, – откликнулся Ринк. – Его готовят по старинному рецепту, когда-то привезенному

из Теннесси. Что ты закажешь, свинину на ребрышках или баранину кусочками?

– А пальцы облизывать можно?

– Валяй!

– Тогда давай ребрышки.

Официантка приняла у них заказ и пошла на кухню. Из музыкального автомата, стоявшего в углу зала, вырывалась оглушительная музыка, так что разговаривать было практически невозможно. Парочки танцевали на эстраде, посыпанной опилками. При взгляде на танцующих можно было безошибочно определить, какие у них отношения: чем теснее они прижимались друг к другу, тем ближе были и их отношения.

Под потолком висело облако табачного дыма. Со стен, оклеенных дешевыми обоями, посетителям подмигивали розовые и голубые лампочки. С плаката, рекламировавшего магазин электротоваров, смотрела фотомоделка. У нее была ослепительная улыбка, сногсшибательная прическа и умопомрачительная грудь. За стойкой бара висели часы с маятником. Рядом стоял маленький искусственный фонтанчик. У Каролины зарябило в глазах от мерцания его струй.

Обстановка в этом кафе нравилась Каролине.

По вечерам они с Ринком теперь выезжали куда-нибудь развлечься. Ради Стива и Лауры Джейн, чтобы те могли немного побыть наедине. Пусть молодые в полной мере наслаждаются своим медовым месяцем! Стив не решился отпра-

виться с женой в путешествие, боясь, что отрыв от дома подействует на Лауру Джейн болезненно. К супружеской жизни она привыкла моментально, и ему не хотелось омрачать ее безмятежное счастье.

– Ты часто бывал здесь раньше? – спросила Каролина, расположившись за столиком.

– Когда учился в старших классах, почти каждый день. В других местах нам, ребятам, не продавали пиво. Говорили: «Вы еще маленькие». А тут наш возраст никого не интересовал. Папа рассказывал мне... – Ринк вдруг умолк, не договорив.

Каролина сразу догадалась, в чем дело. Он забылся и называл Роско папой.

– Продолжай, – ласково произнесла она. – Что он тебе рассказывал?

– Что во времена «сухого закона» здесь вовсю торговали спиртным. Это было прямо-таки логово спекулянтов.

Ринк задумался, вертя в руках солонку. Каролина заглянула ему в глаза.

– Вы ведь с ним не только ссорились, да? Наверняка у вас были и хорошие минуты?

Ринк печально улыбнулся.

– Изредка были. Однажды я захотел покурить его сигару. Мне тогда было лет двенадцать. Он разрешил. А потом, когда меня выворачивало наизнанку, от души веселился. Он еще много лет надо мной подтрунивал, припоминая тот слу-

чай, но я не обижался... А в другой раз меня поймали, когда я рисовал рожи на автобусе, принадлежавшем другой школе – мы с ней враждовали. Меня и моих товарищей вызвали на педсовет. Роско встал за нас горой. Он заявил, что нормальные мальчишки должны озорничать, иначе толку из них не будет, – Ринк нахмурился. – Странно... Теперь мне кажется, во всем этом была какая-то закономерность... Да-да, так оно и есть! Роско всегда защищал меня, когда я проказничал. А вот пай-мальчика терпеть не мог. Он хотел, чтобы я был похож на него: дерзил, озорничал, нарушал правила. Не заходя слишком далеко, но все-таки нарушал. А я... я, конечно, далеко не святой, но у меня никогда не возникало желания кого-нибудь обидеть или обмануть. – Он посмотрел на Каролину в упор. – Я хочу, чтобы ты знала: мне очень жаль, что мы с Роско не любили друг друга.

– Я знаю, что ты пытался его полюбить, Ринк.

– Если у меня будут дети, я постараюсь любить их, что бы ни случилось между нами.

Руки Ринка и Каролины сомкнулись под столом и не размыкались до тех пор, пока официантка не принесла еду.

Мало-помалу в кафе становилось все шумнее и многолюдней. Музыка редела так, что стекла дребезжали. Танцующих становилось все больше. Пьяных тоже. Взяв у официантки чек, Ринк пошел платить в кассу, находившуюся за стойкой бара.

Внезапно до Каролины донесся грубый мужской голос:

– А что, Вирджил, пожалуй, неплохо понежиться в постельке, нагретой папашкой?

Пальцы Ринка, сгребавшие с тарелочки сдачу, зловеще застыли. На виске забила синяя жилка.

Вирджил хохотнул:

– Это ты верно подметил, Сэм. По проторенной дорожке идти куда приятней.

Ринк медленно повернулся...

– Пойдем отсюда! – Каролина схватила его за руку, но Ринк отмахнулся от нее как от назойливой мухи.

Она смущенно огляделась по сторонам. Кто-то выключил музыку. В зале стало тихо. Люди, сидевшие за стойкой бара, поспешили отодвинуться от Вирджила и Сэма, которые были либо слишком пьяны, либо глупы и не понимали, что поднесли спичку к пороху. В глазах Ринка уже вспыхнуло яростное пламя. Каролина испуганно сжалась за столиком.

– Что вы сказали? – убийственно спокойно поинтересовался он.

Вирджил кивнул в его сторону, подтолкнул локтем приятеля, и оба покатались со смеху.

– Мистер Ланкастер, – поспешил вмешаться хозяин кафе, – эти двое совсем недавно появились в нашем городе и ничего не знают про вашу семью. Им бы просто языками почесать. Не обращайтесь внимания. Я их сейчас выгоню.

Однако Ринк проигнорировал не своих обидчиков, а хозяина.

– Я вас спрашиваю: что вы сказали? – повторил он, повысив голос, и подошел к пьянчугам.

– А то, что тебе повезло, дружище! Не всякому папаша завещает и свою жену ко всему в придачу.

Каролина готова была сквозь землю провалиться от стыда. Все глазели на нее с любопытством. Конечно, она ведь девчонка с помойки! Дочка пропойцы Доусона. И ничто не может изменить это положение.

Вирджила так рассмешили слова товарища, что он чуть не упал с табуретки.

– Ага, держу пари, простыни еще не остыли. Слушай, парень, а твой папаша научил ее каким-нибудь штучкам? Она с тобой тоже...

Договорить Вирджилу не довелось. Кулак Ринка врезался ему в челюсть с такой силой, что Вирджил отлетел далеко в сторону и потерял сознание еще в полете.

Сэм следил за падением товарища, разинув рот. А когда тот грохнулся об пол, встал, пошатываясь, с табуретки и кисло улыбнулся.

– Он... мы... мы не хотели вас обидеть, мистер... э-э.... мистер Ланкастер. Мы хотели просто пошутить...

Кулак Ринка снова рассек воздух. Сэм попытался уклониться от удара, но не успел. Получив кулаком по скуле, он завыл от боли и упал на колени. Ринк как следует намял ему бока и потребовал:

– Сейчас же извинись перед дамой!

Но Сэм лишь раскачивался из стороны в сторону, держась за скулу, словно она вот-вот могла расколоться, и жалобно повизгивал.

– Извинись перед дамой! – взревел Ринк.

Каролина бросилась к нему.

– Пожалуйста, Ринк, уйдем отсюда! Он не в состоянии говорить. Бог с ним! Ты только уведи меня, я больше не могу... все на меня смотрят... Умоляю, уйдем!

Ринк помотал головой, с трудом приходя в себя. Потом повернулся к кассе, схватил сдачу, сунул ее в карман, не считая, и повел Каролину к двери.

По дороге домой он на чем свет стоит ругал грузовик, который не мог развить такую же скорость, как его спортивные автомобили. А въехав во двор, распахнул перед Каролиной дверцу, но сам, не дожидаясь, пока она выйдет, ринулся в дом. Каролина обнаружила его в библиотеке. Он метался из угла в угол, будто тигр в клетке.

– Теперь тебе понятно, что все думают? – воскликнул Ринк, сверкая глазами. – Они все считают, что ты спала с моим отцом.

– А что еще они могут думать? Я же была его женой.

Ринк чертыхнулся.

– Надо мной, наверное, весь город потешается. Представляю, что они говорят! Сынок доедает папашины объедки!

Каролина была потрясена реакцией Ринка. Вот, оказывается, что так взбесило его.

– А ты хоть на минуту задумался о том, что они говорят обо мне? Мои чувства тебя не волнуют, да? – гневно воскликнула она. – Все уверены, что я сначала соблазнила твоего отца, вынудила его жениться на мне, а теперь принялась за пасынка. Что бы ни говорили о тебе, весь позор падает на мою голову. Я же девчонка с помойки, не забывай об этом. Так было, есть и будет. И неважно, как я себя веду в действительности. На мне от рождения клеймо!

– Но пока ты была женой Роско, тебя не смели оскорблять, не так ли?

Каролина не хотела отвечать, но, увидев язвительную улыбку Ринка, она кивнула.

– Именно так.

– Но все равно, ты от его смерти только выиграла, – вдруг заявил он. – По крайней мере, материально. Можешь не сомневаться, в городе уже знают о завещании Роско. И все думают, что это я увиваюсь за тобой, потому что ты заполучила наше поместье.

– Не говори глупостей, Ринк. Никто так не думает. Все знают, что твоя авиакомпания преуспевает, что ты вполне состоятельный человек.

– Да, но им известно и то, как дорог мне этот дом. «Ринк, верно, завел с ней шашни, чтобы она не вытурила его из дому...» Я уверен, что по городу ходят именно такие разговоры.

– Господи, Ринк, ведь это полная чушь, кому взбретет в

голову такое?!

– Почему? Давай смотреть правде в глаза. Что мне здесь делать? О Лауре Джейн теперь заботится Стив. Хейни хлопчет вокруг них, словно насадка. А я... я нужен тут только для того, чтобы ублажать хозяйку дома в постели.

– Можно подумать, ты делаешь мне одолжение! Разве тебе самому это не нужно? Разве ты не счастлив? – воскликнула Каролина, борясь со слезами, которые в любой момент грозили хлынуть неудержимым потоком.

– Был счастлив, пока не понял, что обо мне думают окружающие.

– Но ведь на самом деле это не правда, Ринк!

– А выглядит все именно так.

– Потому что все считают, что я спала с твоим отцом?

– Да! – Коротенькое слово вылетело из его рта, словно смертоносная пуля.

Наступило долгое молчание.

Наконец Ринк сказал:

– Даже мертвый, он нас разлучает.

Каролина возмущенно вскинула голову.

– Не он, а ты! Твоя проклятая гордость, вот что нас разлучает на этот раз.

– А твоя? – подбоченился Ринк.

– Моя? – изумилась Каролина.

– Да-да, твоя!

– Но мне-то чем гордиться?

– Тем, что ты окончила колледж и вышла замуж за самого богатого человека в округе. А теперь живешь в его усадьбе, и те, кто когда-то смотрел на тебя сверху вниз, теперь тебе в подметки не годятся.

– Когда ты вернулся, я тебе сразу сказала, что мне нравится здесь жить.

– Да, но что, если все узнают об истинных намерениях Роско? Узнают, что он женился с одной-единственной целью: отомстить своему сыну... И что он до тебя не дотронулся... Ты сможешь рассказать об этом?

Смущенное молчание Каролины было красноречивее самого искреннего признания. Она бессильно опустилась в кресло.

Ринк ссутулился и тихо сказал:

– Мне невыносимо сознавать, что они представляют тебя в постели с моим отцом, а ты не пойдешь на то, чтобы открыть им правду. – Он горько рассмеялся. – Да, старик отомстил нам мастерски! Подстраховался на все случаи жизни. Если первый номер не пройдет – вот вам второй!

Он повернулся и медленно побрел к двери.

– Как ни горько это признавать, Каролина, но мы оказались пешками в его руках. Расчеты Роско полностью оправдались.

С этими словами Ринк вышел, плотно притворив за собой дверь, и Каролина поняла, что они расстаются бесповоротно, навсегда.

– Так бы и отшлепала этого сорванца, – ворчала Хейни, снимая постельное белье с кровати Каролины. – Пороть его надо было в детстве, пороть нещадно...

Каролина сидела за туалетным столиком и массировала виски, тщетно пытаясь прогнать головную боль. Все ее тело ныло, как после побоев. Собственно говоря, так оно и было. Только Ринк отхлестал ее словами, а не плеткой.

Экономка бросила простыни на пол и взяла чистые, накрахмаленные. Они даже похрустывали, когда она их разворачивала. Хейни заправила постель безукоризненно. Ни единой складочки, как на солдатских койках в казарме!

– Неужели он тебе вчера даже не намекнул, что собирается удрать? Это ж надо – незаметно улизнул ночью, точно вор какой-то!

– Нет... сначала... мы... мы немного поговорили. Он поднялся ко мне, а потом... потом я быстро легла спать. И только утром поняла, что он уехал.

– Господи! Сколько мы его с Марленой воспитывали – и все без толку! Собрался и уехал, даже «до свидания» не сказал! И грузовик с собой забрал. Погрузил на самолет и был таков! Ничего не понимаю. И какая муха его укусила?

Обычно болтливость экономки несколько не смущала Каролину, но сегодня она выносила это с трудом. Меньше всего

ей сейчас хотелось говорить о Ринке. Хейни сыпала ей соль на раны.

– Я думаю, Ринку срочно понадобилось вылететь в Атланту.

Хейни скептически хмыкнула. Она, конечно, подозревала, откуда ветер дует, и умирала от любопытства. Что могло случиться? Отчего Ринк вдруг сорвался с места? В последние недели он и Каролина глаз друг с друга не сводили, и вдруг – на тебе, парню шлея под хвост попала! Нет, конечно, причина в ней – в Каролине! И никакой другой причины нет.

Хейни подобрала с пола ворох грязного белья.

– Не знаю, что я скажу Лауре Джейн. Бедняжка будет страшно переживать! Ведь он и с ней не попрощался.

– Но ты же говоришь, Ринк оставил ей записку.

– Да, но, согласишься, это не то же самое.

Каролина уже еле сдерживалась. Подойдя к шкафу, она взяла одежду и направилась в ванную, недвусмысленно давая Хейни понять, что пора оставить ее в покое.

– Не думаю, что Лаура Джейн будет сильно расстраиваться. Теперь у нее есть Стив, он о ней позаботится.

– А кто позаботится о тебе?

Каролина удивленно обернулась, но Хейни смерила ее гордым взглядом и вышла из комнаты, держа в руках кипу белья.

Каролина машинально оделась. Ей было все равно, как она выглядит. Раз Ринка нет рядом, что ей за радость наря-

жаться? Однако на фабрике она постарается держаться как ни в чем не бывало. Теперь ей особенно важно показать, что она твердо намерена продолжить начатое. Наверняка в этой ситуации найдутся люди, которые попытаются воспользоваться отъездом Ринка и начнут работать спустя рукава.

Приехав на фабрику, Каролина узнала, что Ринк все же не бросил ее на произвол судьбы.

Барнес, встретивший хозяйку в конторе, смущенно сказал, переминаясь с ноги на ногу:

– Ринк... мистер Ланкастер... позвонил мне утром из Атланты.

– Вот как? – как можно спокойнее сказала Каролина, выдвигая ящик письменного стола, чтобы положить в него бумаги. Руки ее предательски дрожали.

Барнес кашлянул.

– Да, мэм. Он сказал, чтобы я во всем помогал вам. А если что случится, чтобы я сразу звонил ему.

– Спасибо, Барнес, – сдержанно произнесла Каролина.

Значит, Ринку не все равно, как будут идти у нее дела. Значит, она ему, несмотря ни на что, безразлична. Или он печется о деньгах Лауры Джейн?

Барнес мялся на пороге, теребя в руках шляпу.

– Нам всем очень жаль, что мистер Ланкастер уехал. Мы уже привыкли, что он бывает на фабрике каждый день. Ринк заботился о рабочих, не то что его отец... хотя я, конечно, ничего против старого мистера Ланкастера не имел и не

имею, но все-таки. Ринк, он другой... Он принимает в людях участие.

– Да, я вас прекрасно понимаю, Барнес.

– Ладно, пойду я, – Барнес почувствовал, что Каролину надо оставить одну. Не хватало еще, чтобы Каролина из-за его разговоров разрыдалась! – Если вам что понадобится, вы только скажите, миссис Ланкастер. Я мигом прибегу.

– Хорошо. Спасибо, Барнес.

Когда за Барнесом закрылась дверь, Каролина выглянула в окно. Лето кончалось – цветы поникли, среди буйной зелени кое-где уже виднелись желтые листья. В природе чувствовалась усталость. Каролина тоже устала душой и телом. Ее сердце, ожившее было за последние недели, напоминало теперь поникший летний цветок, из последних сил цепляющийся за жизнь.

– Значит, не суждено, – прошептала она.

Неужели их любовь с Ринком была обречена с самого начала? Неужели жестокая судьба играет с людьми такие шутки? Или они расплачиваются за грехи отцов, как предсказано в Библии?

Впрочем, какая разница, отчего все случилось именно так, если конец все равно один?! Ринк прав: им обоим мешает гордыня. Ей слишком дорого то, что она приобрела, выйдя замуж за Роско Ланкастера. И Ринк прекрасно понимает, что она от этого не откажется. А коли так, то пока она будет оставаться хозяйкой Укромного уголка, он к ней не вер-

нется. Ведь его возвращение было бы воспринято в городе как унижение, подчинение, как признание ее главенствующей роли в семье.

Сердце Каролины тревожно забилося.

Пока она будет оставаться хозяйкой Укромного уголка...

А что, если отказаться от поместья? Все равно без Ринка этот дом ей не нужен... Образ младшего Ланкастера всегда незримо маячил перед ней, когда она думала об Укромном уголке, и именно поэтому этот дом был так дорог ей. Поселившись под одной крышей с Роско, она часто бродила по дому, пытаясь вообразить маленького Ринка. Вот он, совсем еще малыш, бегают по комнатам... А вот он уже подросток...

Да, без Ринка этот дом утратит свое таинственное очарование.

Не надо обманываться, Укромный уголок никогда ей не принадлежал и принадлежать не будет. Мало ли что сказано в завещании! Это все слова...

Но в силах ли она отказаться от Укромного уголка?

Тихий стук в дверь заставил Каролину оторваться от деловых бумаг.

– Войдите.

Дверь открылась. На пороге стоял Грейнджер.

– Хейни сказала мне, что вы здесь. Я не помешаю?

Каролина улыбнулась.

– Входите, Грейнджер. Я с удовольствием оторвусь от дел.

– Все работаете? Ну зачем вы так себя изнуряете?

Увы, ей необходимо было изнурять себя работой, потому что в противном случае она начинала неотступно думать о Ринке. Конечно, полностью избавиться от мыслей о нем Каролине все равно не удавалось, но это хотя бы отчасти притупляло боль. С отъезда Ринка прошел уже месяц. Боль стала не такой острой, но не уходила ни на минуту.

– Бухгалтерию-то вести надо, а на фабрике меня постоянно отвлекают, так что приходится брать с собой бумаги после работы. Может, хотите выпить? Или сварить вам кофе?

– Нет, спасибо, – Грейнджер опустил на стул. – Как дела на фабрике?

– Да все нормально. Обычные хлопоты. Да вы и без меня все знаете. Вы же вчера туда заезжали. Скажите честно, что-то случилось, да?

У Грейнджера забегали глаза.

Каролина побледнела. Наверное, что-то случилось с Ринком...

Однако Грейнджер поспешно сказал, словно угадав ее мысли:

– Нет-нет, ничего страшного! Не надо волноваться. Просто я должен передать вам приглашение, но не знаю, как вы на него отреагируете.

– Какое приглашение?

– На Осеннем фестивале вам хотят вручить почетную грамоту. Роско Ланкастера решено объявить гражданином года.

Грейнджер имел в виду торжества, которые ежегодно устраивала местная Торговая палата.

Каролина недоуменно повела плечами. Только этого ей сейчас не хватало!

– Но ведь Роско умер. Что, у нас достойных живых граждан не осталось?

Грейнджер потрогал кончик носа.

– Я спросил то же самое, а мне ответили, что решение принято еще весной и отменять его никто не будет. Так что оргкомитет просит вас прийти на торжественное открытие фестиваля и принять награду.

Каролина зябко поежилась. За окном шел дождь. Не теплый летний дождик, ласково целовавший кожу, а сердитый осенний дождь, который хлещет людей по лицам. Каролина прижалась лбом к холодному стеклу. Тоска по Ринку терзала ее сердце.

Несколько дней назад фотографию Ринка напечатали в газете. Стив показал газету Лауре Джейн, а та прибежала к Каролине. Оказывается, «Эр-Дикси» открыла еще один филиал. На фотографии Ринк пожимал руку мэру города. Загорелое лицо, белозубая улыбка, непокорная прядь волос, падающая на лоб. Каролине неудержимо захотелось коснуться этой пряди.

– Вы скучаете, по нему, Каролина? – тихо спросил Грейнджер.

– По кому? По Роско?

– Нет, по Ринку.

Она так и ахнула:

– Откуда вы это взяли?

Грейнджер невесело усмехнулся:

– Я ведь не слепой. Насколько я понимаю, ваши отношения начались не вчера и не позавчера. – Каролина хотела что-то сказать, но он торопливо добавил:

– Только ради Бога не подумайте, что я за вами шпионил! Я бы предпочел вообще ничего не знать, но на свадьбе Лауры Джейн вы так смотрели друг на друга, что у меня не осталось сомнений. Я... не ошибся?

– Не стану отрицать, Грейнджер, вы правы.

Каролина поспешно отвернулась к окну.

– Не сочтите меня бестактным, – нерешительно произнес Грейнджер, – но... мне бы хотелось понять, почему Ринк уехал.

Каролина секунду молчала, но затем все же ответила:

– Вы всегда были мне другом, Грейнджер. Я знаю, что, когда Роско на мне женился, вы были поражены, однако с самого начала не стали демонстрировать свое мнение, и относились ко мне с неизменным уважением. Я давно хочу искренне поблагодарить вас за это... Спасибо! И поэтому я вам признаюсь, что у нас с Ринком возникли трения... настолько серьезные, что он не счел возможным дольше здесь оставаться.

– Все дело в его отце, не так ли?

– Да. Главным образом, все дело в том, что я была его женой.

– Ринк – гордый парень.

– О, да, – Каролина подняла глаза на адвоката и тихо до-
бавила:

– Хотя мы с Роско в определенном смысле не были... на-
стоящими мужем и женой.

– Об этом я тоже догадывался.

Она грустно рассмеялась:

– Боже, вот это сюрприз! А я-то считала, что это вас шо-
кирует, заинтригует или... рассмешит. Согласитесь, Грейнд-
джер, ситуация несколько необычная.

– Напротив, я даже испытываю какое-то злорадство. Ро-
ско вас не стоил, Каролина. Я всегда так считал.

– Роско причинил людям много зла. Особенно Ринку.
Раньше я и не подозревала об этом.

– А я знал это давно.

– Вы знали о его кознях?

– Гораздо больше, чем вы можете предположить.

– Но тогда почему вы столько лет были его другом?

– Не другом, а адвокатом. Друзей у Роско не было. Он в
них не нуждался. Ну а я... я не порывал с ним в основном
потому, что без меня он пустился бы вразнос. А я его хоть
как-то сдерживал. Правда, и натерпелся я от него!

Каролина стиснула виски руками.

– Грейнджер, но вы-то знаете, Роско недостоин этой на-

грады. Он не заслуживал и ваших жертв, и вашей преданности.

– Так же, как и вашей, Каролина. Позвольте все же дать вам один совет.

– Я вас слушаю.

– Не отказывайтесь от этой награды, Каролина, примите ее.

– Даже если я считаю, что он ее не заслужил?!

– Не разочаровывайте людей. Им нужны знаменитости, нужны образцы для подражания. Дайте городу его кумира. Пусть хотя бы на час Роско станет тем, кем ему следовало бы быть в действительности.

– Может, вы и правы, – задумчиво откликнулась Каролина.

Адвокат встал. Каролина поднялась вслед за ним, и они оба направились к двери.

– Значит, завтра я сообщу оргкомитету фестиваля, что вы согласны принять награду Роско?

Каролина кивнула и, поколебавшись, спросила:

– Грейнджер, скажите мне, имею ли я право переписать имя на другое лицо?

Вот когда она его шокировала!

– Вы что, решили продать Укромный уголок?

– Нет, я хочу его подарить.

Грейнджер увидел в глазах Каролины решимость и предпочел воздержаться от дальнейших расспросов.

– Укромный уголок – ваша собственность, и вы вольны распоряжаться им по своему усмотрению. В завещании оговорено только, что Лауре Джейн должно быть позволено жить там до конца ее дней.

– Понятно. Что ж, это условие не будет нарушено.

– В таком случае вы сможете передать поместье другому лицу. Если, конечно, не передумаете.

Она задумчиво кивнула и поинтересовалась:

– Когда начнется фестиваль?

– Через месяц. Он назначен на третью неделю октября. – Грейнджер открыл дверь. – Да! Еще в оргкомитете просили дать адрес Ринка. Судя по всему, его тоже намерены пригласить и хотят заблаговременно уведомить об этом.

Каролина поспешно отвела глаза.

– Вы не могли бы подготовить к началу октября договор дарения?

Грейнджер улыбнулся, глядя на нее с понимающей улыбкой.

– Ей-Богу, если б я не знал, что Ланкастеры всегда доби-
ваются своего и с ними тягаться бесполезно, я бы сам в вас
влюбился, Каролина!

– Эй, вы!

Каролина остановилась как вкопанная и, прижимая к груди огромный пакет с продуктами, изумленно воззрилась на девочку, которая так грубо ее окликнула.

– Ты ко мне обращаешься?

– А к кому ж еще? Вы ведь миссис Ланкастер, да?

Девочке было не больше двенадцати лет, но она уже красилась вовсю. Ярко-розовые тени на веках, ресницы густо подведены синей тушью, губы накрашены белой помадой. Темные волосы стояли торчком. Одно ухо было проколото в трех местах, и в каждую дырку вдет маленькая сережка, в во втором ухе красовалась большая сверкающая звезда.

Одета девчушка была чудовищно: зеленая мини-юбка, оранжевые лосины. На белом свитере был вышит большой красный рот, из которого нахально высовывался язык. Кажется, девочка собралась участвовать в каком-то безумном спектакле. Господи, как это только родители позволяют своему ребенку разгуливать по улицам в таком виде?!

– Откуда ты меня знаешь? – спросила Каролина.

– Я хорошо знаю мистера Ланкастера. Ринка Ланкастера. Меня зовут Алиса.

Вот это да! Значит, это дочь Мерили! Та самая, которую так любил Ринк и которую с ним разлучили!

– Как поживаешь, Алиса?

– Нормально. А это вы вышли замуж за папашу Ринка, да?

– Да. Но недавно мой муж умер.

– Ага, это всем хорошо известно. А я как-то видела вас с Ринком в кафе «Марта».

– Вот как? Но почему ты не подошла, не заговорила с Ринком?

Девочка гордо вскинула голову.

– Не захотела. Да и чего подходить? Он меня и не помнит, наверно.

Каролина покосилась на спутниц девочки, таких же самоуверенных и нелепых, как Алиса. Правда, она тут же устыдилась своих мыслей, вспомнив, что и о ней в свое время судили предвзято – только по ее внешнему виду. Но когда одна из подружек Алисы достала сигарету и закурила, Каролина не смогла подавить свою неприязнь.

– Как поживает твоя мама?

Насколько помнила Каролина, Мерили была полногрудой блондинкой с ярко-голубыми глазами и капризным выражением лица.

– Она опять вышла замуж за какого-то кретина. Он еще хуже, чем предыдущий. Я стараюсь поменьше бывать дома, – выпалила Алиса и, устыдившись своей откровенности, пробормотала:

– Ладно, мне пора.

– погоди! – воскликнула Каролина и сама удивилась: что это на нее нашло?

Девочка взмахнула густо накрашенными ресницами, и Каролина вдруг увидела перед собой не наглую смешную девчонку, а несчастного и ранимого ребенка, который жаждет тепла и ласки, но не верит никому.

– послушай, может, как-нибудь заглянешь ко мне в гости? Я была бы рада познакомиться с тобой поближе.

Алиса скептически хмыкнула:

– Тоже мне радость!

– Нет, я серьезно говорю.

Каролина и сама не понимала, зачем ей это нужно. Однако чем-то Алиса ее растрогала. Каролина представила себе, как огорчился бы Ринк, если бы узнал, как одинока Алиса.

– Мне бы хотелось, чтобы мы с тобой стали друзьями.

Алиса смутилась:

– Почему?

– Потому что Ринк мне много про тебя рассказывал.

– Что же он обо мне рассказывал? – спросила Алиса, но Каролина почувствовала, что девочка удивлена и заинтригована.

– Например, о том, какой доброй и ласковой ты была в детстве, как он тебя любил и не хотел с тобой расставаться.

– Но он мне не отец! Вы хоть это знаете?!

– Знаю. Но он все равно тебя любил.

Девочка закусила накрашенную губу. Вид у нее был такой, будто она вот-вот разрыдается.

– Ринк приедет сюда на Осенний фестиваль, – поспешно добавила Каролина. – Может, ты навестишь его, если будешь здесь в это время?

Алиса дернула плечом.

– Не знаю. Я вообще-то занята.

– Я понимаю. Но Ринк с удовольствием бы с тобой повидался. Это твоя мама возражала против ваших встреч.

Вместо ответа Алиса обернулась и посмотрела через плечо на подружек, которые стояли чуть поодаль и уже явно выражали свое нетерпение.

– Ладно, мне пора идти.

– Рада была с тобой познакомиться, Алиса. Ты все-таки не забудь про мое приглашение.

– Ладно.

Девочка понуро побрела прочь. Но хотя вид у нее был жалкий, на сердце у Каролины неожиданно полегчало.

– Ты мной гордишься, Стив?

– Конечно.

Лаура Джейн и ее муж лежали на широченной кровати в бывшей спальне Роско. Комната изменилась до неузнаваемости. Перед свадьбой Лауры Джейн в ней сделали ремонт. Стены были оклеены новыми обоями, на окнах висели новые занавески, на полу лежали новые ковры. Вместо бюро, которым пользовался Роско, Каролина поставила в спальне диванчик, кресло и журнальничок.

Лаура Джейн прижалась к мужу.

– Да, но я не про то. Я про то, что было сегодня. Правда, я вела себя хорошо? Сама заплатила за покупки и взяла сдачу. И все сделала правильно!

Стив крепко обнял ее. Он давно убедился в том, что Лаура Джейн не такая хрупкая, как кажется, и уже не боялся задушить ее в объятиях.

– Ты все сделала правильно. Хотя я и раньше знал, что у

тебя все получится.

Стив взял с собой Лауру Джейн в супермаркет, где она должна была сделать покупки самостоятельно. Когда он впервые завел об этом речь, в глазах Лауры Джейн промелькнул ужас. Однако она не стала возражать, а внимательно изучила чек, который ей дали в кассе, долго высчитывала, какую сумму ей следует заплатить, а потом терпеливо дождалась сдачи. Из магазина Лаура Джейн выходила, сияя, словно ребенок, успешно сдавший свой первый экзамен.

– Я раньше даже и не пыталась сама что-либо покупать. Помню, Ринк возил меня в город и уговаривал попробовать, но я всегда боялась ошибиться и разочаровать его. И потому отказывалась.

Стив повернул к ней голову.

– А меня ты не боишься разочаровать?

– Конечно, боюсь, но мне так хочется сделать тебе приятное, что страхи куда-то отступают. Я же знаю, что я не такая умная, как другие. И мне не хочется, чтобы ты когда-нибудь пожалел о своей женитьбе.

– Моя дорогая, – прошептал Стив, уткнувшись ей в волосы. – Как я могу об этом пожалеть? Я всегда буду любить тебя. Всегда! Тебе не нужно стараться заслужить мою любовь, Лаура Джейн. Я и так твой навеки.

– Я тоже тебя люблю, Стив. Больше всех на свете!

Лаура Джейн села, сняла ночную рубашку и бросила ее на спинку кровати.

Стива восхищало, что она совершенно не стесняется своей наготы. В этом было что-то по-детски доверчивое. Безгрешная душой, Лаура Джейн не стыдилась своего тела. Она, как Ева до грехопадения, не знала запретов и угрызений совести.

Благодаря ей Стив отчасти примирился и со своим телом. Потеряв ногу, он ненавидел свое уродство, презирал себя. Но как ни удивительно, Лаура Джейн считала его красавцем и постоянно изобретала предлоги, чтобы к нему прикоснуться. Ее тонкие, словно фарфоровые, пальчики несли телу Стива покой и блаженство. А он-то, глупец, думал, его ничто уже не исцелит! В любви Лауры Джейн к Стиву не было ни капли эгоизма. До встречи с ней он и помыслить не мог, что такое бывает.

Сняв рубашку, Лаура Джейн умиротворенно улыбнулась и легла рядом со Стивом. Тонкая рука обвилась вокруг его пояса. Он погрузил пальцы в ее длинные густые волосы. Она подставила губы для поцелуя. Вскоре руки Стива принялись блуждать по ее телу. Лаура Джейн легла на мужа и языком щекотала ему ухо – этому она научилась у Стива в первые дни после свадьбы.

Потом Лаура Джейн потянулась губами к груди Стива. Он чуть было не упал с кровати.

– Лаура Джейн! – застонал Стив.

– Что? – с невинным видом откликнулась она. – Когда ты меня так целуешь, мне очень приятно. Но если тебе не нра-

вится, я перестану.

– Нет-нет, – задыхаясь, пробормотал он. – Пока не надо...

В следующий миг они уже были едины... Комната огласилась их блаженными стонами.

Когда волны страсти наконец схлынули, Стив и Лаура Джейн еще долго не размыкали объятий. Наконец она поцеловала его в лоб и легла рядом.

– Я рада, что ты научил меня заниматься любовью, – сказала она.

– Я тоже, – засмеялся Стив.

– Мне бы хотелось, чтобы все люди были так же счастливы, как мы с тобой!

– Увы, такого не может быть. Я самый счастливый человек в мире! – Стив нежно и спокойно поцеловал жену в губы.

– А Каролина несчастна. С тех пор как Ринк уехал, она несчастна.

Проницательность Лауры Джейн давно уже перестала удивлять Стива. Он много раз замечал, что она прекрасно улавливает настроение окружающих. Гораздо лучше своих близких.

– Как ты думаешь, она скучает по Ринку? – спросила Лаура Джейн.

– Думаю, да.

– Мне тоже так кажется. – Лаура Джейн умолкла, и Стив решил, что жена заснула. Но неожиданно она добавила:

– Я боюсь, Каролина умрет. Как папа.

Стив взял ее пальцем за подбородок и заглянул в глаза.

– Ты что? О чем ты говоришь?

– Каролина больна.

– Не может быть. Не выдумывай!

– Когда папа считал, что его никто не видит, он потирал живот. Вот так. А иногда зажмуривался, как будто у него что-то болело.

– Да, но при чем тут Каролина?

– Она делает то же самое. Вчера вечером, когда она вернулась с фабрики, я наблюдала за ней из гостиной. Каролина повесила куртку на вешалку и пошла к себе. Но на лестнице вдруг остановилась. Мне показалось, она вот-вот упадет. Я хотела подбежать к ней, но не успела. Каролина немного отдышалась и пошла дальше. Она шла еле-еле, словно у нее совсем не было сил, – Лаура Джейн тревожно нахмурилась:

– Стив, она не умрет? А?

– Нет, конечно. Она, наверное, просто устала.

– Надеюсь, ты прав. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас умер раньше меня. Особенно ты, – Лаура Джейн крепко обняла мужа. – Не умирай! Никогда не умирай, Стив.

Он ласково обнял жену, и вскоре она заснула. Почувствовав на своем плече ее мерное дыхание, Стив заботливо укрыл Лауру Джейн. Но к нему сон не шел. Слишком уж много было тревожных мыслей. Стив тоже волновался за Каролину, а рассказы Лауры Джейн только укрепили его подозрения.

В день открытия фестиваля погода была отличная. Предсказания синоптиков сбылись. Утро выдалось свежее, ясное. Ни намека на дождь. Каролина была рада этому. Ее новый костюм был как раз рассчитан на такую погоду.

В дверь тихонько постучали, и на пороге показалась Хейни с подносом в руках.

– Мне очень жаль тебя будить, девочка, но ты бы сама мне не простила, если бы сегодня проспала.

– Да, Хейни, спасибо, – откликнулась Каролина.

На подносе стоял чайник – в последнее время Каролина отказалась от кофе и перешла на чай, стакан апельсинового сока, два тоста и черничный джем.

– Вообще-то я уже проснулась. Но мне хотелось еще немножко поваляться.

– Что ж, и это простительно. Особенно когда человеку предстоит утомительный день. Может, приготовить тебе ванну?

– Пожалуй, да, – кивнула Каролина, садясь за столик и наливая чай. – На улице прохладно, так что горячая ванна будет кстати.

Хейни включила воду. Каролина слушала ее болтовню вполуха. Задумчиво прихлебывая чай, она смотрела в пространство перед собой.

– Ванна готова, – провозгласила Хейни. – Послушай, почему ты не съела тосты?

– Не хочу.

При одной лишь мысли о том, что ей придется на виду у всего города принять эту проклятую награду, Каролину выворачивало наизнанку. А уж если она еще и съест что-нибудь... нет, лучше не рисковать!

Экономка внимательно следила за Каролиной, достававшей из шкафа банный халат. В последнее время молодая женщина сильно похудела. По мнению Хейни, даже чересчур.

– Кожа да кости! – вздыхая, проворчала она себе под нос.

И спросила громко:

– Как ты думаешь, он приедет?

– Кто? – Каролина сделала вид, будто не понимает, но Хейни посмотрела на нее с такой укоризной, что она не выдержала и поспешила скрыться в ванной, дав экономке понять, что не желает говорить о Ринке.

Когда через час Каролина показалась на лестнице, Стив тихо присвистнул, а Лаура Джейн захлопала в ладоши.

– Вот это да! – восхитился Стив.

Каролина рассмеялась. Для домашних это был лучший подарок – они уже давно не слышали ее смеха.

– Ты великолепно выглядишь, Каролина! – с восторгом воскликнула Лаура Джейн. – Просто потрясающе.

– Слишком уж тощая, – буркнула Хейни, не сводя тем не

менее восхищенного взгляда с Каролины.

– Я решила, что раз уж обо мне будут судачить – а насколько я понимаю, без этого не обойтись, – надо дать им хороший повод. Да и потом, я ведь буду выступать от имени гражданина года. Надо быть на высоте.

Каролина надела бежевый шерстяной костюм и блузку, в тон цвета глаз. Волосы она убрала под бежевую фетровую шляпу с большими полями, в изгибе которых было нечто общее с красивой линией ее бровей. Косметикой Каролина никогда не злоупотребляла, но синяки под глазами замазала аккуратно. В ушах белели жемчужные сережки, ноги, обтянутые светлыми чулками, были обуты в замшевые туфли телесного цвета. На руках были такие же перчатки.

– Вы тоже молодцы, – Каролина с гордостью посмотрела на близких.

Лаура Джейн была похожа в голубом платье на куклу. Стив не стал мудрить и надел темный свадебный костюм. Правда, Каролина предусмотрительно купила ему другой галстук. Хейни тоже принарядилась.

– Карета подана, – объявил Стив, церемонно подавая руку Лауре Джейн. – Леди Лаура Джейн! Леди Каролина! Прошу следовать за мной. Вы, уважаемая Хейни, тоже не отставайте.

В школьном актовом зале яблоку негде было упасть. Такого не помнили даже старожилы.

Каролина сидела в президиуме. По одну руку от нее рас-

полагались родственники и Хейни – к большому неудовольствию жюри, – а по другую руку – устроители фестиваля.

Чтобы не впасть в панику, Каролина старалась сфокусировать свое внимание на американском флаге, установленном в углу сцены. Но звезды почему-то жужжали, как комары, а полосы колыхались, хотя флаг был совершенно неподвижен. Это у самой Каролины кружилась голова.

Поглядев в зал, она увидела людей, взирающих на нее с жадным любопытством. Каролине стало совсем не по себе. Она опустила глаза и заметила, что ее ладони стали влажными от волнения. Но надеть перчатки, чтобы скрыть это, она не решилась – тогда она совсем задохнется от духоты. Впрочем, с руками творилось что-то странное: при том, что ладони вспотели, пальцы были ледяными. Каролина глотнула воздуха, чтобы справиться с тошнотой, подступившей к горлу, и мысленно отругала себя за то, что слишком туго затянула шарф.

В животе урчало от голода. Ну почему она не съела эти тосты?! Правда, тогда ей было бы еще хуже... Но ведь ей и так, и так плохо! Не хватает еще опозориться на глазах у всего города!

Но почему тут так жарко, черт побери?! Теперь уже не только ладони, но и все тело Каролины покрылось липкой испариной. Она огляделась. Стив и Лаура Джейн тихо переговаривались. Хейни оживленно болтала с прихожанками церкви, в которую она обычно ходила по воскресеньям. Мэр

попыхивал сигарой, хотя в помещении школы курить не позволялось, и громко разговаривал с окружным судьей. От резкого запаха сигары Каролину чуть не вывернуло наизнанку.

Внезапно мэр наклонился к судье и тихо проговорил:

– Ну вот, теперь можно начинать. А то я боялся, что Ринк не успеет к началу церемонии. Пойду встречу молодого Ланкастера. – И мэр поспешил за кулисы.

Каролина проводила его глазами, пытаясь справиться с волнением.

Ринк здоровался со знакомыми. В это время Хейни, воинственно нахмурившись, поднялась со стула и направилась к Ринку. Он осекся на полуслове и громко чмокнул Хейни в щеку. Она смущенно отпрянула, зарделась, как невинная девушка, а потом сгребла его в охапку и чуть не задушила в своих объятиях. Так, не размыкая объятий, они и появились на сцене. Лаура Джейн бросилась брату на шею. Стив чуть привстал и обменялся с Ринком чинным рукопожатием.

Каролина сидела, уставившись в пол. Лицо ее пылало, голова кружилась. Ринк медленно приближался к ней. Понимая, что на них сейчас смотрит весь город, Каролина заставила себя радушно улыбнуться.

– Привет!

Ринк с трудом сдержал изумленный возглас. Он был поражен тем, как изменилась Каролина за такое короткое время: под глазами залегли синие тени, бледность придавала ей какой-то особенный шарм. Казалось, Каролина нуждается в за-

щите, как маленькая беспомощная девочка – такой она стала трогательной и хрупкой.

Но все равно она была сказочно прекрасна! Элегантный костюм делал ее просто неотразимой в ее новой прелести.

Ринку безумно хотелось подхватить Каролину на руки и не отпускать от себя ни на минуту. В последние два месяца он жил, как в аду. Все его мысли были заняты Каролиной.

Проклятая гордыня! Ну чего он взбеленился? Что, собственно говоря, тогда произошло?! Два пьяных идиота сболтнули в кабаке лишнего, а он не нашел ничего лучшего, как выместить зло на Каролине. Ну а она... она тоже не молчала. Если честно, то именно это его больше всего задело, тем более что в ее словах была правда. В этот раз Роско не был виноват в их разрыве. Это он, Ринк, сам уехал, не попрощавшись, сделал несчастными их обоих. Разве так следовало вести себя настоящему мужчине?! Он должен был бороться за свое счастье.

Да, но именно любовь сводит людей с ума, делает их ревнивыми, лишает разума. И ничего с этим нельзя поделать! Даже самые умные и рассудительные теряют головы, совершают безумные поступки.

Господи, ну почему вместо того, чтобы тихо и нежно сказать ей: «Как я соскучился по тебе, моя единственная!» – он вдруг холодно произнес:

– Привет, Каролина! Прекрасно выглядишь.

А ведь в действительности он жаждал обнять ее, попро-

свить прощения и бросить вызов всему свету, если их опять попытаются разлучить...

Когда Ринк занял место рядом с Каролиной, она чуть отодвинула свой стул и, выпрямив спину, положила накрепко сомкнутые руки на колени. Ринк искоса следил за ней взглядом. «Да, она так и осталась маленькой Золушкой, которая делает все, стараясь заслужить расположение окружающих», – думал Ринк. Сердце его разрывалось от любви и жалости к ней. «Какого черта тебе метать перед ними бисер? – хотелось крикнуть ему. – Да они не стоят и твоего мизинца, девочка моя!»

Но ему вдруг пришло в голову, что, по сути, и он сам ничем не отличается от Каролины. Страстно желая ее, он тем не менее от нее отказался, испугавшись осуждения толпы. Еще бы! Ведь она была замужем за его отцом! И все, естественно, считали, что это был обычный, нормальный брак... Лишь он один знал, что это не так. Но даже если бы люди оказались правы...

Ринк так резко повернул голову, что Каролина не успела отвести взгляд.

Он жадно пожирал глазами каждую ее черточку, стараясь запомнить все до мельчайших подробностей. Она казалась ему такой же красивой, как и при первой встрече, но только любил он ее в тысячу раз больше.

И внезапно Ринк понял, что он любил бы Каролину, даже если бы никогда не узнал правду о ее отношениях с Роско.

Он любил ее больше всего на свете, и по сравнению с этим боязнь общественного мнения, счёты с отцом, его собственные терзания не стоили ничего. Главное, что он безумно любил Каролину Доусон, и с этим ничего нельзя было поделать.

– Итак, я прошу миссис Каролину Ланкастер, вдову Роско Ланкастера, подойти к микрофону, – прозвучал голос мэра.

Ринк поднял голову и посмотрел на Каролину. Она явно не очень внимательно слушала речь мэра и, когда зал разразился громкими аплодисментами, вздрогнула от неожиданности. Однако быстро взяв себя в руки и оставив сумочку и перчатки на стуле, величественно, будто королева, привыкшая к подобным церемониям, подошла к микрофону. Правда, когда она улыбнулась мэру, губы ее задрожали, но собравшиеся понимающе сочли, что Каролину растрогала его проникновенная речь. Ринк внимательно взгляделся в лица сидевших в зале и решил, что волноваться ей не следует. Зал явно симпатизировал миссис Ланкастер.

Каролина приняла награду из рук мэра с обезоруживающей улыбкой.

А потом сказала в микрофон:

– Роско Ланкастер был бы очень польщен этой высокой честью. От имени всей нашей семьи я принимаю награду и говорю вам: «Спасибо!»

В словах Каролины не было ни капли лицемерия. Она говорила чистую правду. В отличие от мэра, она не стала живописать заслуги Роско, а лишь согласилась выступить от его

лица. Город получил своего «героя на час». Каролина выполнила их желание, и Ринк не видел в этом ничего плохого.

Передав мэру микрофон, Каролина направилась к своему месту, но вдруг на секунду остановилась. По ее лицу разлилась мертвенная бледность. Она прикрыла глаза, словно борясь с дурнотой, немного постояла, сделала еще один шаг и... пошатнулась. Мэр поддержал Каролину под локоть и, наклонившись к ее уху, встревоженным шепотом спросил ее о чем-то.

Ринк вскочил со стула. Каролина, беспомощно посмотрела в его сторону, но тут же глаза ее закатились, колени подогнулись, и она упала.

Зал ахнул. Лаура Джейн истошно завопила и стиснула руку Стива. Хейни вскричала: «Милостивый Боже!» – и прижала руки к своей необъятной груди.

Обезумев от ужаса, Ринк продирался сквозь толпу, обступившую Каролину.

– Дайте пройти! Слышите?! Да отойдите же с дороги!

Наконец он оказался рядом с Каролиной и, встав на колени, взял ее за руку.

– Каролина! Каролина! Ради Бога, вызовите врача! Каролина, дорогая! Что ты молчишь? Ты слышишь меня? Каролина!

Он снял с нее пиджак и расстегнул верхние пуговицы блузки. Шляпка сама свалилась с Каролиной головы, волосы разметались по плечам. Ринк похлопал Каролину по

щекам. Она открыла глаза.

– Что с тобой, дорогая? – испуганно спрашивал Ринк. – Нет-нет, молчи. Ты лежи, не двигайся... Сейчас вызовем врача.

– Ринк... – Каролина попыталась улыбнуться. – Ринк, что со мной?

– Я здесь, я с тобой. Тебе стало плохо, и ты потеряла сознание.

Она с трудом подняла руку и погладила его по щеке.

Стоявшие вокруг них люди с изумлением взирали на эту сцену.

– Не волнуйся, сейчас приедет врач... все будет хорошо. – Ринк положил голову Каролины себе на колени.

– Не нужно никакого врача!

– Лежи тихо. Ты упала в обморок от волнения. Но ничего страшного... Ты...

– Мне не нужен врач, я все знаю сама. Я беременна, Ринк, – еле слышно проговорила Каролина.

Слова Каролины не сразу дошли до сознания Ринка.

Она тихо рассмеялась.

– Да-да, все дело в этом. Я жду ребенка.

Она обвела взглядом людей, сгрудившихся вокруг нее. Отцы города, затаив дыхание, следили за сценой, разыгравшейся на их глазах. Что ж, в ближайшие месяцы им будет о чем поговорить! Когда-то давно эти люди обливали презрением ее семью. А она потом делала все, чтобы завоевать

их уважение или хотя бы одобрение, доказывала, что она тоже чего-то стоит... Зачем? Боже, как она была глупа! Зачем было тратить столько лет жизни, чтобы снискать расположение людей, чужих для нее?!

Каролина снова перевела взгляд на Ринка. И увидела в прекрасных глазах Ринка свет любви, любви к ней.

– Я жду ребенка от тебя, Ринк, – прошептала она.

Глаза его с невыразимой нежностью смотрели на нее.

– Любимая! – еле слышно выдохнул Ринк, подхватил ее на руки и, поднявшись с колен, воскликнул:

– Пропустите! Вы слышали, эта женщина ждет ребенка, ей нужен свежий воздух. Господин мэр, да погасите же вы эту чертову сигару! Мне и то плохо делается, хотя я всего лишь будущий отец, а не будущая мать. Хейни, пожалуйста, возьми со стула Каролинины вещи. Я отвезу ее домой. Стив, будь любезен, подгони машину ко входу. Лаура Джейн, ты готова? Тогда пошли!

Пока Ринк отдавал эти распоряжения, Каролина доверчиво склонила голову на плечо Ринка.

И он двинулся к выходу с драгоценной ношей на руках, повторяя:

– Господи, до чего же здесь душно! Удивительно, что одна только Каролина Ланкастер упала в обморок! Я сейчас отвезу ее домой, она поест, поспит, и все будет нормально, – оживленно говорил Ринк. – Всем советую последовать нашему примеру. Еще раз всем спасибо за внимание и за ока-

занную честь.

Он наклонился к Каролине с нежнейшей улыбкой, а она на виду у всего города ответила ему жаркими объятиями.

– Ну что? Уже проснулась? – Ринк ласково поцеловал Каролину в лоб.

– А ты что, так и просидел здесь все время?

– Так и просидел. Ты заснула, взяв мою руку в свою, а я боялся потревожить тебя.

– И долго я спала?

– Почти три часа. А я намерен продержать тебя в постели несколько дней.

Глаза Каролины изумленно расширились.

– Почему? Это что, так необходимо?

– Совершенно необходимо... – Ринк скорчил шуточно-грозную гримасу и крепко прижал Каролину к себе. Она радостно прильнула к нему.

Ринк прилег на кровать рядом с Каролиной, и какое-то время они самозабвенно целовались. Потом Ринк чуть отстранился от Каролины и спросил:

– И когда ты собиралась рассказать мне обо всем?

Каролина одной рукой расстегнула пуговицы рубашки Ринка, другая ее рука начала ласкать его обнаженную грудь.

– Я надеялась, что ты приедешь на церемонию. Если бы ты не приехал, я бы позвонила тебе в Атланту.

– Правда?

– Правда. Если не я, так Хейни.

– Она что, знала?

– Догадывалась. И Стив тоже. Они не задавали мне никаких вопросов, но по их многозначительным взглядам я поняла, что они в курсе.

– Я, когда увидел тебя на сцене, страшно разнервничался. Ты так похудела! – Ринк погладил ее плечи, провел пальцами по ключице.

– Врач уверяет, что все в норме. У меня ведь токсикоз.

– Да, но почему ты так долго молчала, как-никак это событие имеет ко мне самое непосредственное отношение. У меня просто руки чешутся всыпать тебе как следует.

– Лучше ты меня как следует поцелуй.

Он с удовольствием выполнил эту просьбу и осторожно погладил Каролину по животу.

– Даже не верится, что тут мой ребенок. Это настоящее чудо!

И Ринк снова потянулся к губам Каролины. На сей раз, однако, в его поцелуе было уже гораздо больше страсти. Рука Ринка накрыла ее грудь. Привезя Каролину домой, Ринк раздел ее, оставив лишь трусики и кружевной лифчик. Разомлевшее ото сна тело было теплым, податливым. Ринк поцеловал горячую грудь, прикрытую тонким кружевом.

– Каролина, ты выйдешь за меня замуж?

Она вздохнула, словно раздумывая.

Ринк обхватил губами розовый сосок.

– Разве я могу отказаться? – прошептала Каролина. – Ты так убедительно просишь!

Ринк поднял голову и заглянул ей в глаза.

– Знаешь, сегодня я вдруг понял одну очень важную вещь... Даже если бы ты жила с моим отцом по-настоящему, я бы все равно тебя любил. Отец опшбался: моя любовь к тебе сильнее моей гордости. И нет такой силы, которая бы помешала мне любить тебя.

По щекам Каролины текли слезы.

– Я люблю тебя. – Она порывисто поцеловала Ринка в губы. – И стану твоей женой.

– Так скоро? – насмешливо уточнил он. – Но ведь прошло только четыре месяца со дня смерти моего отца. Это вызовет кривотолки.

Каролина откинулась на подушку и рассмеялась от всей души.

– Ну, конечно! Особенно после сегодняшнего случая! – Она с гордостью погладила свой живот. – Нет уж, в данных обстоятельствах чем скорее мы поженимся, тем лучше.

– Может, тогда на этой неделе?

– Давай завтра? – предложила Каролина.

Ринк улыбнулся, а она спросила:

– Вот только как мы потом устроимся? Где будем жить?

– Здесь. Хотя мне придется постоянно летать в Атланту по делам.

– И будешь брать меня с собой.

– И ты не побоишься летать со мной на самолете?

– Я ничего не боюсь, когда ты рядом.

За это она заслужила еще один поцелуй.

– Послушай, значит, теперь мы на законных основаниях можем спать в одной постели? – смеясь, воскликнул Ринк.

– Конечно. Давай мы переберемся в твою спальню, а здесь устроим детскую, – предложила Каролина.

Ринк задумчиво огляделся:

– Пожалуй, ты права. Моей маме эта мысль пришла бы по вкусу.

Их губы снова слились.

– Никак не могу от тебя оторваться, – пробормотал Ринк. – До чего же я по тебе соскучился, милая!

Его волосатая грудь терлась о ее грудь, увлажненную поцелуями, а руки легонько поглаживали низ живота. Каролина сразу как-то размякла и, уже не в силах бороться с желанием, прошептала:

– Ты бы разделся, Ринк.

– Ох, черт! – вдруг выругался он и сел на кровати. Щеки его алели, словно маки. – С этим придется повременить, дорогая. Я обещал Хейни, что, как только ты проснешься, мы спустимся вниз.

– Ой! – всплеснула руками Каролина и, отбросив одеяло, спустила ноги на пол. – Я чуть не забыла... У нас сегодня гости.

– Гости?

– Это сюрприз... Найди мне какое-нибудь платье... там, в шкафу, – Каролина бросилась к туалетному столику, схватила расческу и начала причесываться. – Слушай, по моему виду можно сказать, что мы с тобой... ну, ты понимаешь?

Она озабоченно всмотрелась в свое отражение в зеркале и провела пальцем по опухшим от поцелуев губам.

Ринк тем временем снял с вешалки платье с круглым белым воротником и, подойдя к Каролине сзади, положил руки ей на грудь.

– Ага... Достаточно на тебя взглянуть, чтобы все понять.

И он принялся щекотать языком ее ухо.

– Ринк! Если ты не перестанешь, я и через час не буду готова.

– Неважно! Главное, что я готов. – Он прижался к ней, недвусмысленно давая понять, что он имеет в виду. – Я давно готов... Знала бы ты, какая ты во сне красавица!

– Все-все-все! Не соблазняй меня! Ничего не желаю слушать. Нас ведь ждут к ужину.

– Черт бы побрал этот ужин! – в сердцах воскликнул Ринк и опустил руки.

Приведя себя в порядок, они спустились в гостиную, где уже сидели Стив и Лаура Джейн. Стив без лишних слов налил Ринку бурбон. В его предупредительности было что-то трогательное.

– Спасибо, Стив! – улыбнулся Ринк.

Если у него и оставались какие-нибудь сомнения насчет

выбора сестры, то теперь они полностью рассеялись, стоило ему увидеть, как они сидят рядышком и млеют от счастья. Лаура Джейн сияла. Ну а Стив... тот совершенно преобразился. Лицо его разгладилось, в жестах появилась непривычная плавность. Он приобрел уверенность в себе, разговаривал с Ринком на равных, делился планами на будущее. Чем больше Стив и Ринк сближались, тем больше друг другу нравились.

Когда в дверь позвонили, Каролина сама бросилась открывать, бросив на ходу.

– Продолжайте. Я сейчас.

– Разве я могу быть спокоен, если она носится по дому как метеор? – посетовал Ринк. – Насколько я понимаю, ей сейчас следует побольше лежать.

– Мне до сих пор не верится, что у Каролины будет ребенок, – сказала Лаура Джейн.

– А мне не верится, что я узнал об этом последним, – Ринк сделал сердитое лицо и спросил Стива:

– Почему ты мне не позвонил? Хоть бы намекнул...

Стив пожал плечами. Он явно не испытывал угрызений совести.

– А меня никто не уполномочивал.

Ринк нахмурился и собирался что-то возразить, но тут в дверях показалась Каролина.

– Ринк, посмотри, кто к нам пришел.

Девочка, стоявшая рядом с ней, неловко переминалась с

ноги на ногу и кусала губы. На сей раз ненакрашенные, с облегчением отметила про себя Каролина. Сегодня в Алисе трудно было признать ту вульгарную девчонку, которую Каролина встретила совсем недавно на улице. На этот раз оделась Алиса, как и подобает девочке ее возраста: тонкий свитерок обтягивал ее хрупкую фигуру, юбка опускалась чуть ниже колен. Лицо, на котором не было ни капли грима, покоряло детской чистотой. Непокорные волосы, правда, не желали слушаться свою хозяйку, но было заметно, что Алиса по крайней мере постаралась привести их в пристойный вид.

– Это она меня позвала, – Алиса кивнула в сторону Каролины. – Я думала, вы даже имя мое давно позабыли, но она сказала, что нет...

И девочка передернула плечами, демонстрируя свою независимость.

На лице Ринка отразилась целая гамма чувств: недоумение, изумление и, наконец, радость. Он ахнул, еле слышно произнес имя девочки, а потом раскинул руки и пошел ей навстречу, повторяя уже громко:

– Алиса!

Каролина перевела взгляд на девочку. Губы Алисы дрогнули, в глазах заблестели слезы. Она отчаянно пыталась сделать вид, что ей все до лампочки, но не смогла и, отказавшись от потуг на «крутость», бросилась в объятия Ринка, уткнулась лицом в его грудь и громко всхлипнула.

– А она забавная, эта Алиса.

Ринк и Каролина разговаривали в спальне, собираясь ложиться в постель.

– Я же говорила тебе. Конечно, она плохо воспитана. Я бы даже сказала, ее вообще никто не воспитывал. Ты бы видел, как она выглядела, когда мы с ней встретились в первый раз! Просто персонаж из фильма ужасов.

– И давно ты с ней познакомилась?

Ринк сел на кровать и принялся снимать носки.

– Не очень. Мы успели пару раз сходить с ней в кафе, а потом я пригласила ее к ужину – в расчете на твой приезд, – Каролина повесила платье в шкаф и повернулась к Ринку. – Я рада, что она была у нас сегодня.

– Я тоже, – кивнул он. – Спасибо тебе, Каролина. Ты заметила, с каким выражением она на нас посмотрела, когда мы пригласили ее завтра на ярмарку? Мерили, видно, совсем не занимается бедной девочкой. О чем она только думает? Ведь она может потерять дочь!

– Алиса тянется к тебе, Ринк. И это несмотря на то, что она знает, кто ее родной отец. Но она помнит, как ты был добр к ней в детстве. Ей не хватает тепла и любви.

– Это ты молодец, Каролина. Сумела расположить девочку, она просто в рот тебе смотрит.

– Как ты думаешь, Ринк, нам действительно стоит завтра идти на ярмарку?

– А почему нет?

Каролина помолчала, подбирая слова, и с напускным равнодушием ответила:

– Но там соберется весь город. А после сегодняшнего...

Закончить фразу ей не удалось – Ринк закрыл ее рот поцелуем.

– Наоборот, мы чинно будем прогуливаться под ручку и со всеми раскланиваться, – серьезно произнес он. – А тем, кто еще не в курсе дела, я с удовольствием расскажу о своей любви и о том, что жду не дождусь рождения нашего ребенка.

Каролина прижалась лбом к его щеке.

– Ты прелесть! Я тебя обожаю.

– Нет, это ты прелесть.

Ринк окинул жадным взглядом фигуру Каролины. Шелковое нижнее белье соблазнительно облегалo ее бедра и высокую грудь.

– Ты прекрасна, Каролина.

Он осторожно прикоснулся к тонкой ткани, и тело Каролины мгновенно откликнулось, затрепетало. Грудь напряглась, а стоило Ринку дотронуться до темного треугольника, скрывавшегося под шелковыми трусиками, как бедра Каролины пронзили тысячи мелких иголочек. Но это была сладостная боль.

Она поняла, что еще мгновение – и она будет не в силах сопротивляться своему желанию.

– Ринк, погоди! Я... я должна тебе кое-что подарить.

– Я тебе тоже, – прошептал он. – Может, твой подарок немного подождет?

– П-пожалуй, д-да...

– Ну а мой ждать больше не может, – усмехнулся Ринк, направляя ее руку к своим вздувшимся плавкам.

Он снял с нее трусики, полюбовался ее ослепительной наготой и перенес Каролину на постель. Потом быстро разделся сам.

– Я люблю тебя. И всегда любил, Каролина. Мне было страшно просыпаться по утрам, потому что я тут же начинал гадать, где ты, чем занимаешься... Мне так хотелось тебя увидеть! А теперь я буду просыпаться с радостью, потому что ты рядом, и мы с тобой любим друг друга.

Ринк прижался губами к животу Каролины. И подумал о младенце, который спокойно спал в ее чреве. Каролина погладила любимого по голове, мысленно благодаря судьбу за то, что та даровала им такое счастье. Губы Ринка потянулись к островку темных волос. И тут же ураган желаний обрушился на Каролину. Ринк поцеловал темную розу, трепетавшую от каждого его прикосновения, и тихо спросил:

– Ребенку не повредит, если мы...

– Нет, – даже не дослушав, воскликнула Каролина. – Нет!

Потом, когда они уже вышли из-под душа и вытирали друг друга полотенцем, Каролина сказала:

– А я ведь так и не подарила тебе обещанный подарок.

– Ты думаешь, мне мало? – рассмеялся Ринк. – Вряд ли

этот подарок окажется лучше того, что я уже получил.

– Я серьезно.

Каролина достала из старинного бюро сложенную вчетверо бумагу, протянула ее Ринку, а сама отошла к окну.

Серебристый лунный свет заливал лужайку. Вдалеке, за деревьями, угадывалось темное пятно пруда. Боже, как ей были дороги эти места! Но Ринк был еще дороже...

Бумага зашуршала. Ринк пробежал глазами дарственную, в которой говорилось, что отныне Укромный уголок принадлежит ему. Мягкий ворс ковра скрадывал звуки его шагов.

– Я не могу этого принять, Каролина, – сказал Ринк, обнимая ее за плечи, – Уголок твой.

Каролина покачала головой:

– Нет. Это твой дом, Ринк. И всегда будет твоим. Потому-то именно за это я его и люблю. Без тебя он ничто. Ты вдыхаешь в него жизнь. Как и в меня. – Она шагнула к Ринку и положила руку ему на грудь. – Я так люблю тебя, что готова поступиться тем, о чем мечтала всю жизнь. Пожалуйста, не отказывайся. Из любви ко мне!

Ринк долго смотрел на нее, а потом аккуратно сложил дарственную и спрятал обратно в ящик.

– Хорошо, но с одним условием: если ты обещаешь жить здесь со мной до конца твоих дней. Пообещай любить меня, родить мне много детей и никогда не вспоминать о былых несчастьях!

Каролина лучезарно улыбнулась:

– Обещаю.

Ринк скрепил их договор жарким поцелуем и, подхватив Каролину на руки, понес к кровати.